

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2026 г.

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Вестник Московского Международного Университета

Научный электронный журнал
№ 1(9), 2026 г.
Выходит 4 раза в год

Москва, 2026 год

УЧРЕДИТЕЛЬ:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Манюшис А.Ю., д-р экон. наук, проф. (главный редактор)
Чепкасова Е.А., канд. экон. наук, доц. (зам. главного редактора)
Ильинская Е.В., канд. экон. наук, доц. (ответственный редактор)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.9.8)

Бузинова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

Волошина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород)

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор (ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.2.3)

Адельфинский Алексей Олегович – доктор экономических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва)

Мокий Михаил Стефанович – доктор экономических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва)

Новиков Александр Анатольевич – доктор экономических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.3.4)

Нагаева Ирина Александровна – доктор педагогических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

Толстикова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор (ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов)

Вестник Московского Международного Университета [Электронное издание] /
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. – Москва: Изд-во Московс.
межд. ун-та, 2026. – Текст. Изображение: электронные.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ И ТРАНСКРИПТОВ CNN)	10
Афанасьева Надежда Павловна	
ПОТЕРЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРИллерОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. КИНГА, Д. ФЛИНН, П. ХОКИНСА)	15
Ведерникова Татьяна Валерьевна	
БИЛИНГВАЛЬНАЯ НАТИВИЗАЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА АДАПТАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИИ	20
Волошина Татьяна Геннадьевна, Богданова Марина Дмитриевна	
К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	25
Жигалова Майя Роландовна, Тедеева Фатима Лентоевна, Голубева Татьяна Николаевна	
КАЛАМБУР КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЮМОРА В СЕРИАЛЕ «MODERN FAMILY»	32
Залесова Наталья Михайловна	
МЕТАФОРОПОДОБНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ВОЖДЯ БРОМДЕНА В РОМАНЕ КЕНА КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»	37
Костина Марина Сергеевна, Сумарокова Наталья Анатольевна	
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	44
Пашковская Наталья Дмитриевна, Натертышева Кристина Алексеевна	
МЕЖДУ СКАЗКОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ЯЗЫК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ Г.Г. МАРКЕСА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА»	49
Рукавишников Ирина Александровна	
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАДИСКУРСА ЮАР)	56
Степаненко Сергей Викторович, Волошина Татьяна Геннадьевна	

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РАЗВИТИЕМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	61
Белохвост Руслан Алексеевич, Лаптев Сергей Вениаминович	
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ (ОБЗОР)	66
Брычеев Алексей Сергеевич	
АНАЛИЗ И ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТАКСОПАРКОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	70
Геворгян Геворг Арсенович, Лаптев Сергей Вениаминович	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМНОМ УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	74
Грибкова Елена Юрьевна	
ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	78
Коршунов Александр Александрович, Ложкина Светлана Леонидовна	

СОДЕРЖАНИЕ

ИВЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В МЕДИАКОМПАНИЯХ	84
Котельников Даниил Константинович, Кожина Вероника Олеговна	
УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИЕЙ РАДИОЭФИРА И СОБЫТИЙНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МЕДИАБРЕНДА В РОССИИ	91
Котельников Даниил Константинович, Кожина Вероника Олеговна	
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	97
Маркова Ольга Владимировна, Калинин Дмитрий Викторович	
ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ШВЕЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ	102
Мельниченко Надежда Федоровна, Каврыков Антон Валерьевич	
ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	108
Новиков Роман Александрович	
МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	113
Оверин Георгий Максимович, Новикова Елена Валерьевна	
ЗАЧЕМ НУЖНЫ РЕЙТИНГИ УМНЫХ ГОРОДОВ.....	122
Тищенко Илья Иванович	

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТРУДОГОЛИЗМА СРЕДИ ПЕДАГОГОВ И СОТРУДНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	127
Алигаева Нигар Назимовна	
СПЕЦИФИКА ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ ГОРЯ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ.....	132
Бескова Татьяна Викторовна, Маслова Дарья Владимировна	
ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ И СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА	137
Власова Елена Владимировна, Серегина Варвара Дмитриевна	
САМООТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ	143
Даренских Светлана Сергеевна, Белозерова Мария Сергеевна	
БАЛИНТОВСКАЯ СУПЕРВИЗИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ	148
Зинюк Елена Федоровна	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИВАЮЩЕЙ ПРОГРАММЫ «УСПЕШНЫЙ ПЕРВОКЛАССНИК» В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ	153
Комиссарова Ольга Александровна, Воронцова Наталья Анатольевна	

СОДЕРЖАНИЕ

РАННЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ

В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ:

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ У МОЛОДЕЖИ 160

Поляков Александр Сергеевич, Юсубова Эльзара Элсевар кызы

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

ENGLISH MEDIA DISCOURSE: PECULIAR FEATURES (BASED ON PUBLICATIONS AND CNN TRANSCRIPTS).....	10
Afanasyeva N.P.	
LOSS OF EMOTIONAL IMPACT IN ANGLOPHONE THRILLERS DURING TRANSLATION TO RUSSIAN (BASED ON THE WORKS OF S. KING, G. FLYNN AND P. HAWKINS)	15
Vedernikova T.V.	
BILINGUAL NATIVIZATION AS A SPECIAL FORM OF ENGLISH LANGUAGE ADAPTATION IN NIGERIA.....	20
Voloshina T.G., Bogdanova M.D.	
THE PROBLEM OF TRANSLATING FOOD INDUSTRY TERMINOLOGY	25
Zhigalova M.R., Tedeeva F.L., Golubeva T.N.	
PUN AS A MEANS OF CREATING HUMOR IN THE “MODERN FAMILY” SERIES	32
Zalesova N.M.	
METAPHOR-LIKE EXPRESSIONS AS A MEANS OF REPRESENTING CHIEF BROMDEN’S INNER WORLD IN KENSEY’S NOVEL “ONE FLEW OVER THE CUCKOO’S NEST”	37
Kostina M.S., Sumarokova N.A.	
LEXICAL INTERFERENCE AS A METHODOLOGICAL PROBLEM AND WAYS TO ADDRESS IT IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING	44
Pashkovskaya N.D., Natertysheva K.A.	
BETWEEN FAIRY TALE AND REALITY: THE LANGUAGE OF MAGICAL REALISM IN GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ’S NOVEL «ONE HUNDRED YEARS OF SOLITUDE».....	49
Rukavishnikova I.A.	
LINGUOCULTUREMA AS A CENTRAL CONCEPT IN LINGUOCULTURAL STUDIES AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (BASED ON THE MEDIA DISCOURSE IN SOUTH AFRICA).....	56
Stepanenko S.V., Voloshina T.G.	

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

FORMATION OF A STRATEGIC MANAGEMENT SYSTEM FOR INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE ROSTOV REGION.....	61
Belokhvost R.A., Laptev S.V.	
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE ROSTOV REGION: ACHIEVEMENTS AND DIRECTIONS (A REVIEW).....	66
Brycheev A.S.	
ANALYSIS AND RAISING OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF TAXI COMPANY MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION	70
Gevorgyan G.A., Laptev S.V.	
INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM MANAGEMENT OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION).....	74
Gribkova E.Yu.	

CONTENTS

DIGITAL MATURITY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF THE «NEW REALITY» OF THE RUSSIAN ECONOMY	78
Korshunov A.A., Lozhkina S.L.	
EVENT MANAGEMENT AS A TOOL OF MARKETING COMMUNICATIONS IN MEDIA COMPANIES	84
Kotelnikov D.K., Kozhina V.O.	
MANAGING THE INTEGRATION OF RADIO BROADCASTING AND EVENT COMMUNICATIONS IN MEDIA BRAND DEVELOPMENT STRATEGY	91
Kotelnikov D.K., Kozhina V.O.	
INTERACTION BETWEEN THE STATE AND THE PRIVATE SECTOR IN THE FIELD OF INNOVATION.....	97
Markova O.V., Kalinin V.D.	
CIRCULAR ECONOMY AS THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF SWEDEN AND RUSSIAN PERSPECTIVES.....	102
Melnichenko N.F., Kavrykov A.V.	
TRANSFORMATIONAL STRATEGY OF ECONOMIC GROWTH OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION	108
Novikov R.A.	
RUSSIA'S SINGLE-INDUSTRY TOWNS: TRENDS AND PROSPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT.....	113
Overin G.M., Novikova E.V.	
WHY SMART CITY RATINGS MATTER	122
Tishchenko I.I.	

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

MODERN METHODS OF PREVENTING WORKAHOLISM AMONG TEACHERS AND STAFF OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS.....	127
Aligaeva N.N.	
SPECIFICS OF PSYCHOCORRECTIVE WORK IN GRIEF EXPERIENCE: EMPIRICAL SUBSTANTIATION	132
Beskova T.V., Maslova D.V.	
PERSONAL FACTORS AND DECISION-MAKING STRATEGIES. GENDER SPECIFICITY IN YOUNG ADULTS.....	137
Vlasova E.V., Seregina V.D.	
SELF-ATTITUDE OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ADDICTION	143
Darenskih S.S., Belozerova M.S.	
BALINT SUPERVISION AS A TOOL FOR FORMING PROFESSIONAL IDENTITY IN NOVICE PSYCHOLOGISTS	148
Zinyuk E.F.	
THE EFFECTIVENESS OF THE DEVELOPMENTAL PROGRAM «SUCCESSFUL FIRST-GRADER» IN THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR SCHOOL IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN	153
Komissarova O.A., Vorontsova N.A.	

CONTENTS

EARLY ATTACHMENT AND BEHAVIORAL STRATEGIES IN INTERPERSONAL CONFLICTS: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP AMONG YOUTH	160
Polyakov A.S., Yusubova Elzara Elsevar kyzy	

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ И ТРАНСКРИПТОВ CNN)

Афанасьева Надежда Павловна¹,

аспирант кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: nadezhda.afanasieva@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье анализируются структурные, лингвистические и фрейминговые особенности англоязычного медиадискурса на основе публикаций и транскриптов CNN из разделов «Бизнес» и «Мир» (2025–2026 гг.). Результаты исследования демонстрируют, как фрейминг, модальность и метафора функционируют как систематические механизмы построения когнитивных представлений о политической и экономической реальности в современном англоязычном медиадискурсе.

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс, фрейминг, медиалингвистика, дискурс-анализ, модальность, метафора.

ENGLISH MEDIA DISCOURSE: PECULIAR FEATURES (BASED ON PUBLICATIONS AND CNN TRANSCRIPTS)

Afanasyeva N.P.¹,

postgraduate student at the Department of Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: nadezhda.afanasieva@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

This research work analyzes the structural, linguistic, and framing features of English-language media discourse based on CNN publications and broadcast transcripts from the Business and World sections (2025–2026). The article demonstrates how framing, modality, and metaphor function as systematic mechanisms for constructing cognitive representations of political and economic reality in contemporary English-language media discourse.

Keywords: English-language media discourse, framing, media linguistics, discourse analysis, modality, metaphor.

ВВЕДЕНИЕ

Современное англоязычное медиапространство играет ключевую роль в формировании глобальной информационной повестки. Английский язык в медиадискурсе функционирует не только как средство передачи фактов, но и как инструмент интерпретации событий. Международные СМИ, в частности CNN, демонстрируют тенденции развития англоязычного социума через структурирование и языковое оформление новостей. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления новых лингвистических признаков английского языка в медиадискурсе, включая жанровые и риторические особенности, а также мультимодальные стратегии. Цель работы – выявить структурные и языковые особенности англоязычного медиадискурса на примере материалов CNN. Для анализа специфики англоязычного медиадискурса были проанализированы следующие письменные тексты: статья о тарифах США и реакции ЕС (Business, 18.01.2026); статья о росте расходов на здравоохранение (Economy, 16.07.2025); транскрипт CNN Newsroom (10.01.2026); транскрипт Connect the World (05.02.2026).

МЕТОДОЛОГИЯ

В процессе анализа были использованы следующие методы: дискурс-анализ; критический дискурс-анализ; лексико-семантический и статистический анализ текста; структурно-композиционный и жанровый анализ; мультимодальный анализ (текст, видео, аудио, графика). Для количественного анализа были использованы выбранные статьи и транскрипты, выявлены частотные языковые маркеры фреймов (Conflict, Economic Pressure, Authority, Interdependence), модальные глаголы и метафоры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В ходе анализа были установлены следующие структурные особенности англоязычного медиадискурса: для жанровой организации характерно функционирование новостных блоков как ключевых источников предоставления информации; в выбранном типе дискурса преобладают статьи аналитического жанра; англоязычный медиадискурс сопровождается экспертными комментариями, транскриптами эфиров; инфографикой и мультимодальными вставками; структура текста письменных публикаций имеет следующую структуру: заголовок → лид → развитие сюжета с цитатами → контекст → прогноз [1, 2, 3]. Специфическим признаком англоязычного медиапространства является его мультимодальность, что проявляется в высокочастотном сопровождении текстов статей видеороликами; аудиофрагментами; инфографикой; гиперссылками; рекламными блоками [4]. Англоязычная платформа CNN отличается спецификой фрейминга и риторических стратегий. Фрейминг организует событие в смысловую рамку.

В процессе исследования была выявлена типология фреймов в англоязычном медиадискурсе CNN в разделах Business и World:

Conflict Frame ярче всего проявляется в статье о торговых тарифах и возможной реакции ЕС. В рассматриваемой статье были использованы такие языковые маркеры как: *threatens, trade bazooka, retaliation, dangerous downward spiral, standoff, could get ugly fast* и др. Лингвостилистический анализ показал, что рассматриваемый фрейм строится на милитаризованных метафорах (*bazooka*), динамической лексике эскалации (*spiral, escalate, retaliate*), прогнозных модальных конструкциях (*could, may, risk*).

В данной статье торговая мера представлена не как экономическая процедура, а как *геополитическое противостояние*, почти как квази-военный сценарий. Важно учитывать тот факт, что CNN не утверждает неизбежность кризиса, но через гипотетические конструкции (*could, risk*) формирует у читателя когнитивную модель надвигающейся нестабильности.

Economic Pressure Frame или *Economic Burden Frame* ярко выражен в статье о росте расходов на здравоохранение (2025/2026). В этой статье были выявлены следующие языковые маркеры: *soaring costs, mounting pressure, employees brace for increases, financial squeeze*; а также числовые показатели роста. Особенностью использования данного фрейма является то, что здесь драматизация достигается не через милитаризацию, а при помощи количественных показателей (проценты роста); глаголов давления (*brace, absorb, shoulder*), образа постепенного усиления нагрузки.

Фрейм строится вокруг идеи: экономическая динамика → воздействие на домохозяйства → системная проблема. Это – пример социально-экономического фрейминга, который демонстрирует воздействие экономических процессов на население, а индивидуальный опыт связывается с макроэкономикой.

Институциональный фрейм (Authority Frame)

Институциональный фрейм выражается при помощи прямых цитат официальных лиц и экспертов (*officials say, analysts warn*), тем самым обеспечивается объективность и легитимацию информации.

Экспертно-институциональный фрейм (Authority Frame) проявляется во всех материалах, особенно в транскриптах.

К разряду структурных особенностей транскриптов (Newsroom, Connect the World) относятся: последовательность ведущий → корреспондент → эксперт → цитата источника; постоянное упоминание институциональных акторов (*EU officials, White House, analysts, economists*). Были выявлены также следующие лингвистические средства: reported speech: *officials say, according to analysts*; hedging: *appears, suggests, is expected to*; балансирующие конструкции: *however, at the same time, meanwhile*. CNN, таким образом, снижает субъективность и усиливает ощущение объективности, даже при наличии драматических элементов.

Глобальный фрейм взаимозависимости (Interdependence Frame) особенно заметен в материале о тарифах и в программе *Connect the World*. Основная идея заключается в том, что любое решение одной страны неизбежно приводит к цепной реакции и отражает взаимосвязанность международных процессов. Здесь формируется образ мира как сложной системы, где действия США автоматически отражаются на ЕС и наоборот.

К лексическим маркерам принадлежат: *ripple effects, global markets, supply chains, transatlantic relations, allies*.

Лингвистические особенности

В процессе анализа была выявлена метафоризация, которая подразделяется на военные метафоры (*bazooka, escalation*); пространственные (*downward spiral*); телесные (*squeeze*); модальность. Говоря о роли модальности, следует отметить, что CNN активно использует следующие модальные глаголы: *could, may, is likely to, is expected to*, что создаёт ощущение прогностичности без категоричности. Можно сказать, что медиадискурс функционирует как пространство вероятностной интерпретации событий, а не как пространство категорических утверждений. В исследовании была выявлена оценочная лексика, например, *threaten, warn, risk, escalate*, что усиливает эмоциональный эффект без прямой субъективности. Мы провели сравнительный количественный анализ Business и World, в результате чего были выявлены следующие данные, представленные на рис. 1.

Параметр	Business (2 статьи)	World (2 транскрипта)
Средняя длина статьи/транскрипта (слов)	780	1120
Частота модальных глаголов (could/may/likely)	22	35
Частота военных/конфликтных метафор	8	15
Частота экономических метафор	18	6
Частота оценочной лексики (risk, dangerous, pressure)	26	34
Фреймы: Конфликт	6	12
Фреймы: Экономическое давление	10	4
Фреймы: Институциональный	8	10
Фреймы: Взаимозависимость	4	8

Рис. 1. Структурные и качественные параметры англоязычного дискурса в рубриках *Business* и *World*¹

¹ Источник: составлено (рассчитано) автором (авторами) на основе выявленных данных (CNN. Trump threatens new tariffs on European allies over Greenland. 18 Jan 2026. URL: <https://www.cnn.com/2026/01/18/business/europe-greenland-trump-tariffs-trade>; CNN. More employers plan to shift health care costs to workers in 2026. 16 Jul 2025. URL: <https://amp.cnn.com/cnn/2025/07/16/economy/health-care-costs-employees-2026>; CNN. CNN Newsroom, 10 Jan 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2026-01-10/segment/22>; CNN. CNN News Central, 5 Feb 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnc/date/2026-02-05/segment/10>).

Как показывает рис. 1, World более насыщен конфликтными фреймами, военными метафорами и оценочной лексикой; Business фокусируется на экономических фреймах и финансовых метафорах. Модальные конструкции чаще встречаются в World, подчеркивая прогнозный характер международных новостей.

Результаты сопоставительного анализа структурных и качественных характеристик рубрик Business и World представлены на рис.2.

Категория	Business	World
Доминирующий фрейм	Экономический риск	Геополитический конфликт
Тип метафор	Финансовые, рыночные	Военные, стратегические
Риторика	Давление, нагрузка, рост	Угроза, ответ, эскалация
Модальность	Прогнозная	Предупреждающая
Тональность	Аналитическая	Драматизированная

Рис. 2. Сопоставительный анализ структурных и качественных характеристик англоязычного дискурса в рубриках Business и World

Структурные и качественные параметры англоязычного дискурса в рубриках Business и World²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, англоязычный медиадискурс CNN является интерпретационной моделью глобальной реальности, где языковые средства формируют когнитивное восприятие событий [5, 6]. CNN использует системный фрейминг для структурирования события. Метафоры упрощают сложные процессы и усиливают эмоциональное воздействие. Модальные глаголы формируют пространство вероятностей. Институциональные источники обеспечивают легитимацию. Business и World различаются по типам доминирующих фреймов и метафор, отражая специфику аудитории и целей публикаций. Мультиmodalность усиливает информационное и эмоциональное воздействие медиатекста. Статья о тарифах и Гренландии — яркий пример того, как экономическая новость превращается в нарратив о стратегическом противостоянии через метафору (*trade bazooka*) и концепт эскалации (*dangerous downward spiral*). Таким образом, англоязычный медиадискурс формирует не просто информационное поле, а интерпретационную модель глобальной реальности, где язык становится инструментом структурирования мирового восприятия.

Цитированная литература

1. Колосова, А.А. О трудностях жанрового анализа новостных медиатекстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3. – С. 112-114. – Текст : непосредственный.
2. Ce P., Tie B. An Analysis Method for Interpretability of CNN Text Classification Model // Future Internet. – 2020. – № 12ю – Р. 1-14. – Текст : непосредственный.
3. Guslyakova, A.V., Guslyakova, N.I., Valeeva, N.G., Vashunina, I.V. English-language media discourse in the era of digitalisation: Special mission and functional potential // Studies in English Language and Education. – 2023. – № 1. – Р. 424-446. Текст : непосредственный.

² Источник: составлено (рассчитано) автором (авторами) на основе выявленных данных (CNN. Trump threatens new tariffs on European allies over Greenland. 18 Jan 2026. URL: <https://www.cnn.com/2026/01/18/business/europe-greenland-trump-tariffs-trade>; CNN. More employers plan to shift health care costs to workers in 2026. 16 Jul 2025. URL: <https://amp.cnn.com/cnn/2025/07/16/economy/health-care-costs-employees-2026>; CNN. CNN Newsroom, 10 Jan 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2026-01-10/segment/22>; CNN. CNN News Central, 5 Feb 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnc/date/2026-02-05/segment/10>).

4. *Khojiakbarova, Sh.* Media discourse in the perspective of linguists // *Scientific Journal of Linguistics*. – 2022. – № 7. – Pp. 112–126.
5. Структурная, лексическая, морфологическая адаптация фразеологизмов в англоязычном медиадискурсе / Л. М. Бузинова, Е. А. Зуева, А. Р. Копачева, Н. Д. Пашковская // *Казанская наука*. – 2025. – № 7. – С. 452-454.
6. *Бузинова, Л.М.* Специфика англоязычного медиадискурса (на примере онлайн журнала «Premium Times») / Л. М. Бузинова, А. Р. Копачева, Н. В. Фисунова // *Казанская наука*. – 2025. – № 5. – С. 360-362.
7. CNN. Trump threatens new tariffs on European allies over Greenland. 18 Jan 2026. URL: <https://www.cnn.com/2026/01/18/business/europe-greenland-trump-tariffs-trade> (дата обращения: 12.02.2026).
8. CNN. More employers plan to shift health care costs to workers in 2026. 16 Jul 2025. URL: <https://amp.cnn.com/cnn/2025/07/16/economy/health-care-costs-employees-2026> (дата обращения: 12.02.2026).
9. CNN. CNN Newsroom, 10 Jan 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2026-01-10/segment/22>(дата обращения: 12.02.2026).
10. CNN. CNN News Central, 5 Feb 2026. Transcript. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnc/date/2026-02-05/segment/10>(дата обращения: 12.02.2026).

**ПОТЕРЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРИЛЛЕРОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. КИНГА, Д. ФЛИНН, П. ХОКИНСА)**

Ведерникова Татьяна Валерьевна¹,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: t.vedernikova@mmu.ru

¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ*

Статья анализирует языковые манипуляции в англоязычных триллерах С. Кинга, Д. Флинн и П. Хокинса на лексическом, синтаксическом, нарративном и композиционном уровнях. Выявлены основные переводческие потери при переводе на русский язык: гиперонимизация сенсорной лексики, разрушение ритма повествования, нейтрализация ненадежного повествования и ослабление клингеров. Автором предлагаются компенсационные стратегии для переводчиков: сохранение апозиопезисов, конкретизация образов, отказ от пояснительных связей.

Ключевые слова: языковые манипуляции, триллер, эмоциональное воздействие, клингер, ненадежное повествование, апозиопезис, партаксис, гипотаксис, гиперонимы.

**LOSS OF EMOTIONAL IMPACT IN ANGLOPHONE THRILLERS DURING
TRANSLATION TO RUSSIAN (BASED ON THE WORKS OF S. KING, G. FLYNN
AND P. HAWKINS)**

Vedernikova T.V.¹,

candidate of philosophical sciences, associate professor, department of Linguistics and intercultural communication,

e-mail: t.vedernikova@mmu.ru

¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY*

The article analyzes linguistic manipulations in Anglophone thrillers by S. King, G. Flynn and P. Hawkins at lexical, syntactic, narrative and compositional levels. The main translation losses when rendering into Russian are identified: hyperonymization of sensory lexicon, disruption of narrative rhythm, neutralization of unreliable narration, and weakening of cliffhangers. The author proposes compensatory strategies for translators: preservation of aposiopesis, specification of imagery and avoidance of explanatory linkages.

Keywords: linguistic manipulations, thriller, emotional impact, cliffhanger, unreliable narration, aposiopesis, parataxis, hypotaxis, hyperonyms.

Современные англоязычные триллеры пользуются беспрецедентной популярностью по всему миру, о чем свидетельствуют статистики книжных рынков и запросов в интернет поисковиках. Согласно Nielsen Book Scan (2025 г.) жанр crime/thrillers входит в глобальный топ-3 и обеспечивает 22% от всех продаж в США, и 19% – в Великобритании [1]. В России детективы и триллеры составляют 18% выручки по данным LitRes [2], опережая фэнтези и романы. Этот успех обусловлен способностью жанра генерировать мощные эмоции – страх, паранойю, эмпатию через лингвостилистические приемы. Однако, при переводе на русский язык происходит потеря эмоционального воздействия. Клингеры (концовки с интригой) Кинга уплощаются в русском синтаксисе, газлайтинг

(психологические манипуляции) Флинн размываются культурными адаптациями, а внутренний ужас Хокинса теряет интенсивность без эквивалентов сенсорной лексики.

Для создания определенной атмосферы повествования писатели пользуются различными языковыми манипуляциями. В филологии языковая манипуляция рассматривается как целенаправленное скрытое воздействие лингво-стилистическими средствами на эмоционально-когнитивную сферу реципиента (О.Н. Бычкова, Т.М. Голубева, Р.В. Агаджанян). Теоретическую базу дополняют исследования Л.Г. Минибаевой по эмоциональной семиотике, В.И. Шаховского по экспрессивной лексике, Л.М.Бузиновой по кинодискурсу, В. Айзера по эстетике «эмоциональных пустот» и Г. Грайс по нарушению коммуникативных максим.

Среди множества определений языковых манипуляций остановимся на одном, отражающем его ключевые особенности: «Языковое манипулятивное воздействие – это вербально выраженный вид психологического воздействия, результатом которого является управление эмоциональным состоянием реципиента в интересах манипулятора» [3].

Указанное определение позволяет выделить 4 уровня языковых манипуляций, специфичных для триллера:

- 1) Лексический (эмоционально окрашенная сенсорная лексика);
- 2) Синтаксический (ритмический рисунок предложений и клингеры);
- 3) Нарративный (ненадежное повествование, манипуляция доверием);
- 4) Композиционный (градиация напряжения).

Эти приемы образуют зону языкового напряжения, где читатель становится соучастником эмоциональной стратегии автора, заполняя пустоты нарратива собственными страхами.

Лексический уровень включает эмоционально окрашенную сенсорную лексику («chill down the spine», «dripping darkness»), экспрессивные эпитеты, гиперболы страха и оценочную терминологию, создающую внутренний ужас [4].

Синтаксический уровень реализуется посредством ритма: коротких рубленых предложений, эллипсисов, инверсии и клингеров – концовки глав с интригой, провоцирующих моторно-эмоциональное напряжение ожидания [5].

Нарративный уровень использует ненадежное повествование, фрагментацию перспектив, ложные пресуппозиции и манипуляцию доверием читателя – когда читатель становится соучастником обмана (Флинн) или паранойи (Хокинс).

Композиционный уровень строится на градиации напряжения: намеки на грядущий ужас, темпоральные скачки (флэшбэки в ключевые моменты), контролируемое раскрытие информации, которое поддерживает интригу, доводя ее до кульминации.

Описанные уровни языковых манипуляций можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Представленная классификация демонстрирует системный характер языковых манипуляций в триллере, где лексические, синтаксические, нарративные и композиционные приемы работают синергетически, создавая особую зону «языкового напряжения». Лексика создает эмоциональную основу (висцеральный ужас через сенсорные детали), синтаксис обеспечивает ритм (саспенс через клингеры и эллипсисы), нарративный уровень манипулирует доверием (ненадежное повествование), а композиция контролирует градиацию ожиданий (посредством нелинейности повествования). Каждый из этих уровней не просто суммируется друг с другом, но усиливает соседние. Так, например, короткие предложения лексически нагруженных слов активизируют моторную реакцию,

а ненадежные нарративы усиливаются композиционными скачками, создавая эффект погружения. Эти приемы трансформируют читателя из пассивного наблюдателя в активного соучастника страха, заполняющего пустоты в нарративе собственными эмоциональными проекциями. Такая системность особенно важна для переводческого анализа, поскольку разрыв хотя бы одного уровня (чаще синтаксического или композиционного) приводит к ослаблению эмоционального содержания текста.

Таблица 1

Уровни языковых манипуляций в триллере

Уровень	Приемы	Эмоциональный эффект	Примеры
Лексический	Сенсорная лексика, оценочные эпитеты, гиперболы	Внутренний ужас	«The hedge animals stared with eyes like wet currants» (Кинг «Сияние»)
Синтаксический	Короткие предложения, клингеры, эллипсисы	Саспенс, напряжение	«I saw... No. Couldn't be» (Хокинс «Комната на чердаке»)
Нарративный	Ненадежное повествование, ложные пресуппозиции, множественные перспективы	Паранойя, недоверие	Флинн «Исчезнувшая»: Amy's diary vs Nick's reality; Хокинс «Комната на чердаке»: Rachel's alcoholic haze perception
Композиционный	Предвестия, флэшбэки, градация напряжения, нелинейный нарратив	Градация страха, ожидание кульминации	Кинг «Сияние»: Redrum prophecy; Хокинс «Комната на чердаке»: Nonlinear train scenes building to revelation

Системная организация языковых манипуляций в англоязычном триллере обуславливает значительные переводческие сложности при трансляции на русский язык, связанные с типологическими и культурологическими различиями языковых систем. На лексическом уровне это проявляется в том, что английская сенсорная лексика обеспечивает градацию физических проявлений эмоций, которые отсутствуют на русском языке. В этом случае переводчик вынужден использовать гиперонимы, нивелирующие спектр эмоциональных оттенков. На синтаксическом уровне ритмическая организация оригинала разрушается русским синтаксисом, ориентированным на гипотаксис и логическую связность, что ослабляет эмоциональное воздействие. На уровне нарратива модальные конструкции английского языка (might, could, seemed) теряют градус степени сомнения, так как не имеют русских эквивалентов с сопоставимой степенью сомнения, что нейтрализует параноидальный эффект. И, наконец, на уровне композиции клингеры и нелинейная структура теряют свою напряженность из-за русской традиции линейного изложения и пояснительности (см. табл. 2).

Анализ примеров, представленных в таблице, демонстрирует системный характер потерь языковых манипуляций на всех четырех уровнях. Лексический уровень страдает от гиперонимизации конкретных сенсорных образов, синтаксический – от потери ритма повествования, нарративный –

от нейтрализации модальной неопределенности, а композиционный от потери клингер эффекта. Общая тенденция заключается в доминировании русской традиции логической связности и ясности над англоязычной эстетикой нарративного напряжения, что приводит к потере эмоционального накала.

Таблица 2.

Потери языковых манипуляций при переводе на русский язык

Уровень	Английский оригинал	Русский перевод	Характер потери
Лексический	«Her smile was a razor cutting though my panic» [6]	«Ее улыбка проникала в мою панику» (пер. Л.Е. Марковой)	Утрата остроты образа razor blade
Синтаксический	«The elevator doors slid open. Empty. Silent» [7]	«Двери лифта открылись. Он был пуст. Тишина» (пер. М.А. Загота)	Удлинение патарксиса в гипотаксис
Нарративный	«That's might be her! That's the girl I saw with Scot!» [8]	«Это она! Та девушка, которую я видела со Скотом!» (пер. Т.А. Памфиловой)	Рейчел клянется, что видела Меган и Скота, но на самом деле путает Меган с его любовницей. Это основа паранойи героини сюжета. В русском переводе акцент на уверенности Рейчел нивелирует ощущение ее заблуждения.
Композиционный	Конец главы: «All work and no play makes Jack a dull boy» (Кинг «Сияние»)	В переводе дается пояснение, что произойдет в начале следующей главы (пер. М.А. Загота)	Потеря эффекта от клингера

Эмоциональное воздействие англоязычных триллеров С. Кинга, Д. Флинн и П. Хокинс обеспечивается системной организацией языковых манипуляций на всех уровнях. Кинг создает внутренний ужас посредством персонификаций и партаксического ритма, Флинн манипулирует доверием ненадежного повествования, а Хокинс усиливает паранойю нелинейным нарративом и сенсорной фрагментацией. При помощи использования различных приемов языковой манипуляции авторы создают зону языкового напряжения, которая при переводе на русский язык систематически нарушается, так как русской переводческой традиции присуща логическая связность, сохранение апозиопезисов и культурной доместикации сенсорных образов.

Для компенсации системных потерь при переводе можно выделить следующие рекомендации для переводчиков:

- 1) На лексическом уровне использовать конкретизацию гиперонимов через перифразы с сохранением сенсорной образности.
- 2) На синтаксическом уровне необходимо сохранять ритм партаксиса и апозиопезисов, отказаться от гипотаксиса в ключевых саспенс-местах, активно использовать многоточия и дефисы.
- 3) На нарративном уровне следует передавать модальную неопределенность через дублирование градаций сомнения.

4) На уровне композиции надо отказаться от пояснительных связей после клингеров, чтобы оставить читателя в нарративной пустоте до следующей главы.

Проведенное исследование систематизирует языковые манипуляции англоязычных триллеров как многоуровневый феномен, обеспечивающий мощное эмоциональное воздействие на читателя, и выявляет ключевые потери при переводе на русский язык. Приведенные рекомендации для переводчиков могут помочь адекватно передавать эмоциональную атмосферу произведений русскоязычному читателю, обогащая отечественную переводческую практику и стилистику жанра триллера.

Цитированная литература

1. Nielsen BookScan Bestseller List 2025: Global Trends and Top Genres. URL: <https://www.accio.com/business/de/nielsen-bookscan-bestseller-list> (дата обращения: 26.01.2026).
2. Топ детективов и триллеров первого полугодия 2025 URL: <https://www.litres.ru/journal/top-detektivov-i-trillerov-pervogo-polugodiia-2025-goda/> (дата обращения: 29.01.2026).
3. Агаджанян Р.Ф. Языковое манипулятивное воздействие: теоретический обзор // Филологические науки: Вопросы теории и практики, 2023. – Т.16. – №3. – С. 765-772. – Текст: непосредственный.
4. Шаховский, В.И. Язык и эмоции: экспрессивная лексика современного русского языка / В.И. Шаховский: дисс. на соискание степени док.фил.наук. – Волгоград: Перемена, 2008. – 450 с. – Текст: непосредственный.
5. Кашейкина, Ю.А. Специфика языковых средств реализации категории эмотивности в произведениях жанра триллер // Филологические науки: теория и практика. Вестник института иностранных языков, 2021. – №4 (58). – С. 45-52. – Текст: непосредственный.
6. Бузинова, Л. М. Способы вербализации эмоции «радость» в англоязычном кинодискурсе / Л.М. Бузинова, Д.А. Кайржанова // Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты : Материалы I Международной научно-практической конференции, Москва, 21 марта 2025 года. – Москва: Московский международный университет, 2025. – С. 26-31.
7. Flynn, G. *Gone girl* / G. Flynn. London: Weidenfeld and Nicolson, 2012. – 419 p. – Текст: непосредственный.
8. King, S. *Shining* URL: <https://stephenking.com/works/novel/the-shining-1977.html> (дата обращения: 02.02.2026).
9. Hawkins, P. *The girl on the train* / P.Hawkins. London: Doubleday, 2015. – 412 p. – Текст: непосредственный.

**БИЛИНГВАЛЬНАЯ НАТИВИЗАЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА АДАПТАЦИИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИИ****Волошина Татьяна Геннадьевна^{1,2},***доктор филологических наук, доцент,**профессор кафедры второго иностранного языка,**профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,**e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru***Богданова Марина Дмитриевна¹,***аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации,**e-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru*¹НИУ «БелГУ»,²АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье исследуется билингвальная нативизация английского языка в Федеративной Республике Нигерии. Автор уточняет содержание данного понятия и анализирует механизмы языковой адаптации на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях. Доказывается, что трансформации английского языка в условиях устойчивого билингвизма носят системный характер и формируют национальную языковую норму.

Ключевые слова: нигерийский вариант английского языка, билингвальная нативизация, языковая интерференция, переключение языкового кода, билингвизм, многоязычие.

**BILINGUAL NATIVIZATION AS A SPECIAL FORM OF ENGLISH LANGUAGE
ADAPTATION IN NIGERIA****Voloshina T.G.^{1,2},***Doctor of Philology, Professor,**Professor of the Department of Second Foreign Language,**Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru***Bogdanova M.D.¹,***postgraduate student at the Department of Romance and German Philology**and Intercultural Communication,**e-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru*¹Belgorod National Research University,²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines bilingual nativization of the English language in Federal Republic of Nigeria. The author clarifies the content of this concept and analyzes the mechanisms of language adaptation at the phonetic, grammatical, and lexico-semantic levels. It is argued that the transformation of English under conditions of stable bilingualism is systemic in nature and forms a national language norm.

Keywords: Nigerian English, bilingual nativization, language interference, code-switching, bilingualism, multilingualism.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации языковой контакт и билингвизм становятся нормой для большинства современных сообществ. Особую значимость данные процессы приобретают в постколониальных странах, где взаимодействие европейских и автохтонных языков приводит к формированию специфических моделей языковой адаптации.

Федеративная Республика Нигерия представляет собой уникальную многоязычную среду, где английский язык, унаследованный от колониального прошлого, функционирует в тесном взаимодействии с более чем 500 автохтонными языками. В результате такого взаимодействия формируется особый тип языковой интерференции, который можно определить как билингвальная нативизация – процесс системной адаптации английского языка в условиях устойчивого двуязычия или многоязычия.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления механизмов билингвальной нативизации как особой формы языковой трансформации, отражающей социально-исторические, культурные и когнитивные особенности нигерийского социума. Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия «билингвальная нативизация».

Цель исследования состоит в анализе билингвальной нативизации как специфической формы адаптации английского языка в условиях нигерийского общества. Объектом исследования выступает англо-нигерийский языковой контакт как процесс взаимодействия английского и автохтонных языков в условиях многоязычного нигерийского общества, а предметом – билингвальная нативизация как особая форма адаптации английского языка, реализующаяся на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях в нигерийском варианте английского языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов (Ж. Баганы, В.И. Беликова, Т.Г. Волошиной, Я.А. Глебовой, Л.П. Крысина, З.Г. Прошиной, Е.А. Хапилиной; А. Бамгбозе, Х. Игбонуси, Б. Качру, Дж. Фишмана Э. Шнайдера).

Анализ проводится с использованием теоретического метода обобщения научных концепций, социолингвистического анализа языковой ситуации в Нигерии, а также сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющего выявить особенности билингвальной нативизации английского языка в нигерийском обществе. Для теоретического обоснования явления билингвальной нативизации в нигерийском обществе необходимо обратиться к ключевым понятиям контактной лингвистики. Языковой контакт, по утверждения У. Вайнрайха определяется «как сосуществование и взаимодействие двух или более языков в пределах одного социума» [1, с. 175]. Центральным элементом данного процесса является билингвальная личность, выступающая «местом осуществления контакта». Именно в её речевой практике реализуются механизмы языковой интерференции, переключения и смешения языкового кода. Ж. Багана под интерференцией понимает неосознанный перенос норм и моделей родного языка на неродной при его освоении и использовании, в результате чего в сознании билингва формируется своеобразная промежуточная языковая система, в которой сливаются и функционируют элементы обоих языков [2, с. 134].

Переключение языкового кода, по утверждению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, – это «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости

от условий коммуникации» [3, с. 264]. То есть переключение кодов подразумевает полное соответствие фонетическим, грамматическим конструкциям другого языка, в то время как при смешении языкового кода происходит подчинение системе заимствующего языка, где происходит глубокая взаимопроникающая интерференция языковых систем в пределах одного высказывания или дискурса. В свою очередь, под билингвизмом понимаем регулярное использование двух языков в повседневной коммуникации вне зависимости от степени их владения [4, с. 52-56].

Таким образом, билингвальная нативизация английского языка в Нигерии является закономерным результатом длительного языкового контакта в условиях массового билингвизма, который затрагивает все языковые уровни. На фонетическом уровне наблюдается адаптация произносительных норм английского языка к фонологическим системам местных языков [5, с. 63-66]. В системе консонантизма нигерийского варианта английского языка прослеживается замена отдельных согласных в зависимости от фонологической структуры родного языка говорящего. Так, в слове *difficulty* – сложность наблюдается фонетическая реализация по типу: [dippiculy], где межзубный фриктив и кластер согласных подвергаются упрощению и ассимиляции, а в слове *friend* – друг фиксируется произношение [priend]. Особое место в системе консонантизма нигерийского варианта английского занимает трансформация межзубных щелевых согласных [θ] и [ð], отсутствующих в фонологических системах большинства автохтонных языков. Вследствие этого данные фонемы систематически заменяются на артикуляционно более доступные звуки [t], [d] или [v]. Так, слово *that* – что реализуется как [væt], *other* – другой произносится как ['ʌdə], *through* – через, сквозь – как [tru]. Подобная замена представляет собой типичный пример языковой интерференции [6, с. 187].

В нигерийском варианте английского языка наблюдается модификация ротического [r]. Так, слово *sir* – сэр может произноситься как [sah], что отражает тенденцию к деротатизации в позиции после гласного, тогда как *wrapper* – обертка реализуется как [lapper], демонстрируя замену [r] на [l]. Система вокализма нигерийского варианта английского языка характеризуется тенденцией к упрощению и редукции гласных звуков, присущих британскому стандарту, а также перераспределением фонемных признаков под влиянием автохтонных языков. Одной из наиболее показательных особенностей является утрата фонологически значимой долготы гласных, вследствие чего формируется гомофония ранее различавшихся слов, например: *sheep* [i:p] – овца и *ship* [ip] – корабль.

Монофтонгизация дифтонгов является явным признаком билингвальной нативизации английского языка. Дифтонг [əʊ] в слове *focus* ['fəʊkəs] – фокусироваться в нигерийском варианте английского языка реализуется как монофтонг ['fɔkəs]. Отметим модификацию центрального долгого гласного [ɜ:], отсутствующего в фонетических системах большинства нигерийских языков. В нигерийском варианте английского данный звук либо полностью утрачивается, либо заменяется на более периферийные гласные, такие как [ɔ] или [a]. В результате слова *curd* – творог, *word* – слово, *serve* – обслуживать реализуются как [kɔd], [wɔd], [sarv]. Билингвальная нативизация английского языка на грамматическом уровне представляет собой системный процесс адаптации морфологических и синтаксических структур английского языка к лингвосоциокультурным условиям нигерийского общества.

Морфологическая нативизация проявляется прежде всего в трансформации форм словоизменения и согласования. Фиксируются расхождения в употреблении форм единственного и

множественного числа существительных по сравнению с британской нормой, а также отклонения в согласовании подлежащего и сказуемого [7, с. 63]. Например, в медиатекстах встречаются конструкции типа *The government have decided...* – *Правительство приняло решение...*, где форма множественного числа глагола соотносится с существительным *government* – *правительство* как с коллективным субъектом, однако в английском языке данная лексема относится к единственному числу. Также в выражении *Many information were given* – *было предоставлено много информации* происходит переосмысление неисчисляемого существительного *information* – *информация* как исчисляемого в единственном числе под влиянием автохтонных языков [8]. Наблюдаются случаи упрощения системы временных форм в сложных предложениях, например: *He said he is coming yesterday* – *он сказал, что он собирается прийти вчера*, где нарушается правило согласования времён [9, с. 107-114].

Синтаксическая нативизация английского языка проявляется в изменении структуры предложения и особенностях пунктуационного оформления текста. В письменной речи отмечаются колебания в порядке слов, дробление синтаксических конструкций, а также влияние интонационной структуры устной речи на графическое оформление высказывания [14, с. 239].

На лексико-семантическом уровне билингвальная нативизация проявляется в смысловой трансформации лексических единиц. Данный процесс проявляется в переосмыслении исконно британских слов, а также в активном включении заимствованных и культурно маркированных единиц, что отражает стремление нигерийского общества сохранить локальный колорит. Так, слово *fair* (в образовательном контексте) – в британском английском означает *средний, довольно хороший*. В нигерийском варианте английского языка не имеет чёткого значения и может пониматься по-разному. Иногда слово употребляется в смысле приемлемый, неплохой, например:

His performance was fair – *Его успеваемость была оценена как «приемлемая»* (значение зависит от интерпретации преподавателя) [15, с. 12].

Слово *gentle* – *воспитанный, сдержанный, порядочный*; в нигерийском варианте английского языка слово широко используется для описания человека, который *хорошо себя ведёт, тихий, аккуратно одетый, уважительный и скромный*, например: *He is a very gentle boy* – *Он очень воспитанный мальчик* [15, с. 16].

Слово *buka* заимствованно из языка *хауса* и означает *маленькая закусовая; уличный торговец едой*. В Нигерии *buka* – это популярное место, где подают домашнюю, простую и недорогую еду, часто традиционные блюда. Например:

«« *So why is Northern food singled out? Isn't it convenient that when it is your own **buka**, you call it "local delicacy,"?*» [13]. – *Так почему же еду севера выделяют особо? Разве не удобно, что когда речь идёт о твоей собственной buka (уличной закуской), ты называешь её «местным деликатесом».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Билингвальная нативизация является особой формой языковой адаптации, возникающей в условиях устойчивого языкового контакта и массового билингвизма. В нигерийском обществе данный процесс носит многоуровневый и системный характер, затрагивая фонетический, грамматический и лексико-семантический уровни английского языка. Билингвальная личность выступает центральным звеном языкового взаимодействия, а интерференция и кодовое переключение становятся механизмами формирования новой языковой нормы.

Цитированная литература

1. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх // Состояние и проблемы исследования : перевод с англ. и комментарии Ю.А. Жлуктенко. – Москва, 1979. – 260 с. – Текст : непосредственный.
2. Багана, Ж. Языковые контакты в современной лингвистике : коллективная монография к юбилею профессора / Ж. Багана ; под ред. Ж. Багана. – Москва : ФЛИНТА, 2024. – 271 с. – Текст : непосредственный.
3. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика : учебное пособие / В. И. Беликов, Л.П. Крысин. – Москва, 2001. – 317 с. – Текст : непосредственный.
4. Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры) / Т.Г. Волошина, Я.А. Глебова // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – № 2. – С. 183–189. – Текст : непосредственный.
5. Богданова М.Д. Лексические особенности нигерийского варианта Английского языка в тестах СМИ / М.Д. Богданова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX междунар. науч. конф., Донецк, 15-17 окт. 2024 г. : в 10 т. / Донецкий гос. ун-т ; гл. ред. С.В. Беспалова. – Донецк, 2024. – Т. 4, ч. 2 : Филологические науки. – С. 63–66. – Текст : непосредственный.
6. Волошина, Т.Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии : дис. ... д-ра филол. наук / Волошина Татьяна Геннадьевна; Белгородский гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2021. – 472 с. – Текст : непосредственный.
7. Волошина Т.Г., Богданова М.Д. Билингвальная среда как особая область формирования нативизации (на примере языковой ситуации в Нигерии) / Т.Г. Волошина, М.Д. Богданова // Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты : материалы I междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 мар-та 2025 г. / Московский междунар. ун-т, Ин-т иностранных языков ; отв. ред. Л.М. Бузинова. – Москва, 2025. – С. 18–25. – Текст : непосредственный.
8. Health 360: Flood Crisis In Nigeria. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GrKfxdzQWY4> (дата обращения: 10.02.2026).
9. Mensah, E. Language Choice and Family Language Policy in Inter-Ethnic Marriages in South-Eastern Nigeria / E. Mensah // Studies in Literature and Language. –2012. –Vol. 4. – №. 2. – P. 107–114. – Текст : непосредственный.
10. Njemanze Qu., Ononiwu M. English language and the global technology culture; the Nigerian perspective / Qu. Njemanze, M. Ononiwu // International Journal of English Language. – 2015. – Vol. 3. – P. 465 – 477. – Текст : непосредственный.
11. Богданова М.Д., Зуева Е.А., Пересыпкин А.П. Грамматическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе / М.Д. Богданова, Е.А. Зуева, А.П. Пересыпкин // Казанская наука. – 2025. – № 8. – С. 233 – 235. – Текст : непосредственный.
12. Blench, R. A dictionary of Nigerian English / R. Blench. – 2014. – 39 p. – Текст : непосредственный.
13. Nairaland Forum. Food / Re: Responding To ‘Why Is Northern Food Mostly Disliked? – URL: <https://www.nairaland.com/search?q=buka+&board=0> (дата обращения: 10.02.2026).
14. Buzinova, L.M. Bilingualism and biculturalism and teaching of modern languages: point of view of a teacher of french from Russia / L. M. Buzinova // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2017. – Vol. 7, No. 2. – P. 226-231.

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Жигалова Майя Роландовна¹,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Института иностранных языков,
e-mail: m.zhigalova@mtti.ru

Тедеева Фатима Лентоевна²,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технологии продуктов питания,
e-mail: ftedeeva@gmail.com

Голубева Татьяна Николаевна³,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ²ФГБОУ Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, (Владикавказ)³Пятигорский государственный университет

Любая трансграничная торговля продуктами питания требует унификации перевода. Отсутствие стандартизированных подходов к интерпретации узкоспециализированных терминов и переводческие неточности в сертификационной документации создают риски искажения смысла в нормативных документах и контрактах. Таким образом, предпринятая в статье попытка обнужить вариативные понятия и термины в перспективе позволит стандартизировать переводы исследуемых единиц и внести вклад в функционирование международной торговли продуктами питания.

Ключевые слова: термин, перевод терминов, вариативность терминов, пищевая промышленность, продукты питания, международная торговля

THE PROBLEM OF TRANSLATING FOOD INDUSTRY TERMINOLOGY

Zhigalova M.R.¹,

Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor, Department of Linguistics
and Cross-Cultural Communications,
e-mail: m.zhigalova@mmu.ru

Tedeeva F.L.²,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Food Technology,
e-mail: ftedeeva@gmail.com

Golubeva T.N.³,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language
and Professional Communication

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY²K.L. Khetagurov North Ossetian state university (Vladikavkaz)³Pyatigorsk State University

Any cross-border trade in food products requires standardized translations. The lack of unified approaches to interpreting highly specialized terms and translation inaccuracies in certification documentation cause the risk of distorted meanings in regulatory documents and contracts. Thus, the efforts to identify variable

concepts and terms presented in this article will ultimately help standardize the translations of the studied elements and contribute to international food marketing activities.

Keywords: terms, translation of terms, term variability, food industry, food products, international trade.

Пищевая промышленность является одним из важнейших секторов мировой экономики. Более того, гибкость данной отрасли, ее адаптивность, скорость и способность реагировать на экономические изменения делают ее ключевым сектором. По мере роста пищевой промышленности растет и ее терминология, что делает изучение терминов в этой области особенно сложной задачей для лингвистов.

Терминология пищевой промышленности формируется под влиянием междисциплинарного характера отрасли, интегрирующей знания химии, биотехнологии, микробиологии и инженерных наук. Специфика проявляется в необходимости точного обозначения сложных технологических операций и физико-химических преобразований сырья. Как отмечает в своих трудах С. Б. Вербицкий, «терминологическая работа относительно разнообразных показателей пищевых продуктов важна с точки зрения обеспечения желаемого потребителями качества и, одновременно, сложна, поскольку пожелания всегда субъективны и вербально выражены столь же субъективными концептами, достаточно условно принимаемыми в виде терминов» [1].

Комплексность явления приводит к появлению таких терминов-гибридов, как например «ферментативный гидролиз» [2, 3, с. 663] или «мембранная фильтрация» [4]. Нормативные требования к безопасности и качеству продукции дополнительно усложняют терминосистему, вводя строго регламентированные понятия (например, «предельно допустимая концентрация» или «технический регламент») [5, с. 48, 119].

Контекстуальное использование терминов определяется нормативными документами и региональными стандартами качества [6]. Самым ярким примером является определение органической продукции: в европейских директивах оно отличается от российских ГОСТов, в частности по перечню допустимых агрохимикатов. Например, в *Codex Alimentarius. Organically Produced Foods* сказано: «...Плодородие и биологическую активность почвы следует поддерживать или улучшать, в соответствующих случаях, путем: а) разведения бобовых, зеленого удобрения или растений с глубокой корневой системой в соответствии с надлежащей многолетней программой севооборота; б) внесения в почву органических веществ, компостированных или нет, полученных на сельскохозяйственных угодьях, производящих их в соответствии с настоящими Руководящими положениями. Побочные продукты животноводства, например, стойловый навоз, могут использоваться в тех случаях, если они были получены в животноводческих хозяйствах, производящих их в соответствии с настоящими Руководящими положениями.» [7, с. 28-29], в то время как по российским стандартам такое недопустимо [8]. Также, обращает на себя внимание тот факт, что перевод термина передается путем переводческих трансформаций (*organically* (нареч.) $\neq$ *органический* (прилаг.), план содержания *food* $\neq$ *продукция*, а также произведено опущения лексемы “produced”).

Необходимость совместной проработки терминосистем в пищевой промышленности лингвистами и профильными специалистами подчеркивает **актуальность** данной работы, а особую значимость работа приобретает в контексте адаптации российских производителей к требованиям международных регламентов и стандартов: гармонизация терминологии способствует укреплению позиций отечественной продукции на международной арене.

Целью данного исследования является выявление определенного вариативного пласта переводных единиц отраслевой терминологии с перспективой последующего анализа эквивалентов в английском языке.

Объектом исследования послужили тексты академического дискурса (научные публикации, справочники, нормативные документы), а при выборе **предмета исследования** предпочтение отдается терминосистеме хлебопекарной промышленности.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут позволить повысить точность международных коммуникаций и минимизировать риски терминологических коллизий. Другими словами, выявленные проблемы перевода в перспективе позволят адаптировать терминологию к требованиям международных стандартов без смысловых потерь, а также разработать решения, которые будут способствовать снижению количества таможенных инцидентов и судебных споров, связанных с некорректной интерпретацией состава продукции.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе, объединяющем анализ семантических лакун и изучение реальных кейсов и практических решений. Впервые предложена междисциплинарная модель оценки терминологических рисков с учетом лингвистических и технологических аспектов. Особый вклад представляет алгоритмизация процесса выбора эквивалентов для терминов с высокой контекстной зависимостью.

Методология исследования включает четыре взаимосвязанных этапа: отбор материала методом сплошной выборки из различных источников академического стиля в сфере хлебопечения на русском и английском языках, лингвистический анализ терминологии в оригинальных и переводных источниках, оценку последствий переводческих ошибок с опорой на семантический анализ, а также разработку классификации терминов и их верификацию экспертами. Такой подход обеспечивает сочетание теоретической глубины и практической ориентированности результатов. При проведении анализа переводных эквивалентов, в определенных случаях был использован Англо-русский словарь по пищевой промышленности под редакцией Л. П. Ковальской [9].

В пищевой промышленности стратификационная модель лексики функционально связанных текстов проявляется в разделении терминов на три основные категории: технологические процессы, сырьевые компоненты и стандарты [10]. В ходе исследования, опираясь на данное разделение, был выделен ряд вариантных и вариативных переводов следующих единиц, выражающие *сырьевые компоненты и изделия*: «рецептура» (2 варианта: *formulation, recipe*); «закваска» (2 варианта: *starter culture* как универсальное понятие, а для хлеба как *sourdough*) «мука высшего сорта» (3 варианта: *high-grade flour, premium wheat flour* и *patent flour*, который используется для указания типа муки по зольности); «хлебопекарная мука» (2 варианта: *bread flour, baker's flour*); «сырая клейковина» (2 варианта: *crude gluten, wet gluten*); «хлебопекарные улучшители» (2 варианта: *bread improvers, baking improvers* и *dough conditioners*, который часто относится к конкретной группе улучшителей, влияющих на состояние теста); «опара» (2 варианта: более технологичный термин *sponge* и *pre-ferment*); «закваска» (2 варианта: стандартный термин для естественной закваски *sourdough* и *leaven*); «дрожжи хлебопекарные» (2 варианта: *baker's yeast* и *saccharomyces cerevisiae*, используемое в научных статьях часто как видовое название); «ферменты» имеет наибольшее количество эквивалентов (*enzymes*, а в контексте улучшителей: *amylases, proteases, xylanases* и т.д.); «формовой хлеб» (2 варианта: *tin bread, pan bread*). Итого, в объеме исследуемого материала обнаружено 11 элементов.

Среди терминов, выражающих *процессы и технологии* в хлебопечении выявлены следующие единицы (9 (девять) элементов в объеме исследуемого материала): «**замес теста**» (2 варианта: *dough mixing, dough kneading*); «**предварительная расстойка**» (3 варианта: *first fermentation, bulk fermentation, first proofing* как период брожения всего объема теста после замеса); «**обминка**» (3 варианта: буквально, но используется *punching (down)*, более научный, подразумевающий удаление CO₂ *degassing и folding*); «**разделка теста**» (2 варианта: *dough dividing, dough moulding*); «**формование теста**» (2 варианта: *dough shaping, moulding (UK) / molding (US)*); «**режим выпечки**» (2 варианта: *baking regime, baking conditions*); «**безопасный способ**» (2 варианта: *straight dough method, direct method*); «**набухаемость**» муки/клейковины (3 варианта: *swelling capacity, water absorption capacity, hydration capacity*); «**разжижение теста**» (2 варианта перевода: *dough softening* и *breakdown* в контексте фаринографа); «**заваривание**» муки имеет английские эквиваленты *scalding* (процесс), *brewing* (в некоторых контекстах). Такие единицы, как «**свободная влага**» / «**связанная влага**» (английский эквиваленты: *free water / bound water*), «**декстринизация крахмала**» (англ. *Dextrinization*, «**выход теста**» (англ. *dough yield*) условно-тождественны и имеют концептуальные различия.

Вариативные термины с семантикой *стандарта качества* в исследуемом материале представлены такими 13 (тринадцатью) единицами, как «**пористость мякиша**» (2 варианта перевода: *crumb porosity, cell structure*); «**структура пористости**» (2 варианта: *pore structure, alveolar structure*); «**упругость**» (2 варианта: *springiness, resilience*); «**посторонний привкус**» (2 варианта: *off-flavor, off-taste*); «**срок хранения**» (2 варианта: *shelf life, storage time*); «**плесневение**» (2 варианта: *mold spoilage, molding*, которые технологически подразумевают два разных этапа явления); «**отслоение корки**» (2 варианта: *crust separation, shelling*); «**непромес**» (2 варианта: *uneven mixing, under-mixed dough*); «**органолептические свойства**» (2 варианта: *organoleptic properties, sensory properties*); «**вкус**» (2 варианта: *taste, flavor*); «**запах, аромат**» (3 варианта: *odor, smell, aroma*); «**консистенция, текстура**» (2 варианта: *consistency, texture*); «**дефект**» (2 варианта: *defect, fault*); «**порок**» (2 варианта: *taint, spoilage*), такой дефект, как «**закал**» (2 варианта: *condensation, water ring*); «**колер**» (2 варианта перевода в объеме объекта исследования – *crust color, browning*), а также «**гигроскопическая влажность**» (англ. вариант перевода: *(EMC) equilibrium moisture content*), «**клейковинный каркас**» (вариант перевода: *gluten network*), не обнаруживают вариативности в переводах, но и не передают план содержания абсолютно тождественно исходному понятию.

Технологические термины часто имеют внутриязыковую вариативность обозначений в зависимости от применяемого оборудования или методик, что также создаёт трудности при выборе эквивалентов. Стандарты качества формируют отдельный пласт нормативной лексики, где расхождения в переводах могут приводить к нарушениям технической документации. трёхуровневая классификация служит основой для систематизации переводческих проблем в отрасли.

Семантические расхождения в терминологии пищевой промышленности возникают из-за различий в объёме понятий между языковыми системами. Например, термин «натуральный продукт» в русскоязычном контексте подразумевает отсутствие искусственных добавок, тогда как английское «*natural product*» может включать технологически обработанные компоненты. Эти различия обусловлены историческими и культурными особенностями формирования отраслевой лексики. Коннотативные различия проявляются в эмоциональной окраске и ассоциативных связях терминов. Понятие «ферментированный» в английских источниках («*fermented*») часто несёт позитивную коннотацию, связанную с полезными для здоровья свойствами, тогда как в русском

языке этот термин может ассоциироваться с процессами разложения. Такие семантические нюансы требуют особого внимания при переводе технической документации и маркировке продукции.

Далее проанализируем варианты перевода некоторых из выделенных терминов с целью установления возможных причин потенциальных угроз для коммуникативных сбоев в области международного торгового сотрудничества.

Пример 1 «набухаемость» (муки, клейковины): английский прямой однословный эквивалент отсутствует, указаны варианты перевода. Проблема перевода заключается в том, что в русском языке «набухаемость» – это стандартизированный технологический показатель, описывающий способность муки или выделенной клейковины поглощать воду и увеличиваться в объеме, а в английском это свойство обычно описывается через более общие термины, как например, т.н. *водопоглотительная способность* (“*water absorption*”), которые не всегда подразумевают именно увеличение объема, а скорее общее количество связанной воды, а “*hydration capacity*” – это способность к увлажнению, что тоже лишено семы «объем». Ближе по смыслу “*swelling capacity*”, подразумевающее увеличение объема чего-либо после поглощения воды. Таким образом, в зависимости, термин, от контекста может переводиться как *swelling index* (для крахмала), *water holding capacity* (для белков) или *hydration capacity* (для муки в целом).

Пример 2 «разжижение теста» не имеет прямого переводного эквивалента, однако надо быть осторожными при передаче термина, так как в русской технологической школе «разжижение» – это специфический термин, описывающий изменение консистенции теста во времени под воздействием ферментов или механической нагрузки, в то время, как в английском часто используется описательная конструкция “*degree of softening*” (степень размягчения) или “*mixing tolerance*” (устойчивость к замесу). Это не одно и то же – «разжижение» подразумевает потерю вязкоупругих свойств, в то время как “*softening*” может означать просто уменьшение сопротивляемости.

Пример 3 «заваривание» (муки) имеет английские эквиваленты *scalding* (процесс), *brewing* (в некоторых контекстах). В разных англоязычных источниках термины могут использоваться по-разному. “*Scalding*” чаще относится к обработке муки кипятком для клейстеризации крахмала. Однако русский термин «заваривание» может также относиться к технологическому приему в хлебопечении (заварные хлеба), где используется не просто кипяток, а сложные температурные режимы. Английские технологи не всегда проводят четкую границу между простым смешиванием с горячей водой и полноценным технологическим процессом заваривания.

В примере 4 «свободная влага» / «связанная влага» (английский эквивалент: *free water / bound water*) проблема не в отсутствии терминов, а в концептуальном несовпадении. В русской физико-химической традиции (школа Ребиндера) классификация форм связи влаги с материалом гораздо более детализирована (химически связанная, адсорбционно-связанная, осмотически-связанная, капиллярная и т.д.). В англоязычной литературе чаще оперируют практическими показателями: “*water activity*” (*Aw*) и “*moisture content*”. Прямого перевода для тонких классификаций типов связанной влаги часто не существует, и приходится использовать описательные конструкции.

Интерес представляет, также, **пример 5 «гигроскопическая влажность»**

Английский эквивалент: *Equilibrium moisture content (EMC)*. Русский термин акцентирует свойство материала (гигроскопичность), английский – состояние равновесия с окружающей средой. Концептуально, это разные углы зрения на одно явление.

Пример 6 «когезионная способность» (теста) обнаружен в переводном тексте только в значении “*cohesiveness*”. Данный термин существует в реологии, но в русской технологической

литературе «когезионная способность» может описывать более специфичное свойство теста образовывать связную массу. В английском часто используют “dough development” или “dough strength”, что не является прямым синонимом.

Пример 7 «клеиковинный каркас» переводится как “gluten network”. Русский вариант “каркас” подразумевает более структурированное, несущее образование. Хотя оба термина описывают одно и то же явление, оттенок смысла разный: “network” акцентирует взаимосвязь, “каркас” – прочность и структурообразующую функцию.

Интерес представляет **пример 8 «колер»** (хлеба), имеющий два варианта перевода в объеме объекта исследования – “*crust color*”, “*browning*”. Русский термин «колер» часто подразумевает не просто цвет, а желаемый результат реакции Майяра (химической реакции между аминокислотами и сахарами). В английском “*browning*” описывает процесс потемнения, но не несет оценочного технологического смысла «хорошо пропеченная корка». “*Crust color*” является просто констатацией цвета, без указания на его происхождение.

Пример 9 представляет из себя английский эквивалент перевод термина «**декстринизация крахмала**» – “*dextrinization*”. Термин существует в обоих языках, но в русской технологической литературе ему придается большее значение как отдельному этапу термической деструкции крахмала. В англоязычных источниках декстринизация часто рассматривается как часть более общих процессов (thermal degradation of starch) или как аспект реакции Майяра, реже выделяясь в самостоятельный термин в технологических описаниях.

Пример 10 «выход теста» концептуально отличается от обнаруженного в исследовании эквивалента в английском языке “*dough yield*”. Этот термин в разных технологических школах может по-разному рассчитываться (с учетом влажности, на сухое вещество и т.д.). Поэтому просто перевод термина без уточнения методики расчета может привести к неточностям.

Очевидно, что полученные данные подтверждают существующее в переводоведении разделение на три категории эквивалентов, в том числе для терминов: полностью эквивалентные, частично-эквивалентные и безэквивалентные [11]. При работе с частично эквивалентными терминами, как в большом количестве полученных результатов, необходимо учитывать степень совпадения семантических полей и контекстуальные ограничения, что не всегда обнаруживается в исследованных переведённых вариантах. Также, становится понятно, что российская (советская) школа пищевой технологии во многом опиралась на фундаментальные исследования коллоидной химии и биохимии, в частности П.А. Ребиндер [12] и В.Ц. Кретович [13], что породило свою классификацию и терминологию. Некоторые технологические приемы (например, определенные виды заварных хлебов) исторически более развиты в одной культуре, и терминология для их описания не имеет аналогов. Преодоление лакун осуществляется через «использование описательного перевода или создания неологизмов с последующей стандартизацией» [14].

Таким образом, международные стандарты и национальные нормативные акты создают пласт юридически значимой терминологии, вариативность перевода которой требует внимания со стороны профильных специалистов, в том числе лингвистов, поскольку в аспекте трансграничной торговли пищевыми товарами и международной сертификации семантические расхождения в трактовке ключевых отраслевых понятий между языковыми системами могут порождать барьеры, инструментом снижения которых является пересмотр и унификация терминов и, одновременно, глоссариев и отраслевых терминологических словарей.

Цитированная литература

1. *Вербицкий, С.Б.* От ощущения к лексеме: семантика терминологии профильного анализа структуры пищевых продуктов // Вестник ШГПУ. 2019. №3 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-oschuscheniya-k-lekseme-semantika-terminologii-profilnogo-analiza-struktury-pischevyh-produktov> (дата обращения: 12.02.2026).
2. *Бирюков А.С., Гавриков В.Ф., Никифорова Л.О., Щеглов В.А.* Ферментативная гидролизация органических соединений // Краткие сообщения по физике ФИАН. – 1999. №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fermentativnaya-gidrolizatsiya-organicheskikh-soedineniy> (дата обращения: 12.02.2026).
3. *Рытченкова О.В., Красноштанова А.А.* Оптимизация процесса получения ферментативных гидролизатов белков молочной сыворотки с применением протеолитических ферментов // Фундаментальные исследования. 2011. № 8-3. С. 663-666. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=28603> (дата обращения: 12.02.2026).
4. *Славская И. Л., Макаров С.Ю., Ильина Е.В.* Современное мембранное фильтрование воды // Пиво и напитки. 2009. №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-membrannoe-filtrovanie-vody> (дата обращения: 12.02.2026).
5. Медико-биологические требования и санитарные нормы качества пищевых продуктов: методические указания по выполнению практических работ / Юго-Зап. гос. ун-т; сост.: А.Г. Беляев. Курск, 2022. – 155 с. – Текст: непосредственный.
6. *Кострова Ю.Б., Шибаришина О.Ю.* К вопросу о развитии сертификации органической продукции в РФ // Столыпинский вестник. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razviti-i-sertifikatsii-organicheskoy-produktsii-v-rf> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Кодекс Алиментариус. Органические пищевые продукты. / Пер. с англ.; ФаО, ВОЗ – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – 72 с. – Текст: непосредственный.
8. Федеральный закон от 03.08.2018 N 280-ФЗ (ред. от 31.07.2025) “Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Статья 4. Требования к производству органической продукции. – Текст электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/36c32162b065fb4424ac272e3e612837766ba7e9/ (дата обращения: 12.02.2026).
9. Англо-русский словарь по пищевой промышленности : Около 42000 терминов / В. И. Дашевский, Г. М. Бардышев, А. Л. Прогорович [и др.] ; Под редакцией Ковальской Л.П.. – Москва : Издательство “РУССО”, 1995. – 695 с. – ISBN 5-88721-033-8. – EDN RSVHUV. – Текст: непосредственный.
10. *Литовченко, В.И.* Классификация и систематизация терминов // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. №3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-sistematizatsiya-terminov> (дата обращения: 15.02.2026).
11. *Соди́кова, Р.А.* О понятии межъязыковых соответствий: теоретический обзор / Р.А. Соди́кова // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – №10 (70). – URL: <https://rulb.org/archive/10-70-2025-october/10.60797/RULB.2025.70.17> (дата обращения: 13.02.2026).
12. Успехи коллоидной химии [Сборник статей / Отв. ред. акад. П.А. Ребиндер и д-р хим. наук Г.И. Фукс]; АН СССР. Науч. совет по физ.-хим. механике и коллоидной химии. – Москва : Наука, 1973. – 362 с., 1 л. ил. ил.; 27. – Текст: непосредственный.
13. Вацлав Леонович Кретович – исследователь, учитель, гуманист [Текст] / Институт биохимии им. А. Н. Баха Российской акад. наук ; [отв. ред. В. О. Попов ; сост. А. Ф. Топунов и др.]. – Москва : Р. Валент, 2013. – 267 с., XXXII с. ил., портр., факс., цв. ил., портр. : табл. : 22 см.; ISBN 978-5-93439-438-8. – Текст: непосредственный.
14. *Бузинова Л.М., Смирнов А.Е.* О тематическом корпусе терминосистемы шахтного подъема // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2025. № 1. С. 194-206. – Текст: непосредственный.

УДК 81.133.1-03

КАЛАМБУР КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЮМОРА В СЕРИАЛЕ «MODERN FAMILY»

Залесова Наталья Михайловна¹,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации,

e-mail: n.zalesova@mtu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается каламбур как один из основных способов создания юмора в сериале “Modern Family”. Анализируются три языковых уровня (фонетический, лексический и фразеологический), на основе которых формируется каламбур. Отмечается, что каждый уровень вносит свой уникальный вклад в создание юмора и служит точным инструментом речевой характеристики персонажей.

Ключевые слова: каламбур, классификация каламбуров, фонетический уровень, лексический уровень, фразеологический уровень.

PUN AS A MEANS OF CREATING HUMOR IN THE “MODERN FAMILY” SERIES

Zalesova N.M.¹,

candidate of philological sciences, associate professor,

Department of Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: n.zalesova@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines pun as one of the main methods of creating humor in the “Modern Family” series. The analysis focuses on three linguistic levels (phonetic, lexical and phraseological) that serve as the basis for pun formation. The main conclusion is that each level makes a unique contribution to the creation of humor and acts as a precise tool for the speech characterization of the characters.

Keywords: pun, classification of puns, phonetic level, lexical level, phraseological level.

Современный телевизионный нарратив предоставляет уникальный материал для лингвистического исследования, и комедийный сериал “Modern Family” является в этом отношении одним из наиболее показательных. Его юмор, ставший культурным феноменом 2010-х годов, строится не только на ситуативных клише или комичных персонажах, но и на сложной игре языковыми средствами.

Актуальность данного исследования обусловлена центральной ролью, которую юмористические сериалы играют в современной медиасреде и культуре в целом. Их изучение позволяет глубже понять природу американского юмора и способы его создания, в частности, через исследование механизма построения каламбуров [1]. Исследование имеет практическое значение и для теории и практики перевода, так как систематический анализ способов создания юмора – первый и необходимый шаг для поиска адекватных переводческих решений [2].

Научная новизна работы состоит в систематизации способов создания юмора посредством каламбура на основе реальных юмористических контекстов, представленных в сериале.

Цель работы – проанализировать и систематизировать средства создания каламбуров, определить наиболее репрезентативные и частотные из них, а также описать механизмы их функционирования.

Для достижения поставленной цели в работе использовался комплекс лингвистических методов, основанный на материале 30 эпизодов сериала “Modern Family”. Из отобранных эпизодов методом сплошной выборки были выписаны диалогические единства и монологи, содержащие игру слов (25 единиц). На первом уровне анализа каждый пример классифицировался по формальному лингвистическому признаку. Были выявлены и систематизированы все виды каламбура, которые в дальнейшем подверглись анализу в широком контексте. Для каждого из приемов была проведена количественная оценка (частотный анализ). Это позволило определить наиболее продуктивные модели создания игры слов в сериале в целом.

Сюжет сериала вращается вокруг жизни трёх семей (Притчетт, Данфи, Такер), живущих в пригороде Лос-Анджелеса. Все они взаимосвязаны через Джея Притчетта и его детей, дочь Клэр и сына Митчелла.

Основные герои вызывают смех благодаря сочетанию стереотипов, уникальных характеров и ироничных ситуаций. Юмор возникает естественно из взаимодействия персонажей и их общения, в основе которого довольно часто лежит каламбур.

Каламбур, как считает И. Р. Гальперин, является стилистическим приемом, основанном на взаимодействии двух общеизвестных значений одного слова или сочетания [3, с. 148]. Как отмечает В.З. Санников, «...каламбур, как и любая шутка, позволяет обойти цензуру культуры и выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом: в “каламбурной упаковке” непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, грубость – подтруниванием, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» [4, с. 6].

Каламбур может быть выражен большим количеством способов. В своих классификациях авторы анализируют игру слов в семантическом (каламбуры на основе полисемии, омонимии), фразеологическом или фонетическом (например, омофоны) плане [5, 6, 7, 8, 9].

Н.С. Трифонова в своей работе «Опыт построения классификации каламбуров» отмечает, что фонетические каламбуры возникают, когда происходит столкновение звуковых составов слов [10, с. 68].

Рассмотрим несколько примеров создания каламбуров на фонетическом уровне:

Mitchell: Okay, first of all, how are you standing? You drank enough of that cough syrup to put down a **grizzly**.

Cameron: I'll tell you what's **grisly**. That is your behaviour.

Данный диалог является ярким примером игры слов, основанной на паронимии – звуковым сходстве слов с разными значениями. Митчелл использует существительное “grizzly” (сокращённо от grizzly bear – медведь гризли) в составе гиперболической фразы “to take down a grizzly” (чтобы усыпить/уложить гризли). Эта метафора призвана комически преувеличить количество выпитого Кэмероном сиропа. Он, в свою очередь, обыгрывает услышанное, переключаясь на созвучное прилагательное “grisly” (жуткий, отвратительный). Фонетическое тождество или крайне высокая степень сходства произношения этих слов в быстрой речи позволяет мгновенно переосмыслить высказывание.

Каламбур строится по модели «семантического сдвига на основе фонетической близости». Комический эффект возникает благодаря мгновенному и остроумному переключению с одной семантической плоскости (зоологической гиперболы) на другую (оценочную характеристику

поведения). Ответ Кэмерона представляет собой риторический приём «исправление-уточнение», где он как бы «поправляет» лексический выбор Митчелла, направляя остроту высказывания против самого оппонента.

Следующий диалог демонстрирует также умелое использование паронимии:

Claire: The only thing he had less to do with than **dinner** was **the dimmer**.

Каламбур создается за счет звукового сходства двух разных слов “dinner” (ужин) и “dimmer” (диммер, светорегулятор). В беглой речи их созвучие становится очевидным и намеренно обыгрывается. Высказывание создаёт комическую иерархию неучастия: первый уровень (ожидаемый): «Он совершенно не участвовал в приготовлении ужина» – это социально понятная и типичная для многих семей ситуация, уже содержащая лёгкий упрёк. Второй уровень (абсурдный): «Но он ещё меньше имел отношения к диммеру!» – это создаёт логическую нелепость. Таким образом, незначительное, микроскопическое действие (возможно, регулировка света) ставится «ниже» полного неучастия в важном семейном ритуале (приготовление ужина). Абсурдность этого сравнения и является источником юмора.

Рассмотрим каламбуры в семантическом аспекте. В этом случае игра слов основана на многозначности или смежности значений в пределах слова или короткого сочетания:

Phil: Never be afraid to reach for the stars, because even you fall, you’ll always be wearing a **parent-chute**.

Высказывание начинается с пафосной, мотивационной идиомы “reach for the stars” («стремиться к звёздам», ставить высокие цели). Это задаёт высокий, почти поэтический регистр. Вторая часть фразы обрывает этот пафос, предлагая «запасной вариант» на случай падения. Ожидается слово “parachute”, стандартная метафора безопасности. Вместо этого Фил создаёт окказионализм: “parent-chute”. Происходит слияние двух слов: PARENT («родитель») + PARACHUTE («парашют»), которое становится возможным благодаря тому, что первый слог слова “parachute” звучит почти идентично слову “parent”. На письме это подчёркивается дефисом.

Новая лексическая единица “parent-chute” насыщается смыслом. Это уже не устройство для аэродинамического торможения, а метафорическое воплощение родительской поддержки и безопасности.

В воображении возникает нелепая, но трогательная картина: падающий человек, за спиной у которого развевается не шелковый купол, а, например, фигуры его мамы и папы.

В следующей шутке, игра слов основа также преимущественно на семантическом переносе:

Luke: I hate this! Why are you making me do this?

Phil: Use that anger, **Lukini**.

В данном каламбуре Фил придумывает своему сыну Люку «геройское» прозвище, смешав его имя с именем знаменитого фокусника «Гудини». Фил использует имя Гудини как символ ловкости и успеха, чтобы подбодрить сына. Механизм создания каламбура – это контаминация и усечение: берётся основа Luke и добавляется суффиксальный компонент -ini (который сам по себе в английском ассоциируется с итальянскими уменьшительно-ласкательными или сценическими именами, что добавляет ещё один семантический оттенок). Далее происходит слияние: Luke + (-ini) = Lukini.

Фонетическое сходство между Luke и первой частью Houdini является благоприятным условием, которое делает слияние плавным и эстетически приемлемым.

Фразеологические каламбуры создаются с помощью фразеологических единиц посредством буквализации фразеологизма (когда элементы идиоматического сочетания используются в свободном значении), а также разрушения фразеологизма [10, с. 68].

Так, в следующем диалоге юмористический эффект создается за счет обыгрывания фразового глагола “to make up” в значении «наносить макияж, гримироваться»:

Luwis: Okay. Look, it's almost go time, so we should have a shot and go “white up”.

Компонент “make” замещается семантически и фонетически отличной лексемой “white”, что вполне объяснимо: белый цвет – ключевой цвет классического клоунского грима; контекстуальная мотивация: реплика произносится Луисом, чья роль (экстравагантный, театральный друг Кэмерона) и ситуация (подготовка к выступлению) делают отсылку к клоунаде органичной.

В результате создается окказиональный фразеологизм “to white up”. Происходит явление контаминации – скрепления двух выражений: “to make up” и “to white one's face”. Зритель ожидает услышать стандартную единицу “make up”. Неожиданная подстановка “white” создает когнитивный диссонанс, который мгновенно разрешается через визуальный и культурный образ клоуна, что и создает юмористический эффект.

Рассмотрим еще один пример:

Alex: Wait, I picked a different...

Maisie: Roommate? I know. She got sick. Well, she had a panic attack. They denied her visa and she's still in Norway. “Help! **There's Norway out.**”

В сознании носителя языка и зрителя активируется фразеологическая единица “There's no way out” – «Выхода нет». Это устойчивое выражение, описывающее состояние безысходности, тупика. Происходит замена целого компонента идиомы. Словосочетание “no way” замещается фонетически почти идентичным названием страны “Norway”. Ключевую роль играет феномен омофонии. Подстановка приводит к кардинальному изменению смысла. Юмор строится на абсурдной визуализации: страна воспринимается как гигантская ловушка, из которой физически нет выхода.

Каламбур, представленный ниже, создается переосмыслением фразеологической единицы и стереотипного представления, которое она представляет:

Phil: After today, you are going to be a councilwoman, and I am going to be a **first husband**.

В основе каламбура “First Husband” лежит устоявшийся культурно-политический концепт “First Lady”: супруга действующего президента или губернатора. В рамках игры слов происходит деформация этого концепта: ключевой компонент “lady” замещается компонентом “husband”. Это меняет гендерный вектор всего понятия. Таким образом, роль «Первой леди» переосмысливается для супруга избираемого лица. Фил создаёт окказиональный титул “First Husband”, который не существует в политическом лексиконе США, но его значение мгновенно понятно аудитории по аналогии.

Основной эффект строится на сопоставлении масштабов. Клэр избирается в городской совет, что является местным, скромным уровнем политики. Фил применяет к этой ситуации терминологию высшего федерального уровня. Это создает комическое преувеличение (гиперболу), подчеркивающее, что Фил воспринимает событие как невероятно грандиозное.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что каламбур в сериале “Modern Family” системно реализуется на трёх взаимосвязанных уровнях. Каждый уровень вносит свой уникальный вклад в создание юмора и служит точным инструментом речевой характеристики персонажей.

Каламбуры, созданные на фонетическом уровне, отличает «быстрый», интеллектуальный юмор, основанный на мгновенном переосмыслении услышанного. Игра слов на лексическом уровне

наиболее тесно связана с построением идиолектов. Через создание окказионализмов персонажи (Фил, Кэмерон, Луис) выражают своё уникальное мировосприятие. Их словотворчество – это юмор, раскрывающий внутренний мир: от наивного энтузиазма Фила до театральной эксцентричности Кэмерона. Фразеологический уровень представляет собой высшую форму языковой игры. Изменяя устойчивые выражения, авторы сериала добиваются многослойного комического эффекта: от абсурдной визуализации до тонкой социальной иронии и критики культурных стереотипов.

Главная особенность и сила юмора “Modern Family” заключается в том, что эти уровни редко работают изолированно. Сложные каламбуры, такие как “Norway out” (фонетика + фразеология) или “Lukini” (семантика + морфология), являются гибридными. Именно это взаимодействие превращает шутку из простой остроты в емкую смысловую единицу, которая одновременно развлекает, раскрывает характер и отражает культурный контекст.

Цитированная литература

1. Залесова Н.М. Средства создания юмористического эффекта в мультсериале “Adventure Time” / Н.М. Залесова, Н.В. Пинчукова, В.М. Кривошапкина / Язык как структура и дискурсивная практика. – 2023. – №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-yumoristicheskogo-effekta-v-multserie-venture-time> (дата обращения: 31.01.2026).
2. Яковлева, С.Л. Передача игры слов при аудиовизуальном переводе (на материале сериала “Office”) / С.Л. Яковлева, Н.Ю. Саглам // МНИЖ. – 2022. – №11 (125). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-igry-slov-pri-audiovizualnom-perevode-na-materiale-seriala-office> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Гальперин, И.Р. English Stylistics. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – М: Либроком, 2022. – 336 с. – Текст: непосредственный.
4. Санников, В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В.З. Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. – С. 3–20. – URL: <https://vopjaz.jes.su/s0373-658x0000616-0-1-ru-96/> (дата обращения: 11.02.2026).
5. Спирочкина, Т.А. Стратегии перевода фонетических каламбуров с английского на русский язык / Т.А. Спирочкина, Н.А. Нечипоренко // Вестник науки. – 2025. – №6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-foneticheskikh-kalamburov-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 11.02.2026).
6. Швагрукова, Е.В. Англоязычный каламбур в автобиографии В.В. Набокова «Speak, Memory!» / Е.В. Швагрукова, Л.В. Надеина, Г.П. Поздеева // Russian Linguistic Bulletin. 2021.– №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-kalambur-v-avtobiografii-v-v-nabokova-speak-memory> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Москвин, В.П. Каламбур: приемы создания и языковая основа / В.П. Москвин // Русская речь. – М. 2011. – № 3 – С. 36-39. – URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2011-3/35-42> (дата обращения: 11.02.2026).
8. Мартынова, И.Н. Особенности функционирования каламбуров в сказках Нортон Джастера / И.Н. Мартынова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2025. – №2 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/functioning-features-of-puns-in-norton-juster-s-fairy-tales> (дата обращения: 11.02.2026).
9. Новикова, Е.В. Понятие «каламбур» в современной лингвистике / Е.В. Новикова, Н.Н. Евтугова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2023. – №3 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kalambur-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 03.02.2026).
10. Трифонова, Н.С. Опыт построения классификации каламбуров / Н.С. Трифонова. Северо-Кавказский регион.; Известия высших учебных заведений. Серия: Общественные науки. – 2003. – № 8. – С. 66-70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-postroeniya-klassifikatsii-kalamburov> (дата обращения: 11.02.2026).

МЕТАФОРОПОДОБНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ВОЖДЯ БРОМДЕНА В РОМАНЕ КЕНА КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

Костина Марина Сергеевна¹,

магистрантка кафедры «Медиалингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: marinakostinalin@bk.ru

Сумарокова Наталья Анатольевна¹,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: n.sumarokova@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье исследуются метафороподобные выражения как способ репрезентации внутреннего мира «ненадёжного рассказчика» в романе Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом». Поскольку повествование ведётся от лица персонажа с искажённым восприятием реальности, в нашем исследовании делается акцент на когнитивно-дискурсивных механизмах функционирования данных выражений. В статье анализируются механистические и зооморфные образы, а также метафора тумана, выявляются три типа метафороподобных выражений в зависимости от их понимания рассказчиком и читателем.

Ключевые слова: метафороподобные выражения, метафоры, ненадёжный рассказчик, иносказательность, внутренний мир персонажа.

METAPHOR-LIKE EXPRESSIONS AS A MEANS OF REPRESENTING CHIEF BROMDEN'S INNER WORLD IN KENSEY'S NOVEL “ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST”

Kostina M.S.¹,

master student of the Department of Media Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: marinakostinalin@bk.ru

Sumarokova N.A.¹,

candidate of science (Philology), associate professor,

Department of Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: n.sumarokova@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines metaphor-like expressions as a way of representing the inner world of an “unreliable narrator” in Ken Kesey’s novel “One Flew Over the Cuckoo’s Nest”. Since the narration is conducted from the perspective of a character with a distorted perception of reality, our research focuses on the cognitive-discursive mechanisms of these expressions’ functioning. The article analyzes mechanistic and zoomorphic images, as well as the metaphor of fog, identifying three types of metaphor-like expressions depending on their interpretation by the narrator and the reader.

Keywords: metaphor-like expressions, metaphors, unreliable narrator, allegorical meaning, character’s inner world

Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистики к когнитивно-дискурсивным механизмам репрезентации внутреннего мира человека в художественном тексте. Особую значимость приобретает обращение к роману Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом»,

где повествование ведётся от лица вождя Бромдена – персонажа с нарушенным восприятием окружающей действительности. Метафороподобные выражения, использованные им для описания происходящего, не всегда осознаются автором как метафоры, их образность раскрывается лишь по мере развития сюжета. Анализ этих выражений позволяет выявить особенности языкового моделирования внутреннего мира героя, что и определяет научную ценность данной статьи.

Научная новизна заключается в самом ракурсе рассмотрения метафороподобных выражений, функционирующих в рамках «ненадёжного рассказчика». Они анализируются не как готовые стилистические фигуры, а как динамический когнитивный процесс: читатель наблюдает за рождением метафоры из буквального, искажённого восприятия героя. Внутренний мир вождя Бромдена моделируется не через систему устойчивых метафор, а через переходные, двойственные конструкции, которые одновременно принадлежат и миру физических ощущений, и миру ментальных репрезентаций.

Цель данной статьи состоит в выявлении функциональной нагрузки и описании динамики трансформации метафороподобных выражений, от буквальных в восприятии героя к образным в рецепции читателя, как средства языковой репрезентации внутреннего мира вождя Бромдена, характеризующегося нарушенной картиной мира.

Объектом исследования является роман Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом».

Методологической основой данной работы стали: когнитивно-дискурсивный анализ, нарративный анализ и семантико-стилистический анализ.

Проблема разграничения метафорических и буквальных смыслов в нетипичных речевых контекстах, выходящих за рамки узуса, была поднята Т. Добжиньской в ходе изучения сказочного дискурса [1]. Она впервые предложила понятие «метафороподобные выражения», под которыми она понимает следующее: «...в любом другом тексте считались бы метафорой или же бессмыслицей» [1, 480]. Подобные конструкции могут интерпретироваться по-разному: как образные выражения, т. е. сами метафоры (первый тип), как неметафорические, употреблённые в прямом значении (второй тип), либо вызывать затруднения при идентификации (третий тип). При этом, как отмечает Т. Добжиньская, в сказках реже всего встречаются как раз конструкции третьего типа [1, 481-482].

В романе Кена Кизи есть ещё одна область – внутренний мир психически нездорового человека, – при знакомстве с ней читатель вынужден пересматривать привычные критерии различения метафоры, буквального смысла и неопределённых выражений, то есть это три типа, о которых писала Т. Добжиньская. Известно, что «неуместное употребление метафоры» считается одним из проявлений шизофрении [2]. Настоящая работа ставит перед собой две основные цели: во-первых, выявить ключевые метафороподобные выражения, через которые и демонстрируется внутренний мир вождя Бромдена; во-вторых, установить, какие из этих выражений воспринимаются автором как образные, а какие как буквальные, а также существуют ли в романе случаи, не поддающиеся однозначной квалификации.

Роман «Над кукушкиным гнездом» давно признан классикой американской литературы и повествует о борьбе человека с репрессивным порядком. Для лучшего понимания последующих метафороподобных выражений необходимо заострить внимание на некоторых сюжетных элементах.

Сюжет разворачивается от лица Бромдена – пациента клиники, индейца-полукровки, известного как Вождь Швабра. Из разговоров с Хардингом выясняется, что ранее Бромден перенёс более двухсот процедур электрошоковой терапии, кабинет которой он сам называет «шоковый шалман», что привело его в состояние хронического страха. Его психическое состояние полностью искажает

восприятие реальности. Например, Бромден убеждён, что вместо медикаментов пациентам тайно вводят подчиняющие сознание механизмы, которые санитары прячут в лекарственных облатках, – в одной из них он будто бы различает микросхемы. Электробритва в его сознании превращается в аппарат для промывания мозгов, а в отделении периодически запускается некая «туманная машина». Все эти явления, с точки зрения рассказчика, обслуживают интересы Комбината – безличной системы, проводником которой выступает больничный персонал.

С одной стороны, Бромден – ненадёжный рассказчик: его картина мира носит отчётливый параноидально-конспирологический характер. С другой, его видение мира настолько точно резонирует с ощущением современного человека, живущего под гнётом навязанных норм, и настолько безошибочно давит на болевые точки, что психбольница начинает восприниматься как универсальная модель любой репрессивной системы. Аллегорическому прочтению способствует и сама зыбкость и фантасмагоричность бромденовских образов.

То, что в «больной» картине мира рассказчика выступает как метафороподобные выражения, для читателя становится метафорами. В мыслях Бромдена выделяются следующие ключевые метафоры:

К первому типу метафор относятся «механизмы», которые Бромден видит практически в каждом пациенте или персонале больницы, ему всюду чудятся щелчки механизмов, шестерёнки и т. п. То есть в данном случае человек рассматривается и воспринимается, как машина:

“She works **the hinges in her elbows and fingers**. I hear a small **squeak**. She starts moving, and I get back against the wall, and when she rumbles past, she’s already **big as a truck, trailing** that wicker bag behind in her exhaust like **a semi behind a Jimmy Diesel**. Her lips are parted, and her smile’s going out before her **like a radiator grill**. I can smell the hot oil and magneto spark when she goes past, and every step hits the floor she blows up a size bigger, blowing and puffing, roll down anything in her path!” [3: 79]

«Она двигает шарнирами в плечах и пальцах. Слышу тихий скрип. Трогаюсь с места, я прижимаюсь к стене, и, когда она с грохотом проходит мимо, она уже большая, как грузовик, и плетеная сумка тащится за ней в выхлопном дыму, как полуприцеп за дизелем. Губы у нее раздвинулись, и улыбка едет перед ней, как решетка радиатора. Чую запах горячего масла, искр от магнето, когда она проходит мимо и с каждым тяжелым шагом становится все больше, раздувается, разбухает, подминает все на своем пути!» [4: 37]

Анализ данного примера стоит начать с того, что Бромден не просто видит, а физически ощущает трансформацию сестры Гнусен, о чём говорят следующие выражения: “I hear a small squeak” – звук, который издаёт не человек, а механизм, что задаёт тон дегуманизации; “I can smell the hot oil and magneto spark” – здесь сенсорный образ, который как раз и переводит метафору в плоскость реальных ощущений для Бромдена; а также “...behind in her exhaust like a semi behind a Jimmy Diesel” – данная строка окончательно закрепляет трансформацию старшей сестры в механизм.

Главный источник иносказательности лежит в механистических метафорах, являющихся ключевым противоречием: мисс Гнусен описывается как нечто живое и неживое одновременно: она «двигает шарнирами» (“works the hinges”), а не суставами, её тело – конструктор. У неё не человеческая улыбка, а «решётка радиатора» (“radiator grill”) – часть автомобиля; она не идёт, а производит «искры от магнето» (“magneto spark”) – система зажигания. Создаётся образ идеально функционирующей, но абсолютно бездушной машины, одержимой одной целью – движением вперёд и подавлением всего живого.

Говоря про внутренний мир Бромдена, можно увидеть, что его восприятие – это не безумие в чистом виде, а защитный механизм и уникальный способ познания реальности. Бромден не может воспринимать мир нейтрально. Из-за многолетнего подавления, шоковой терапии и притворной немоты, его чувства гипертрофированы. Страх и гнев он буквально «чувствует», как зверь. Механистические образы – это результат его наблюдений за тем, как система (больница, общество) превращает людей в функции, в винтики. Парадокс заключается в том, что его искажённое, метафорическое видение часто гораздо точнее «нормального» взгляда. Доктора и санитары видят в сестре Гнусен строгую, но компетентную медсестру. Бромден же видит её суть: безжалостную машину, Комбинат, цель которого – нивелировать всё человеческое, подмять под себя всё индивидуальное. Его метафоры обнажают истинную, чудовищную природу системы, которая для других скрыта за фасадом приличий и белых халатов.

Следующий отрывок демонстрирует, что Бромден видит машинами не только «Комбинат», но и пациентов, различие лишь в том, что они – это механизмы с неисправностями:

“What the Chronicles are – or most of us – are machines with flaws inside that can’t be repaired, flaws born in, or flaws beat in over so many years of the guy running head-on solid things that by the time the hospital found him he was bleeding rust in some vacant lot.” [3: 17]

«Мы, хроники, то есть большинство из нас, это **машины с внутренними неисправностями, которые нельзя починить, – врожденными неисправностями или набитыми**, оттого что человек много лет налетал лицом на твердые вещи и к тому времени, когда больница подобрала его, он уже догнивал на пустыре. [4: 6]

Данный отрывок также изобилует механистическими метафорами: «мы – машины» (“we are machines”), здесь определяется сама сущность человека; «с внутренними неисправностями, которые нельзя починить» (“with flaws inside that can’t be repaired”) – человеческая психика и судьба приравнивается к поломке механизма, которая не подлежит гарантийному ремонту; «врождёнными неисправностями» (“flaws born in”) и «набитыми» (“flaws beat in”) – всё это описывает происхождение «поломки».

Всё достигает своей высшей точки, переходя от абстрактной «поломки» к конкретному, почти осязаемому образу распада: «...он уже догнивал на пустыре» (“...he was bleeding rust in some vacant lot.”). Благодаря блестящему переводу Виктора Голышева передаётся сама суть: человек-машина не просто сломан – он разлагается, кровоточит продуктом своей коррозии. Образ пустыря добавляет заброшенность, ненужность, финальную стадию существования вне общества.

В данном отрывке читатель чувствует предельную, почти невыносимую саморефлексию Бромдена. За годы, проведённые в больнице, он настолько глубоко впитал её логику, что начинает описывать себя и других на её языке. Сестра Гнусен и доктора видят в них «неисправные механизмы». Бромден, притворяясь глухонемым и наблюдая со стороны, усваивает этот взгляд и применяет его к своим товарищам. В словах «нельзя починить» (“can’t be repaired”) скрыта глубочайшая безнадежность. Когда обычный мир предлагает лечение и выздоровление, мир Бромдена, мир хроников, предлагает только утилизацию или прозябание. Он не верит в возможность стать «нормальным», потому что видит: сама их суть – «поломка», будь то врождённая или приобретённая. Но как ни парадоксально, эта жестокая механистичность скрывает огромную боль. Называя человека «машиной, истекающей ржавчиной», Бромден на самом деле говорит о предельной степени уязвимости. Он описывает процесс, когда жизнь и боль буквально вытекают из человека, оставляя лишь пустую оболочку. Это

не цинизм, это форма защиты от сострадания, которое он не может выразить открыто ввиду своего притворства и которое слишком мучительно для него самого, ведь больница приучила его смотреть на человеческое глазами бездушного Комбината.

Ко второму типу метафор относится туман. Практически с первых страниц романа Бромден говорит о некой «туманной машине», которая напускает его по всей больнице. В данном случае туман символизирует неясность и спутанность сознания, в котором Бромден иногда прячется, пытаясь быть незамеченным:

“They start the fog machine again and it’s snowing down cold and white all over me like skim milk, so thick I might even be able to hide in it if they didn’t have a hold on me.” [3: 4]

«Опять включают туманную машину, и она снежит на меня холодным и белым, как снятое молоко, так густо, что мог бы в нём спрятаться, если бы меня не держали.» [4: 4]

Данный пример показывает, что туман здесь не просто оптический эффект, а физическая, почти осязаемая субстанция: «...она снежит на меня холодным и белым» (“it’s snowing down cold and white”). Глагол «снежит» (“snowing”) создаёт ощущение активного, направленного действия, которое совершают над Бромденом. Это не естественное явление, а пытка; «...как снятое молоко» (“like skim milk”) – это сравнение гениально в своей обыденности и отвратительности. Снятое молоко – водянистое, бледное, безвкусное, «мёртвое» по сравнению с цельным. Оно создаёт образ не просто белой пелены, а чего-то искусственного, ненастоящего, лишённого жизни и питательности. Самая интересная часть метафоры – это отношение рассказчика к туману: «...так густо, что мог бы в нём спрятаться» (“so thick I might even be able to hide in it”). Здесь он парадоксальным образом наделяется свойством защиты, убежища. Настолько густой, что может укрыть от мучителей. Далее: «...если бы меня не держали» (“if they didn’t have a hold on me”) – эта оговорка разрушает иллюзию безопасности. Туман не спасает от физического насилия, от хватки санитаров. Он лишь укрывает сознание, но не тело.

В этом отрывке показывается момент абсолютной уязвимости. Бромден перестаёт быть наблюдателем и становится жертвой, мы видим, как работает его психика в момент крушения. Самая глубокая и трагическая правда раскрывается в его желании спрятаться в тумане. Для него потеря сознания, уход в безумие – это не только наказание и пытка, но и единственно доступная форма защиты. Туман – это место, куда не могут добраться санитары и сестра Гнусен со своей жестокостью. Он хочет исчезнуть, раствориться, чтобы не чувствовать боли. Также в отличие от своих гиперболических видений сестры Гнусен, здесь Бромден абсолютно пассивен. Машину включают они, снежит на него, его держат. Он не контролирует даже своё убежище. Интересно и то, как рассказчик сочетает образ зимы, чистоты и природной красоты через глагол “snowing” со снятым молоком. Сочетание создаёт жутковатый, сюрреалистический образ, но даже при потере рассудка он переводит пытку туманом на язык образов. Это и есть его последняя, неотъемлемая человеческая черта.

Важно различать, что туманная машина для Бромдена предстаёт как реальный аппарат, но то, что она производит – это метафора его изменённого сознания.

“They haven’t really fogged the place full force all day today, not since McMurphy came in. I bet he’d yell like a bull if they fogged it.” [3: 62]

«Сегодня полный туман в отделение ни разу не давали – с тех пор как пришёл Макмёрфи. Если бы стали туманить, наверняка заревел бы, как бык.» [4: 30]

В этом отрывке туман как привычное, почти естественное состояние отделения перестал производиться. Это метафора первого проблеска ясности, передышки от насильственного ухода в беспмятство. И «противоядием» против тумана является Макмёрфи. Сама фраза построена так, что Бромден не просто констатирует факт отсутствия тумана, он наблюдает за Макмёрфи, ждёт его реакции. Он сравнивает его с быком, животным, символизирующим силу, ярость, неконтролируемую мощь. И сама возможность того, что кто-то может «зареветь» в ответ на туман, то есть закричать, воспротивиться, издать живой звук, меняет восприятие Бромдена. Макмёрфи выступает как потенциальный разрушитель самой машины, производящей туман.

Затрагивая восприятие Бромдена, он впервые не просто пассивно регистрирует происходящее, а связывает это с конкретной причиной – появлением нового человека. Он всё ещё не верит в себя, он говорит о Макмёрфи. Его надежда пока опосредована другим человеком. Но сам факт того, что он может себе представить кого-то, кто способен сопротивляться системе – это гигантский прорыв. Стоит обратить внимание на то, как Бромден описывал свой мир до Макмёрфи: через механизмы (шарниры, магнето, грузовики, неисправные машины) и снятое молоко. С его появлением в метафорический ряд врывается живая природа – бык. Это говорит о том, что внутренний мир Бромдена начинает оттаивать, впускать в себя образы силы и жизни, которые были вытеснены годами травмы.

И последний тип метафор, который будет рассмотрен в данной статье, связан с животными, где человек рассматривается не как набор механизмов, а как нечто живое и имеющее характер:

“I can feel that least black boy out there coming up the hall, smelling out for my fear. ...I can hear him snort.” [3: 3]

«Чувствую, что идёт по коридору маленький чёрный санитар, принюхиваясь к моему страху. ...Почуял меня, слышу его сопение.» [4: 3]

Анализируя этот отрывок, можно понять, что в мире Бромдена страх имеет запах, который могут учуять преследователи. Страх материализуется, становится физическим объектом, веществом, которое излучает тело жертвы. Важно, что «маленький чёрный санитар» описывается почти как охотничья собака: он «принюхивается» (“smelling out”), сопит (“snort”), ищет след. Бромден – затаившийся зверь, пытающийся не выдать себя запахом. Страх излучается наружу и привлекает опасность, это метафора полной утраты контроля над собственным телом и эмоциями.

Бромден здесь не просто напуган, он существует на уровне инстинктов: замереть, не дышать, не выдать себя запахом. Для него страх – это не просто эмоция, а материальная реальность, которая его выдаёт. Он настолько привык быть жертвой, что его тело само производит сигналы, привлекающие мучителей. Также в данном отрывке раскрывается абсолютное одиночество: нет никого, кто мог бы ему помочь. Он один в чулане, один напротив преследователя. Это одиночество – фундаментальное состояние его жизни в больнице.

Таким образом, внутренний мир Бромдена репрезентируется через метафороподобные выражения, которые могут быть распределены по трём типам в зависимости от их восприятия рассказчиком:

1) Выражения, понимаемые рассказчиком, как переносные. К данной категории относится большая часть метафор, где человек понимается, как механизм, наполненный различными деталями, или где человек сравнивается с животным, имея его черты, например, способность чуять страх. Данные метафоры обладают максимальной степенью иносказательности.

2) Выражения, воспринимаемые рассказчиком буквально, вопреки общепринятой картине мира. Сюда также входят механистические метафоры, за исключением сравнений, а также метафора

тумана, символизирующая спутанность сознания. Однако для читателя они всё же сохраняют иносказательный потенциал, приобретают аллегорическое звучание.

3) Выражения, которые Бромден не может квалифицировать для себя как метафоричные или прямозначные вследствие его психического состояния. К данному типу относятся случаи зооморфной метафоры. Здесь степень иносказательности зависит от контекстуального окружения.

Подводя итоги, стоит сказать, что проблемное поле, связанное с различением метафоры и буквального смысла, не исчерпывается сферами сказочного дискурса или психических отклонений. Опираясь на классификацию Т. Добжиньской, ключевые образы романа были распределены на три типа. К первому типу (переносные) отнесены развёрнутые механистические сравнения, например, описание сестры Гнусен как грузовика, где Бромден выстраивает образный ряд. Ко второму типу (воспринимаемые рассказчиком буквально) относятся также механистические метафоры, определяющие сущность пациентов («мы – машины с неисправностями»), а также ключевая метафора «тумана», которая для героя является реально существующей субстанцией, производимой машиной, но для читателя символизирует спутанность сознания и насильственное подавление личности. Третий тип представлен зооморфными образами, где грань между буквальным ощущением героя и метафорой предельно размыта и зависит от контекста.

Таким образом, метафороподобные выражения служат не просто стилистическим украшением, а являются основой когнитивной модели мира персонажа. Они демонстрируют, как травмированное сознание перекодирует реальность: страх обретает запах, люди превращаются в шестерёнки Комбината, а надежда, связанная с Макмёрфи, вносит в этот механистический мир живой, природный образ. Анализ этих переходных конструкций позволяет не только глубже понять характер Бромдена, но и раскрыть универсальный механизм взаимодействия метафоры, безумия и реальности в художественном дискурсе.

Цитированная литература

1. Добжиньская, Т. Метафора в сказке / Т. Добжиньская; перевод с польского А. Л. Майорова. – Текст: непосредственный // Теория метафоры. – Москва, 1990. – С. 476–492.
2. Эй, А. Шизофрения. XII. 1955. Клиническое описание типичной формы / А. Эй. – Текст: электронный // Psychiatry.ru: [сайт]. – URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/18/chapter/14> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Kesey, Ken. One Flew Over the Cuckoo's Nest / Ken Kesey. – М: Каро, 2023. – 432 p. – Текст: непосредственный.
4. Кен Кизи. Над кукушкиным гнездом: роман / Кен Кизи; перевод с английского В. П. Голышева. – М: Эксмо, 2023. – 320 с. – Текст: непосредственный.
5. Салтыкова, Е.А. Степени иносказательности фразеологических единиц (ФЕ) метафорического характера / Е. А. Салтыкова. – Текст: непосредственный // Проблемы повышения эффективности обучения иностранному языку в вузе: теория и практика. – Калуга, 2009. – С. 30–32.
6. Изменение внутреннего «Я» и схемы тела: Материалы интернам, студентам и врачам. – Текст: электронный // Психологические особенности больных шизофренией. – URL: <http://www.medinterm.ru/terms-1257-1.html> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Арнольд, И. В. Стилистика английского языка / И. В. Арнольд. – Москва: «ФЛИНТА», 2021. – 384 с. – Текст: непосредственный.
8. Комиссаров, В.Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров – М.: Высш. шк., 2023. – 253с. – Текст: непосредственный.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Пашковская Наталья Дмитриевна¹,

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой Лингвистики и межкультурной коммуникации,

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Натертышева Кристина Алексеевна¹,

обучающаяся кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: k.natertysheva@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается лексическая интерференция при обучении английскому языку в средней школе на этапе основного общего образования. Лексическая интерференция проявляется в калькировании, нарушении лексической сочетаемости и использовании «ложных друзей переводчика». На основе тестирования и анализа допущенных ошибок апробирован дополнительный практический материал, опирающийся на принципы устного опережения, контекста, межъязыкового сопоставления и наглядности. Результаты показали существенное снижение числа ошибок, обусловленных лексической интерференцией, и повышение уровня лексической компетенции обучающихся.

Ключевые слова: лексическая интерференция, «ложные друзья переводчика», калькирование, лексическая сочетаемость, методика обучения.

LEXICAL INTERFERENCE AS A METHODOLOGICAL PROBLEM AND WAYS TO ADDRESS IT IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Pashkovskaya N.D.¹,

candidate of pedagogical sciences, associate professor,

head of the department of Linguistics and intercultural communication,

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Natertysheva K.A.¹,

student of department of «Linguistics and intercultural communication»,

e-mail: k.natertysheva@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

This article examines lexical interference in English language teaching at the secondary school level during basic general education. Lexical interference manifests itself through calquing, collocational errors, and the use of false friends. Drawing on testing and error analysis, supplementary teaching materials were piloted based on the principles of oral precedence, contextualization, cross-linguistic comparison, and visual support. The findings revealed a significant reduction in errors attributable to lexical interference and enhanced lexical competence among students in the experimental group.

Keywords: lexical interference, false friends, calquing, collocation, teaching methodology.

Основной целью обучения иностранному языку в средней школе является подготовка учащихся к успешной межкультурной коммуникации. В данном случае мы говорим об иноязычном «коммуникативном действии, фиксируемом в письменной и устной речи, осуществляемом в

определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [2, с.166]. Однако, одной из распространенных трудностей, препятствующей достижению данной цели выступает лексическая интерференция, которая «влияет на качество владения обучающимися данным языком, способна затруднять восприятие иноязычной речи и правильное использование лексики изучаемого языка» [4, с.47].

Термин «интерференция» в лингвистике понимается как «наложение языковых систем друг на друга» или «вторжение норм одной системы в другую», а в теории и методике преподавания иностранного языка рассматривают его как «отклонения от норм изучаемого языка под влиянием родного» [6, с.43]. Широкое распространение получило определение У. Вайнрайха: «интерференция – это отклонение от языковых норм в результате контакта языков или их взаимодействия» [4, с.52]. В научной методической литературе выделяют от пяти до семи видов интерференции. Среди типологий данного понятия значимы три направления: 1) синтагматическая и парадигматическая интерференция (ошибки сочетаемости и выбора в ряду лексем), 2) семантический перенос (семантические изменения и калькирование), 3) формальный перенос («ложные друзья переводчика», форенизмы) [8, с.88].

В рамках нашего исследования мы сосредоточим наше внимание на лексической интерференции, которая трактуется как «вмешательство лексики одной языковой системы в другую» [1, с. 135], «сближение лексических единиц на основе их фонетического сходства и проистекающим из него семантическим уподоблением» [5, с. 9].

Для определения уровня сформированности лексической компетенции среди обучающихся средней школы на этапе основного общего образования, нами были протестированы обучающие 7 класса. Анализ входного тестирования показал наличие лексической интерференции: преобладали ошибки калькирования (около 40-45% всех ошибок), нарушения сочетаемости слов (около 35%) и ошибки, связанные с «ложными друзьями переводчика» (примерно 30%).

Учитывая полученные данные, нами был разработан и апробирован дополнительный учебный материал, нацеленный на снижение каждого из указанных выше видов интерференции. Методологическая основа материала базировалась на принципах устного опережения, работы с контекстом, межъязыкового сопоставления и наглядности. Особое внимание уделялось отбору содержания обучения на основе анализа коммуникативных ситуаций и аутентичных материалов [7], а также разработке упражнений, моделирующих реальное общение [3].

Для снижения частоты калькирования обучающимся были предложены следующие виды упражнений, направленные на: а) работу с синонимами (см. Рис.1), отработку точного выбора лексической единицы в ряду близких по значению слов; б) упражнения с идиоматическими выражениями (см. Рис. 2 – 4, Табл.1, Таб. 2), позволяющие предотвратить буквальный перевод устойчивых сочетаний; в) упражнения с дефинициями.

Таблица 1.

Сопоставление английских идиом с русскими аналогами

Английская идиома	Русский аналог или аналогичная фраза
selling like hot cakes	расходиться как горячие пирожки
a bad egg	паршивая овца / негодяй

Задание на сопоставление английских идиом с их дефинициями

1. a bad egg	a. selling very quickly in large amounts
2. selling like hot cakes	b. a bad or untrustworthy person

Рис. 1. Синонимы для работы с модулем 9

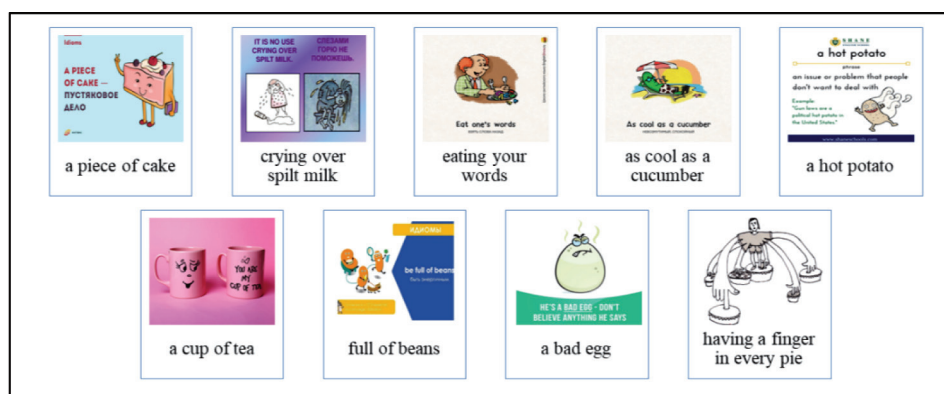

Рис. 2. Наглядные материалы к заданию с идиомами

Рис. 3. Игра Memory

Рис. 4. Примеры карточек для говорения

Для минимизации ошибок лексической сочетаемости использовались задания на упрощение и перефразирование фрагментов текста. Целью данных упражнений была замена избыточных и «русскоязычных» словосочетаний на естественные английские конструкции. Для уменьшения

количества ошибок, связанных с «ложными друзьями переводчика», были разработаны задания с использованием таблиц по каждому типу таких единиц (мешающие «ложные друзья», «слова-помощники», а также пары с формальным сходством и нюансами значения) (см. Табл.3), упражнения на составление связного текста из фрагментированного и цветом маркированного материала [9], а также работа с видеоматериалом (см. Рис. 5) с последующим воспроизведением диалога, что переводит усвоение данных единиц в сферу реальной речевой практики и способствует закреплению навыков их корректного употребления.

Таблица 3.

Таблица «ложных друзей переводчика» для учеников 7 класса

Английское слово	Верный перевод	Ложный перевод	Пример употребления
cartoon	карикатура, мультфильм	картон	The children were watching a cartoon.
desert	пустыня	десерт	The Sahara is a famous desert.

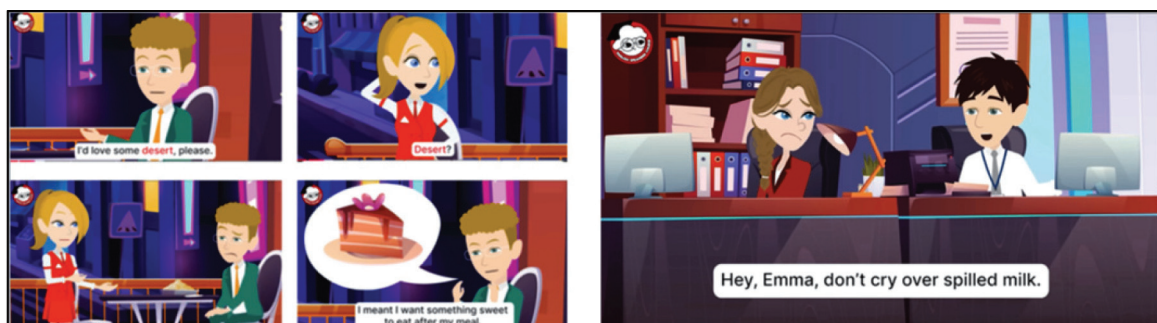

Рис. 5. Кадры из видео

Апробация дополнительного учебного материала по преодолению лексической интерференции показала свою эффективность, которая была подтверждена контрольным тестированием: доля ошибок, вызванных калькированием, снизилась с 44% до 15%; ошибки из-за «ложных друзей переводчика» сократились с 30% до 12%; нарушения лексической сочетаемости уменьшились с 35% до 10%.

Разработанные упражнения заметно сократили проявления лексической интерференции, улучшили усвоение лексики и способствовали формированию осознанного использования слов и выражений, повышая уверенность учащихся в практическом использовании английского языка.

Проведенный анализ позволил сформулировать некоторые практические рекомендации для педагогов:

1. Существенную роль в преодолении лексической интерференции играют предварительное выявление и систематизация лексических единиц, потенциально подверженных интерферирующему влиянию со стороны родного языка.
2. Систематическое сопоставление лексических единиц родного и иностранного языков развивает у учащихся способность к осознанному различению межязыковых соответствий и несоответствий, что предотвращает возникновение лексической интерференции.
3. Применение визуальных опор и цветовой дифференциации лексического материала активизирует когнитивные процессы запоминания и способствует формированию прочных ассоциативных связей.

4. Снижение уровня лексической интерференции достигается за счет комплексного использования разнообразных упражнений и приемов введения новой лексики, обеспечивая поэтапное формирование лексических навыков.

Таким образом, лексическая интерференция представляет собой не просто «ошибку», а сложное психолингвистическое явление, требующее системной методической работы, направленной на формирование у учащихся осознанного владения лексическими нормами изучаемого языка.

Цитированная литература

1. Алимов, В.В. Интерференция в переводе: На материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации / В. В. Алимов. – М: Ленард, 2021. – 232 с. – Текст: непосредственный.
2. Бузинова, Л.М. Влияние дистанционных образовательных программ на языковую личность преподавателя / Л. М. Бузинова, Л. Л. Зеленская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4(32). – С. 164-170. – Текст : непосредственный.
3. Бузинова, Л.М. Исследование эффективных методик преподавания английского языка в неязыковых вузах с учетом специфики профессиональной подготовки студентов / Л. М. Бузинова, Н. Д. Пашковская, О. В. Барышникова, О. М. Голосова // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 9-1. – С. 119-127. – Текст : непосредственный.
4. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев «Вища школа», 1979. – 260 с. – Текст: непосредственный.
5. Кузнецова, И.Н. Теория лексической интерференции: на материале фр. яз.: специальность 10.02.05. «Обеспечение информационной безопасности автоматизированных систем»: дис. на соискание учебной степени доктора филол. наук/ И. Н. Кузнецова. – Москва, 1998. – 405 с. – Текст : непосредственный.
6. Магомед-Касумов, Г.М. Способы преодоления лексической интерференции у студентов-дагестанцев / Г. М. Магомед-Касумов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2022. – №1(2). – С. 42-46. – Текст : непосредственный.
7. Пашковская, Н.Д. Использование культурно-страноведческого материала при обучении иностранному языку / Пашковская Н.Д. // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2004. – № 4. – С. 37-40. – Текст : непосредственный.
8. Самоленкова, А.А. Проблематика типологии лексической интерференции в переводе / А. А. Самоленкова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : международный сборник научных статей. – 2020. № 10. – С. 87-94. – Текст : непосредственный.
9. Buzinova, L.M. Bilingualism and biculturalism and teaching of modern languages: point of view of a teacher of french from Russia / L. M. Buzinova // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2017. – Vol. 7, No. 2. – P. 226-231.

МЕЖДУ СКАЗКОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ЯЗЫК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ Г.Г. МАРКЕСА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА»

Рукавишникова Ирина Александровна^{1,2},

*старший преподаватель общеакадемического факультета, отделения языковой подготовки,
кафедры иностранных языков 3,
старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и востоковедения,
e-mail: irina77749@gmail.com*

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

²АНО ВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья посвящена анализу репрезентации магического реализма как художественно-эстетического направления в романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Рассматриваются основные теоретические подходы к определению магического реализма, его ключевые признаки. Особое внимание уделяется латиноамериканскому контексту формирования данного направления, обусловленному мифологическим сознанием, историческим опытом и коллективной памятью региона. В центре исследования находится роман «Сто лет одиночества» как канонический текст магического реализма: анализируется его нарративная структура, синтаксические особенности, система образов и символов, концепты судьбы, одиночества и предопределённости.

Ключевые слова: «Сто лет одиночества», Маркес, магический реализм, Латинская Америка, мифологизм, историзм.

BETWEEN FAIRY TALE AND REALITY: THE LANGUAGE OF MAGICAL REALISM IN GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ'S NOVEL «ONE HUNDRED YEARS OF SOLITUDE»

Rukavishnikova I.A.^{1,2},

*senior lecturer of the General Academic Faculty, Department of Language Training,
Department of Foreign Languages 3,
senior lecturer of the Department of Romano-Germanic Philology and Oriental Studies,
e-mail: irina77749@gmail.com*

¹Federal State-funded Institution of higher education «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

This article analyzes the representation of magical realism as an artistic and aesthetic movement in Gabriel García Márquez's novel «One Hundred Years of Solitude». The article presents the main theoretical approaches to defining magical realism and its key characteristics. Particular attention is given to the Latin American context of this movement's development, shaped by the region's mythological consciousness, historical experience, and collective memory. The study focuses on the novel «One Hundred Years of Solitude» as a canonical text of magical realism: its narrative structure, syntactic features, system of images and symbols, concepts of fate, loneliness and predetermination are analyzed.

Keywords: «One hundred years of solitude», Márquez, magical realism, Latin America, mythologism, historicism.

Актуальность изучения романа Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества» в современной науке обусловлена рядом факторов. Прежде всего, произведение остаётся ключевым текстом магического реализма – жанрово-эстетического направления, активно изучаемого в литературоведении, переводоведении, нарратологии и лингвокультурологии. Анализ романа позволяет уточнить механизмы взаимодействия мифа, истории и художественного вымысла в литературе XX–XXI веков. Не менее значимой является лингвистическая перспектива изучения «Сто лет одиночества».

Цель исследования – выявить и описать поэтико-нарративные и лингвокультурные особенности романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» как репрезентативного текста магического реализма, а также определить механизмы синтеза мифологического, исторического и повседневного начал в структуре художественного мира произведения.

Задачи исследования: (1) проанализировать теоретические подходы к определению магического реализма и уточнить его ключевые жанрово-эстетические признаки; (2) рассмотреть специфику функционирования магического реализма в латиноамериканском культурно-историческом контексте; (3) исследовать нарративную организацию романа «Сто лет одиночества», включая циклическую модель времени, полифоничность повествования и фигуру рассказчика как носителя коллективной памяти; (4) проанализировать систему ключевых концептов (судьба, одиночество, рок, предопределённость) и определить их семантическую нагрузку.

Объект исследования – роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» как художественное произведение, принадлежащее направлению магического реализма в латиноамериканской литературе XX века. **Предмет исследования** – поэтика магического реализма в романе «Сто лет одиночества», включая его нарративные, синтаксические, концептуальные и лингвокультурные особенности, обеспечивающие синтез мифа, истории и художественного вымысла в структуре текста.

Магический реализм выступает относительно новым литературным феноменом, представляющим собой ответную реакцию искусства «на новую, стремительно меняющуюся картину мира и сложную многоплановую реальность», которая за счет «смещения перспективы и искажения пространственного жизнеподобия» обретает специфическое «магическое» наполнение [2, с. 274]. К.Н. Кислицын среди основных черт магического реализма в литературе выделяет следующие: (1) наличие двойной реальности – объективной и скрытой; (2) искажение «пространственного жизнеподобия»; (3) субъективность и относительность времени из-за отказа от рационалистического мышления; (4) стремление к замещению взгляда образованного человека, носителя высокой культуры взглядом примитивного человека; (5) активизация мифологического, мистического типов сознания наряду с отказом от объективного психологического анализа происходящего; (6) антиутопичность и антипрагматизм; (7) опора на этнический, национальный, культурный, исторический опыт; (8) экзистенциализм [2, с. 276]. Н.В. Красовская, в свою очередь, дополняет данный перечень такими параметрами, как богатство чувственно-описательных деталей, использование символов и образных средств; включение фольклора; придание значимости эмоциям [3, с. 16].

Достаточно часто исследователи магического реализма обращаются к литературе Латинской Америки. Именно там данное направление литературного творчества обрело концептуальную завершенность, оформившись как самостоятельная эстетическая система со своими поэтико-философскими принципами. Произведения Г.Г. Маркеса, А. Карпентьера, Х. Кортасара и других авторов продемонстрировали особый тип художественного мышления, основанный на органическом

сосуществовании реального и ирреального, мифологического и повседневного, рационального и чудесного.

В рамках произведений южноамериканских авторов магический реализм не предполагает противопоставление сверхъестественного действительности; напротив, сверхъестественное воспринимается как естественное продолжение реальности. Это, безусловно, обусловлено спецификой национального мировосприятия, укоренённого в мифологическом сознании, фольклорных представлениях и коллективной исторической памяти. Подобная художественная модель позволила авторам Латинской Америки выразить исторический сложный опыт, переживания о постколониальной травме и поиске идентичности, что, в свою очередь, превратило магический реализм в универсальный язык осмысления исторической и социальной реальности.

По мнению О. Л. Шалановой, в Латинской Америке магический реализм оказался на благодатной культурно-исторической почве: доколумбовая культура индейцев, литература, верования инков, ацтеков, майя, опыт испанской конкисты – все это сформировало особое мировосприятие жителей континента. Как пишет автор, особые элементы магического реализма стали обнаруживаться в латиноамериканской литературе задолго до того, как возник данный термин. В качестве примера можно привести произведения Франсиско де Авила «Рукописи Уарочири», 1608 г.; Педро Симона, «Noticias historiales», 1882-1892 гг. и проч. В послевоенный период (с 1945 г.) литература Латинской Америки выходит на передний план глобальной литературной арены, а писатели, в свою очередь, в очередной раз обращаются к магическому реализму [12, с. 55].

Магический реализм в литературе Латинской Америки, согласно Н.В. Красовской, обладает следующими чертами: (1) априорная «чуждость» реальности Латинской Америки (история, география, этнический состав, культура, верования); (2) обилие «чуждого», а также характерное смешение фантастического (мифологического) с реальным; (3) существенные отличия в понимании «чуждого» в латиноамериканском контексте, отличном от контекста европейского постмодернизма [3, с. 16].

Произведения латиноамериканских авторов, написанных в духе магического реализма, отсылают читателя к мифу. Миф – это особое ощущение, возникающее при прочтении. Язык произведений отражает мифологическое восприятие природы, общества, судьбы, веры. Схожий тезис выражает В.К. Мирзаева: «в Латинской Америке всё, что можно увидеть глазами, носит мифологический характер» [5, с. 146].

Роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» является классическим образцом литературного направления «магический реализм». Художественная реальность в романе конструируется в качестве синтеза повествования в трех плоскостях: повседневного, исторического и фантастического. За счёт предельной насыщенности текста деталями, усложнённых синтаксических конструкций и циклической организации повествования невероятное и реальное сплетаются в единый нарратив. Гражданская война, многолетние политические конфликты, забастовка рабочих банановой компании и массовые репрессии сосуществуют с левитацией, пророчествами, трансформациями и превращениями, что, в свою очередь, не нарушает логики повествования [8, с. 11].

Центральным элементом мира, созданного Г.Г. Маркесом, становится Макондо, основанное Хосе Аркадио Буэндиа. Пространство Макондо структурирует ключевые элементы авторской мифологии – природную, водную и предметную символику. Особое место занимает образ льда, функционирующий как знак чуда; его семантика непосредственно связана с фигурой Мелькиадеса, носителя сакрального знания и хрониста судеб рода Буэндиа.

Тема исторической памяти в романе Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества» имеет автобиографические основания. Сам писатель подчёркивал, что роман является «поэтическим воспроизведением детства», а его мировоззрение формировалось под влиянием двух ключевых фигур – бабушки и деда. Бабушка вводила будущего автора в сферу мифа, сказки и сверхъестественного, тогда как дед, полковник Николас Маркес, участник Тысячедневной войны, олицетворял рациональное мышление, историческую память и политический опыт. Синтез этих начал – мифологического и документально-исторического – впоследствии определил художественную модель романа.

В.М. Соколова говорит о том, что на язык произведений Г.Г. Маркеса существенным образом повлиял журналистский опыт писателя: «Маркеса называют журналистом, который писал романы, и романистом, рассказывающим реальные истории» [7, с. 87]. В произведении «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса этот опыт органично сочетается с принципом историзма. Писатель последовательно переносит в художественный текст журналистскую установку на фиксацию факта, хроникальность и документальную достоверность, трансформируя её в особую форму исторического повествования. Историзм у Г.Г. Маркеса не сводится к реконструкции конкретных событий или дат, а проявляется как осмысление истории через коллективный опыт, память и повторяемость социальных катастроф. В произведении «Сто лет одиночества» исторические процессы – гражданские войны, смена политических режимов, забастовки, конфликты с рабочими банановой компании – вводятся в повествование с почти репортажной точностью. Можно предположить, что подобная стилистическая установка восходит к журналистскому дискурсу. Однако в художественном тексте данная «объективность» оказывается парадоксальной: документально узнаваемые события включаются в мифологизированный нарратив.

Масштабность нарратива позволяет охарактеризовать стиль автора как склонный к историзму. Макондо становится художественным отражением реальной исторической хроники, отражающей ключевые этапы истории Латинской Америки XIX–XX вв.: гражданские войны между либералами и консерваторами, Тысячедневная война, иностранное экономическое вмешательство и расстрел бастующих рабочих в 1928 г.

На уровне синтаксической организации роман «Сто лет одиночества» демонстрирует специфический тип повествовательной структуры, который функционально соотносится с поэтикой магического реализма. Синтаксис характеризуется развернутыми, «многоступенчатыми» предложениями, что приводит к эффекту непрерывного, «текущего» повествования. Подобные синтаксические конструкции формируют ощущение непрерывного потока реальности, в которой «чудесное» и достоверное существуют в рамках единого пространства [6, с. 100]. Широкое использование сложноподчинённых предложений способствует размытию причинно-следственных связей в их классическом понимании. Придаточные части аккумулируют, «наслаивают» события, состояния и описания друг на друга (*«Много лет спустя, стоя перед расстрельной командой, полковник Аурелиано Буэндия вспомнил тот далекий день, когда отец повел его знакомиться со льдом»*).

При этом экспрессия не свойственна языку автора. Язык романа тяготеет к сдержанной, нейтральной манере изложения. Автор избегает экспрессивной оценки даже при описании трагических или катастрофических эпизодов, что усиливает контраст между нейтральной формой высказывания и его драматическим содержанием. Приведем следующий пример: *«Ремедиос Прекрасная начала подниматься в воздух и вскоре исчезла из виду»*. Вознесение – событие

сверхъестественное и эмоционально насыщенное – передаётся в нейтральной повествовательной тональности. Чудесное описывается так же нейтрально, как и повседневное.

По мнению А.А. Маркова с соавт., история рода Буэндиа развивается по циклическому принципу, что символизирует повторяемость – повторяемость имён, судеб, исторических событий. Макондо гибнет не столько под воздействием внешних сил, сколько из-за утраты памяти и социальной пассивности [4, с. 37]. Таким образом, «Сто лет одиночества» представляет собой художественно-историческую модель Латинской Америки, в которой миф, личная память и реальные социально-политические процессы образуют целостную систему. Роман возникает как форма авторской рефлексии над трагическим историческим опытом континента и становится способом художественного осмысления его культурной и исторической идентичности.

В романе «*Сто лет одиночества*» можно часто встретить отсылки на народные верования, а также поговорки и суеверия. Все эти компоненты выступают важнейшими элементами текста и выполняют функцию репрезентации народного мировоззрения. Они интегрированы в повествование не как фольклорный орнамент, а как своеобразный культурный код, во многом детерминирующий способы восприятия реальности персонажами. Народные приметы, вера в знаки судьбы, сны, пророчества и предсказания формируют особую модель мышления.

Суеверия в тексте функционируют как нормативная система объяснения мира. Герои интерпретируют болезни, смерть, природные катастрофы и исторические события через призму традиционных верований («*первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи*»). Эти представления не подвергаются рациональному сомнению и обладают для персонажей онтологическим статусом истины, что сближает их с коллективным бессознательным и архаическими формами культуры.

Поговорки и устойчивые речевые формулы («*человек – вольная птица, пока мертвец не свяжет его с землей*») выполняют функцию трансляции народной мудрости и моральных норм. Они закрепляют циклическое восприятие времени, идею неизбежного повторения и фатальности человеческого существования («*самое страшное в бессонной болезни не то, что нельзя сомкнуть глаз, – ведь тело не устает, – а то, что в конце концов человек предает забвению всех и вся*»). Через подобные речевые клише передаётся опыт предшествующих поколений, который, однако, не приводит к эволюции, а лишь воспроизводит очередной исторический цикл.

Особое значение имеет фигура рассказчика, который, кажется, является носителем коллективной памяти сообщества. Рассказчик функционирует как носитель и транслятор исторического опыта, обеспечивающий сохранение прошлого. Роман «Сто лет одиночества» представляет собой полифоническую совокупность нарративов, разворачивающихся в замкнутом сакральном пространстве Макондо [10, с. 60]. Мифологизм в произведении прослеживается, помимо прочего, в частых обращениях к Богу («*они брошены на произвол судьбы, словно щенята какие*», «*как Бог на душу положит*» и проч. [9, с. 153]).

Магический реализм в романе «Сто лет одиночества» опирается на систему ключевых концептов, формирующих семантическое ядро текста, среди которых центральное место занимают судьба, одиночество, рок, трагизм и предопределённость. Эти понятия организуют особую картину мира, в которой индивидуальное бытие изначально подчинено неподконтрольным силам.

Концепт судьбы репрезентируется через лексемы и устойчивые сочетания, связанные с неизбежностью и повторяемостью: «*суждено*», «*предначертано*», «*должно было случиться*»,

«никогда не менялось». Подобные языковые маркеры формируют ощущение неизбежности происходящего, где случайность оказывается лишь внешней формой проявления предустановленного порядка.

Судьба в романе не является результатом выбора персонажей, а выступает как объективная данность; более того, судьба в тексте не редуцируется к частному жизненному выбору персонажей, а функционирует как надличностная, заданная свыше сила, детерминирующая ход индивидуальной и коллективной истории рода Буэндия.

Судьба в романе тесно сопряжена с категорией повторяемости. История рода Буэндия разворачивается по циклическому принципу: повторяются имена, характеры, жизненные сценарии. Эта повторяемость эксплицируется через устойчивые формулы и реминисцентные конструкции. Так, персонажи неоднократно осознают невозможность изменения хода событий: *«всё повторяется»*, *«он понял, что всё уже случалось прежде»*.

Важным аспектом концепта судьбы является его связь с одиночеством как родовой предрасположенностью. Одиночество (*soledad*) как ключевой концепт реализуется посредством лексем, обозначающих изоляцию, замкнутость и отчуждение (*«один»*, *«оторванный»*, *«замкнутый»*, *«молчаливый»*, *«чужой»*). На семантическом уровне одиночество приобретает статус родовой и исторической предрасположенности, передающейся из поколения в поколение [11, с. 55].

В тексте неоднократно подчеркивается состояние внутренней изоляции персонажей даже в условиях внешней включённости в социальные и исторические процессы. Показательной является финальная фраза текста романа: *«родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды»*.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Магический реализм – сложное художественное явление, характеризующееся синтезом объективной и иррациональной реальностей, опорой на культурно-исторический и этнический опыт, выразительной образностью, символизмом.
- В литературе Латинской Америки магический реализм сформировался как особое литературное направление, эволюция которого была обусловлена мифологическим сознанием, историческим опытом и культурной памятью региона.
- Роман «Сто лет одиночества» является образцом магического реализма, основанного на органическом синтезе повседневного, исторического и фантастического уровней повествования.
- Макондо функционирует как мифологизированная модель Латинской Америки и как пространство коллективной исторической памяти. Историзм произведения проявляется в мифологизированном осмыслении реальных социально-политических событий и коллективного исторического опыта.
- Циклическая организация повествования символизирует повторяемость судеб, исторических катастроф и утрату памяти. Фольклор, суеверия и народная речь выступают не декоративным элементом, а культурным кодом, отражающим мировосприятие персонажей.

Цитируемая литература

1. Гарсиа Маркес, Г. Сто лет одиночества. Недобрый час : романы / Г. Г. Гарсиа Маркес ; пер. с исп. Н. Бутыриной, В. Столбова, Р. Рыбкина. – Москва : Эксмо, 2001. – 544 с.
2. Кислицын, К. Н. Магический реализм / К. Н. Кислицын // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 274–277.

3. *Красовская, Н.В.* Магический реализм как способ реализации латиноамериканского концептуально-метафорического кода / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9, вып. 2. – С. 14–18.
4. *Марков, А.А.* «Сто лет одиночества» как метафора истории Латинской Америки / А.А. Марков, У.И. Кузнецова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 7-3 (94). – С. 35–38.
5. *Мирзаева, В.К.* Мифическое мышление как культурологический феномен магического реализма (на материале прозы латиноамериканских и афроамериканских писателей) / В. К. Мирзаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 11 (827). – С. 144–155.
6. *Путило, А.О.* Формирование у учащихся представления о магическом реализме (на материале романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества») / А.О. Путило, О.О. Путило // Известия ВГПУ. – 2021. – № 1 (154). – С. 100–104.
7. *Соколова, В.М.* Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса / В. М. Соколова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 1. – С. 85–98.
8. *Солнцева, Н.М.* К вопросу о типологии магического реализма (проза С.А. Клычкова) / Н.М. Солнцева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2024. – № 3 (55). – С. 7–19.
9. *Топоркова, Ю.А.* Способы передачи безэквивалентной лексики романа Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества» в русском переводе / Ю.А. Топоркова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-1 (74). – С. 151–153.
10. *Хортова, Е.А.* Фольклорные и мифологические мотивы в романе Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» / Е.А. Хортова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2001. – № 5. – С. 59–62.
11. *Чукавина, А.Г.* Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества» / А.Г. Чукавина // Вестник ТГПУ. – 2023. – № 4 (228). – С. 52–59.
12. *Шаланова, О.Л.* Магический реализм как художественный метод / О.Л. Шаланова // Вестник науки. – 2018. – № 9 (9). – С. 54–57.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАДИСКУРСА ЮАР)

Степаненко Сергей Викторович¹,

аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации,

e-mail: 1379594@bsuedu.ru

Волошина Татьяна Геннадьевна^{1,2},

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка,

профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»,

e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

¹НИУ «БелГУ»

²АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье систематизируется понятие термина «лингвокультурема». Специфика лингвокультурем была выявлена на примере анализа англоязычного медиадискурса ЮАР, были изучены англоязычные онлайн-медиа за 2025 г. Доказано, что лингвокультуремы функционируют как маркеры идентичности, инструменты семантической инкорпорации локальных реалий в общий языковой код. Представлены критерии выделения единиц и результаты контекстуального анализа.

Ключевые слова: языковой контакт; лингвокультурема; англоязычный южноафриканский медиадискурс; южноафриканский вариант английского языка

LINGUOCULTUREMA AS A CENTRAL CONCEPT IN LINGUOCULTURAL STUDIES AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (BASED ON THE MEDIA DISCOURSE IN SOUTH AFRICA)

Stepanenko S.V.¹,

a postgraduate student at the Department of Romance and German Philology

and Intercultural Communication,

e-mail: 1379594@bsuedu.ru

Voloshina T.G.^{1,2},

Doctor of Philology, Professor,

Professor of the Department of Second Foreign Language,

Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

¹Belgorod National Research University,

²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article systematizes the concept of the term “linguocultureme.” The specificity of linguoculturemes was identified through the analysis of English-language media discourse in South Africa, and English-language online media from 2025 were studied. It was proven that linguoculturemes function as markers of identity and tools for the semantic incorporation of local realities into the general language code. The article presents the criteria for identifying units and the results of contextual analysis.

Keywords: language contact; linguocultureme; English-language South African media discourse; South African variant of English

ВВЕДЕНИЕ

Язык и культура находятся в постоянном и двунаправленном взаимодействии: языковые формы сохраняют, транслируют и трансформируют культурный опыт, а культурные практики задают структуру и содержание языковых единиц. В современной лингвокультурологии ключевым аналитическим инструментом выступает понятие «лингвокультурема» – единицы, объединяющие семантическое, культурное и символическое содержание. Их использование позволяет связать лексико-семантический анализ с антропологическими и социокультурными интерпретациями (см. классические дефиниции и обзорные подходы [1, с. 44; 2, с. 47]).

В условиях глобализации и усиленного языкового контакта изучение лингвокультурем приобретает прикладной характер: медиатексты, будучи локусом социокультурной репрезентации, демонстрируют интенсивное включение элементов одного языка в другой, что формирует новый «медиаальный» вариант речи. Этот процесс особенно заметен в Южно-Африканской Республике (ЮАР), где английский функционирует как *lingua franca*, но активно взаимодействует с африкаанс и автохтонными языками, создавая особый социолингвистический код – South African English (SAE) [3 с.104; 4, с. 110].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретической конкретизации лингвокультурем как аналитической единицы и эмпирической проверкой их функций в англоязычном медиадискурсе ЮАР. Научная новизна работы состоит в выявлении специфики лингвокультурем на примере англоязычного южноафриканского медиапространства.

Объектом исследования выступает англоязычный южноафриканский медиадискурс. Цель исследования – выявить типологию и функции ключевых лингвокультурем в англоязычных медийных текстах ЮАР и показать их вклад в формирование локального варианта английского языка. Для достижения цели решены следующие задачи: (1) дать краткий обзор подходов к понятию «лингвокультурема» в отечественной и зарубежной науке; (2) описать корпус и методы исследования; (3) выделить и классифицировать наиболее значимые лингвокультуремы в англоязычном медиадискурсе ЮАР и проанализировать их функции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие лингвокультуремы: отечественная и зарубежная парадигмы

В отечественной лингвокультурологии лингвокультурема трактуется как двусторонняя единица, в которой интегрированы языковые и культурные компоненты, обеспечивая передачу этнокультурных смыслов [1, с. 12]. В.А.Маслова подчёркивает роль таких единиц в сохранении культурной памяти и символическом кодировании опыта народа [2, с. 53]. Современные отечественные исследования расширяют эти основания, предлагая классификации по признакам материальности и духовности, по уровню экспрессии (лексика, фразеология, текст) и по функциональному назначению.

Зарубежная практика опирается на сопоставимые концепты (*linguocultureme*, *cultureme*), но чаще включает когнитивные и прагматические измерения: внимание уделяется дискурсивно-прагматическим функциям заимствований и механизмам их интеграции в другой языковой код. Blommaert утверждает, что глобализация создаёт «репертуарные» режимы, где языковые единицы становятся мобильными ресурсами, приобретающими новые культурные значения в разных контекстах [4, с. 110]. Анализ SAE в рамках этой парадигмы показывает, что африкаанс-лексемы в англоязычных медиа выступают не только как «заимствования», но и как маркеры локальной идентичности и инструменты семиотического присвоения [5, с. 3; 3, с. 215].

Теоретико-методологическая позиция исследования

Исследование опирается на интегративный подход: сочетание лингвокультурологического анализа (определение и классификация лингвокультурем), корпусной лингвистики (количественный учёт и частотный анализ) и дискурс-аналитических приёмов (контекстуальный анализ функцио-семантики). Методологическая схема включает три уровня: (а) выделение кандидатов в лингвокультураны по критериям культурного маркерования и частоты употребления; (б) классификация по типологическим признакам (форма, уровень, сфера функционирования, эквивалентность); (в) анализ коммуникативных функций в медиадискурсе (идентификационная, номинативная, аксиологическая, когнитивно-мемориальная) [6, с. 5; 2, с. 82].

Материалы и методы

Эмпирическая база исследования – корпус англоязычных онлайн-публикаций ЮАР за 2025 г., включающий три ключевых национальных ресурса: News24, Mail & Guardian, The South African, а также профильные издания (Drum, City Press, Veld & Flora). В корпус отобраны письменные тексты (новости, аналитика, репортажи), а также стенограммы и субтитры медийных видеоматериалов, доступные онлайн. Общий объём корпуса на этап подготовки первого блока – около 250 тыс. слов; далее корпус будет расширяться в финальных главах до 500–700 тыс. слов для статистической надёжности.

Критерии отбора лингвокультурем-кандидатов:

1. Лексема должна выступать в тексте с явно выраженной культурной привязкой (обозначать социальную практику, предмет культуры, институцию, историческое явление и т. п.).
2. Лексема фиксируется в англоязычном тексте не как единичный кальк, а в нескольких независимых источниках/контекстах (минимум 3 различающиеся публикации в корпусе).
3. Лексема демонстрирует функциональную насыщенность – выполняет различные коммуникативные функции (номинация, маркёр идентичности, идеологический маркер и т. д.).

Отбор осуществлялся полуавтоматически: сначала – поиск по ключевым лексемам (braai, bakkie, boer, apartheid, veld, ubuntu, stokvel и др.) с помощью инструментов корпусного поиска (AntConc/поисковые скрипты), затем – ручная верификация контекстов и кодирование по типологии.

Обработка данных и методы анализа

После выделения кандидатов производился количественный подсчёт встречаемости (частотность на 10 тыс. слов), распределение по жанрам и источникам, а также качественный дискурсивный анализ типичных контекстов – с выделением функций и нормативно-оценочных компонент. Для контроля над репрезентативностью использованы стандартные приёмы корпусной лингвистики (нормализация частот, коррекция на жанр и длину публикации) [4, с. 110;].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ корпусного отбора позволил выявить несколько устойчивых закономерностей:

1. ряд африкаанс-единиц (braai, bakkie, veld, boer) стабильно встречается в англоязычных публикациях и выполняет разные функции: номинативную (обозначение предмета/явления), идентификационную (маркер локальной практики или общности), а также аксиологическую (позитивная/негативная оценка в зависимости от медиатекста) [5, с. 5; 7, с. 441];
2. термин apartheid в англоязычных текстах функционирует и как историческая референция, и как современный метафорический маркер социального неравенства (примеры: «economic apartheid») –

это свидетельствует о расширении семантического поля лексемы и её роли как культурной метафоры [8, с. 29; 9, с. 77];

3. лексемы родом из языков банту (ubuntu) появляются в англоязычных текстах как концептуальные маркёры, используемые в политическом и общественном дискурсе для обозначения принципов примирения и коллективности; их употребление свидетельствует о трансляции локальных культурных ценностей в англоязычную публичную сферу [4, с. 74; 10, с. 45].

Полученные эмпирические данные подтверждают теоретические положения о том, что лингвокультуры функционируют как «многоплановые единицы языка и культуры и играют ключевую роль в процессе конструирования локального медиалингвистического кода» [11, с. 361; 12]. Наблюдаемая в корпусе устойчивость таких единиц, как braai, bakkie, stokvel, veld и ubuntu, иллюстрирует переход от «чужих» единиц к элементам интегрированного кода South African English: они перестают быть помеченными только как «иностранные» лексемы и становятся частью повседневного коммуникативного ресурса (процесс, подробно описанный в теории лингвокультурного заимствования) [4, с. 74; 5, с. 6].

Особое теоретическое значение имеет наблюдаемая семантическая деривация апартеида: термин apartheid в англоязычных медийных текстах выступает одновременно как историко-референтная лексема и как метафора современных форм неравенства (economic apartheid, digital apartheid). Это совпадает с классическими наблюдениями о «метафорической реперцепции» культурно-нагруженных терминов в публичном дискурсе и требует дальнейшей теоретической конкретизации механизма метафоризации в условиях постконфликтной памяти [8, с. 19; 4, с. 63].

Результаты частотного анализа подтверждают тезис о жанровой дифференциации лингвокультурем: историко-политические единицы доминируют в новостях и аналитике, гастрономические и бытовые – в лайфстайл- и культурных жанрах. Это указывает на функциональную специфику лингвокультурем и на их роль как «маркеров жанра», что важно учитывать при исследованиях медиадискурса и при составлении корпусов для дальнейшего анализа [3, с. 104; 10, с. 47].

Важный эмпирический вывод: механизмы интеграции включают не только прямое заимствование, но и процессы адаптации, семантического расширения и исчезающей графической маркированности (устранение кавычек/курсива), что является признаком институционализации лексем в новом языковом коде [3, с. 199; 5, с. 4]. Эти механизмы стоит рассматривать как взаимодополняющие этапы институционализации лингвокультурем.

Таким образом, исследование подтверждает критическую роль лингвокультурем в формировании и поддержании локального медиалингвистического кода. Их изучение позволяет глубже понять механизмы языкового контакта, процессы символической репрезентации и динамику культурной памяти в постапартеидном обществе. Полученные результаты имеют теоретическое значение для лингвокультурологии и практическую ценность для медиапрактики и языковой политики.

Цитированная литература

1. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьёв. – М.: Российский университет дружбы народов, 2008. – 336 с. – Текст : непосредственный.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2016. – 256 с. – Текст : непосредственный.

3. *Mesthrie, R.* Language in South Africa / R. Mesthrie (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 512 p. – Текст : непосредственный.
4. *Blommaert, J.* The Sociolinguistics of Globalization / J. Blommaert. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 226 p. – Текст : непосредственный.
5. *Unuabonah, F.* The Sociolinguistics of English in Africa / F. Unuabonah. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – 238 p. – Текст : непосредственный.
6. *Baratova, N.* Linguocultureme as the main unit of linguoculturological research / N. Baratova // Texas Journal of Philology, Culture and History. – 2024. – Vol. 31. – P. 1–5. – DOI: 10.62480/tjrch.2024. vol31. pp 1–5. – Текст : непосредственный.
7. Волошина, Т.Г., Доброниченко, Е.В., Степаненко, С.В. Лингвокультураны из языка африкаанс в англоязычном южноафриканском медиадискурсе / Т. Г. Волошина, Е. В. Доброниченко, С. В. Степаненко // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 439–441. – Текст : непосредственный.
8. *Alexander, N.* Language policy and national unity in South Africa / N. Alexander // Language Policy. – 2000. – Vol. 1. – P. 19–29. – Текст : непосредственный.
9. *Orman, J.* Language Policy and Nation-Building in Post-Apartheid South Africa / J. Orman. – Dordrecht: Springer, 2008. – 187 p. – Текст : непосредственный.
10. *Webb, V.* Multilingualism in South Africa: The challenge of the future / V. Webb // Language Matters: Studies in the Languages of Africa. – 2010. – Vol. 41, № 1. – P. 39–57. – Текст : непосредственный.
11. Бузинова, Л.М. Специфика англоязычного медиадискурса (на примере онлайн журнала «Premium Times») / Л. М. Бузинова, А. Р. Копачева, Н. В. Фисунова // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 360–362.
12. Глебова, Я.А. Лексические манифестации в текстах англоязычной нигерийской онлайн-газеты Vanguard / Я.А. Глебова, Ю.С. Блажевич, Л.М. Бузинова // Дискурс. – 2025. – Т. 11, № 5. – С. 165–178. – DOI 10.32603/2412-8562-2025-11-5-165-178.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РАЗВИТИЕМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Белохвост Руслан Алексеевич¹,
аспирант кафедры экономики и финансов

Лаптев Сергей Вениаминович¹,
*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и финансов,
e-mail: s.laptev@mmu.ru*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассмотрено общее содержание и особенности стратегического управления экономикой региона. Сделан вывод о том, что в настоящее время система стратегического управления экономикой региона во многом копирует задачи и методы текущего управления и потому малоэффективна. Установлена последовательность шагов адекватного формирования системы эффективного стратегического управления экономикой Ростовской области.

Ключевые слова: экономика региона, стратегическое управление, цели, задачи, инструменты стратегического управления.

FORMATION OF A STRATEGIC MANAGEMENT SYSTEM FOR INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE ROSTOV REGION

Belokhvost R.A.¹,
postgraduate student at the Department of Economics and Finance

Laptev S.V.¹,
*Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Economics and Finance,
e-mail: s.laptev@mmu.ru*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article discusses the general content and features of strategic management of the region's economy. It concludes that the current system of strategic management of the region's economy largely copies the tasks and methods of current management, making it ineffective. The article establishes a sequence of steps for the adequate formation of an effective strategic management system for the economy of the Rostov Region.

Keywords: regional economy, strategic management, goals, objectives, and strategic management tools.

Стратегическое управление промышленным развитием регионов является ключевым инструментом обеспечения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности территорий и отраслей экономики. Если текущее управление стремится устранить всевозможные помехи функционированию хозяйственных субъектов и хозяйственных систем, то стратегическое управление стремится построить управление на принципах эффективности.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что стратегическое управление в регионах России в настоящее время построено в основном формально, так что цели, задачи, инструменты управления стратегического и текущего практически совпадают, только определены на разные периоды времени. Между тем стратегическое управление должно определить, как на

основе крайне ограниченных ресурсов поэтапно сформировать недостающие звенья высших технологических укладов (пятого и шестого), какие производства традиционных укладов (прежде всего, третьего и четвертого) сохранить с небольшими изменениями, какие перенаправить на решение задач импортозамещения, развития межрегиональной специализации, повышение степени удовлетворения потребностей промышленности и населения. Методы решения этих задач не могут быть теми же, что и методы текущего управления, решающего задачи стабилизации цен, улучшения плановых показателей на основе имеющихся ресурсов и сложившегося порядка управления.

Цель настоящей статьи – выявить и обосновать ключевые системные условия, способствующие повышению эффективности стратегического управления промышленным развитием Ростовской области.

Новизна исследования заключается в обосновании порядка создания и структуры механизма стратегического управления регионом, обеспечивающих повышение эффективности стратегического управления экономикой региона.

Практическая значимость исследования заключается в его способности оказать позитивное влияние на улучшение отраслевой и территориальной структуры экономики региона, повышение темпов инновационного развития региона, снижение темпов инфляции, нахождение и использование дополнительных резервов для увеличения доходов, сокращения расходов, повышения благосостояния населения региона, совершенствования методов управления экономикой.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Стратегическое управление как предмет научного исследования развивается в пересечении экономической теории, менеджмента и региональной науки. В широком смысле стратегическое управление представляет собой совокупность долгосрочных управленческих решений и действий, направленных на достижение устойчивых целей в условиях внешней неопределённости и динамики среды [1]. Понятие неопределённости подразумевает собой отсутствие четко обозначенной информации об обстоятельствах, которые могут помешать в принятии решений [2].

В контексте региональной экономики стратегическое управление рассматривается как механизм согласования долгосрочных целей социально-экономического развития с реальными возможностями территорий, включая промышленный сектор. Региональная промышленная политика становится частью более широкой системы стратегического управления, направленной на укрепление экономической устойчивости, повышение конкурентоспособности и адаптацию к новым вызовам, таким как цифровизация, санкционные ограничения и структурные изменения в экономике [3].

В различных странах задача построения эффективной системы стратегического управления решается по-разному. Например, исследование, посвящённое внедрению концепции Industry 4.0 в регионе Финляндии, показывает, что для успешного перехода требуется сочетание четырёх ролей политики: защита интересов, развитие экосистем и сетей, целевое финансирование и развитие человеческого капитала, что отражает значимость организационно-управленческих и институциональных условий в стратегическом управлении на региональном уровне [4].

Теоретические подходы к стратегическому управлению промышленным развитием региона объединяют элементы экономического анализа, планирования, обоснования целей и инструментов экономической политики, координации и оценки.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ростовская область является одним из ведущих индустриально развитых регионов Российской Федерации с диверсифицированной промышленной структурой и устойчивой ролью в экономике Южного федерального округа [5]. Промышленное производство продолжает играть значительную роль в экономической динамике региона: по итогам девяти месяцев 2025 года индекс промышленного роста составил 102,3 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, что отражает устойчивость отраслевого сектора и активизацию инвестиционной деятельности в промышленных производствах области [6].

Структура промышленности Ростовской области характеризуется преобладанием обрабатывающих производств, которые формируют основную долю отгруженной продукции. Основные отрасли промышленного сектора представлены следующим образом [7] (рис. 1):

Рис. 1. Структура промышленного комплекса Ростовской области

- Машиностроение – одна из ведущих отраслей, включая производство сельскохозяйственной техники, оборудования для металлургии и авиационной промышленности;
- Пищевая промышленность – крупный сектор за счёт развитого агропромышленного комплекса региона, переработки зерна, мяса и молока;
- Химическая промышленность – производство химических веществ и материалов, включая полимеры и химическое волокно;
- Металлургия – предприятия по производству стали, проката, труб и других металлических изделий;
- Электроэнергетика – обеспечивает работу промышленных предприятий и развитие инфраструктуры региона.

Регион обладает развитым промышленным комплексом не только в крупных городах (Ростов-на-Дону, Таганрог, Новочеркасск), но и в малых городах и поселках, что отражает пространственную дифференциацию отраслей [8] (рис. 2).

Таким образом, промышленное развитие Ростовской области обладает как высоким потенциалом и диверсифицированной структурой, так и рядом проблем стратегического управления, которые делают необходимым выделение специфических условий для повышения эффективности управления промышленным сектором региона [9].

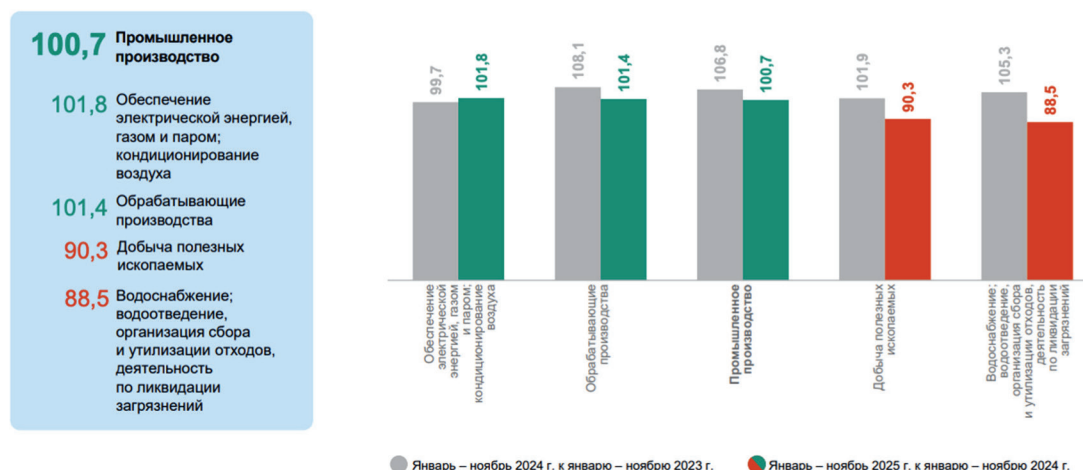

Рис. 2. Индексы производства по основным видам деятельности региона в 2025 году

Основные условия формирования эффективной системы стратегического управления экономикой региона:

1. Стратегическое управление должно быть построено на основе распределения ресурсов соответственно народохозяйственной значимости и предельной эффективности дополнительных вложений. Поскольку в текущем управлении ресурсы в регионе распределяются по всем отраслям и территориям, то есть по существу по принципу средней отдачи стратегическое управление призвано обеспечить постепенное повышение роли народохозяйственной значимости и предельной эффективности инвестиций.

2. Чтобы не смешивать и не сталкивать разные принципы распределения ресурсов в системе текущего и стратегического управления, необходимо последовательно обособить и разделить финансовые и экономические ресурсы для разных систем управления. – Только в таком случае развитие системы стратегического управления экономикой региона будет способствовать постепенному повышению эффективности текущего управления. А текущее управление перестанет затыкать мелкие прорехи в хозяйстве стратегическими ресурсами.

3. Стратегическое управление призвано устранить главные помехи, препятствия повышению эффективности экономики региона. Соответственно, все основные препятствия повышению эффективности региональной экономики должны быть выявлены и ранжированы по степени значимости их разрушительного влияния. Работа по устранению препятствий должна вестись, исходя из наличия ресурсов и согласно отрицательной значимости препятствий. В целом все главные препятствия за возможный длительный срок должны быть устранены. Работа по системному устранению препятствий должна способствовать значительному повышению эффективности экономики региона и должна строиться на основе стратегического контроллинга.

4. Отбор объектов для инвестиций в регионе должен начинаться с объектов и направлений, совместимых и реализующих высшие технологические уклады и обеспечивающих по возможности высокую предельную отдачу на единицу затрат. Система всех объектов и направлений инвестиций должна обеспечивать возможности получения продуктов с высокой добавленной стоимостью. Все направления и объекты инвестиций должны по возможности должны быть совместимыми и создавать синергетические эффекты от совокупного применения.

5. Управление объектами инвестиций и процессами производства целесообразно осуществлять на основе применения цифровых технологий, снижающих транзакционные издержки, на

основе гибких структур управления с последовательным разделением функций и с разделением ответственности за конечные результаты среди всех звеньев, влияющих на эти результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье выявлены и проанализированы ключевые системные условия, обеспечивающие эффективность стратегического управления промышленным развитием Ростовской области. Теоретический обзор показал, что современная практика стратегического управления базируется на интеграции институциональных, организационно-управленческих, информационно-аналитических, ресурсно-инструментальных и пространственно-отраслевых аспектов. Такой комплексный подход позволяет рассматривать промышленность региона не как совокупность разрозненных отраслей, а как целостную систему, способную адаптироваться к внешним вызовам и внутренним трансформациям.

Анализ промышленного сектора Ростовской области выявил как значительный потенциал диверсифицированной структуры: машиностроения, пищевой промышленности, металлургии, химической промышленности и электроэнергетики, – так и существующие проблемы стратегического управления, включая недостаточную координацию между органами власти, слабое информационно-аналитическое сопровождение и неравномерное распределение инвестиций.

Цитированная литература

1. Атаев Д.М., Гайнанов Д.А. Стратегическое управление промышленным развитием региона с учетом пространственно-структурных трансформаций//Вестник университета. 2024. № 11. С. 52–63
2. Шарнопольская О.Н., Хоцкий Н.А. Систематизация принципов и методология стратегического планирования в условиях цифровой трансформации//Международный научно-исследовательский журнал «Прогрессивная экономика». 2025. № 5. С. 199-212
3. Де Шауэр О. Неопределенность как характеристика современного мира: управленческий аспект // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2022. 6(93). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13733> (дата обращения: 05.02.2026)
4. Sedovs E., Volkova T., Ludviga I. Sustainable development and strategic management - what is on the horizon in our non-ergodic world research?// Sustainable Futures. Vol.9. 2025. p.1-22
5. Chukwuka O. Igboanua, Rudolf R. Sinkovics, Olli Kuivalainen The role of regional policy for Industry 4.0 adoption: A study of Finnish South Karelia// European Management Journal. 2025. p. 1-11
6. Предприятия Ростовской области. Интернет-ресурс. URL: https://ibprom.ru/rostovskaya_oblast (дата обращения: 05.02.2026)
7. Индекс роста промышленности в Ростовской области составил 102,3%. Интернет-ресурс. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/6911eeb29a7947c29b121831> (дата обращения: 12.02.2026)
8. Итоги развития промышленного производства, январь – ноябрь 2025. Материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. Интернет-ресурс. URL: <https://61.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i2509312.pdf> (дата обращения: 09.02.2026)
9. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года. Официальный портал Правительства Ростовской области. Интернет-ресурс. URL: <https://www.donland.ru/activity/2158/#pril412> (дата обращения: 05.02.2026)

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ (ОБЗОР)

Брычеев Алексей Сергеевич¹,

аспирант, кафедра «Экономика и финансы», направление «Региональная и отраслевая экономика»,
e-mail: alexbrycheev@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлен обзор инновационного развития АПК Ростовской области. На основе контент-анализа открытых источников систематизированы достижения цифровизации, элементы точного земледелия и мониторинга земель, а также организационно-управленческие инновации. Выявлены ключевые барьеры внедрения и обозначены направления дальнейших исследований эффективности инноваций.

Ключевые слова: АПК; Ростовская область; инновации; цифровизация; точное земледелие; мониторинг земель; региональная экономика; эффективность.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE ROSTOV REGION: ACHIEVEMENTS AND DIRECTIONS (A REVIEW)

Brycheev A.S.¹,

Postgraduate student, Department of Economics, Regional and Sectoral Economics,
e-mail: alexbrycheev@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The paper provides a review of innovative development in the agro-industrial complex of the Rostov region. Using content analysis of open sources, the study systematizes achievements in digitalization, elements of precision agriculture and land monitoring, and managerial innovations. Key implementation barriers are identified and further research directions are proposed.

Keywords: Agro-industrial complex; Rostov region; innovation; digitalization; precision agriculture; land monitoring; regional economy; efficiency.

Инновационное развитие агропромышленного комплекса (АПК) рассматривается как важный фактор повышения конкурентоспособности региональной экономики, поскольку влияет на производительность, качество продукции, устойчивость агропроизводства и эффективность использования ресурсов. В современных условиях инновации в АПК включают не только технологические решения, но и цифровизацию, управление данными, новые модели организации производственных процессов и взаимодействия с рынками.

Актуальность темы обусловлена тем, что инновационный переход в АПК регионов происходит неоднородно: часть хозяйств активно внедряет элементы точного земледелия, мониторинга посевов и цифрового учета, в то время как другие сталкиваются с ограничениями инвестиционного и кадрового характера. При этом для регионов с крупным аграрным сектором даже частичное повышение точности операций способно дать заметный экономический эффект в масштабах территории.

Научная новизна обзорной работы заключается в систематизации достижений инновационного развития АПК Ростовской области по направлениям (цифровизация; точное земледелие; мониторинг земель; организационно-управленческие практики) и в выделении ключевых барьеров

внедрения, требующих экономической интерпретации. Цель исследования – обобщить достижения инновационного развития АПК Ростовской области, определить приоритетные направления инноваций и сформулировать перспективы дальнейших исследований. Объект исследования – АПК Ростовской области. Предмет исследования – направления и инструменты инновационного развития регионального АПК, представленные в открытых источниках.

Исследование выполнено в формате обзорной статьи. Методологическая основа включает контент-анализ и сравнительно-описательный подход, что соответствует задачам систематизации разрозненной информации об инновациях и их распространении в региональном АПК [1].

Информационная база сформирована на основе открытых источников регионального и отраслевого характера. В рамках контент-анализа единицами анализа выступали: (1) описание инновационной практики или решения; (2) количественные показатели масштаба внедрения (при наличии в источнике); (3) заявляемые эффекты (например, снижение издержек, рост урожайности, повышение точности операций); (4) ограничения внедрения (стоимость, кадровый дефицит, инфраструктурные ограничения, необходимость сервисной поддержки). Далее материалы группировались по направлениям инновационного развития [2].

Для повышения воспроизводимости обзора использовался следующий алгоритм: отбор публикаций и материалов по ключевым словам («цифровизация АПК», «точное земледелие», «оцифровка полей», «мониторинг земель»), извлечение фактов и количественных оценок, их проверка на непротиворечивость в рамках одного источника, последующая классификация и интерпретация с позиций региональной и отраслевой экономики.

Обзор показал, что в открытых источниках инновационное развитие АПК Ростовской области в значительной степени связывается с цифровизацией и внедрением элементов точного земледелия. В отраслевой публикации, посвященной обсуждению цифровизации АПК в Ростове-на-Дону, приводятся оценки, согласно которым около 1 млн гектаров обрабатывается с применением цифровых технологий; более 1300 хозяйств используют элементы точного земледелия; 270 хозяйств ведут оцифровку полей; также указывается доля оснащения сельхозмашин средствами ГЛОНАСС [1]. Эти данные позволяют трактовать цифровые агротехнологии не как точечные эксперименты, а как направление, которое в определенной степени уже масштабируется. Важным достижением является развитие мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и инфраструктуры данных. Отмечаются электронная картография, оцифровка сельхозполей и подключение спутниковых снимков для оценки ситуации в растениеводстве при минимальном участии человека [5]. Экономическая значимость данного направления состоит в снижении информационной неопределенности и повышении управляемости ресурсов: мониторинг позволяет быстрее выявлять отклонения в состоянии посевов, планировать агротехнологические операции и формировать более обоснованные управленческие решения. В Ростовской области применение цифровых инструментов в агротехнологиях получает поддержку на уровне развития инновационной инфраструктуры и внедрения специализированных сервисов [6]. Наряду с технологическими инновациями существенную роль играют организационно-управленческие изменения, сопровождающие внедрение цифровых решений. Даже при наличии оборудования и программных продуктов эффект зависит от качества данных, готовности персонала работать с ними и способности руководства перестроить процессы учета, контроля и планирования. В результате инновационное развитие АПК региона целесообразно рассматривать как сочетание технологических и организационных инноваций, где экономический эффект определяется степенью

интеграции решений в реальную практику управления. Развитие цифровизации АПК подкрепляется расширением доступа к платформенным решениям, которые интегрируют предложение сервисов, товаров и финансовых инструментов для сельхозпроизводителей [7]. Платформенный подход снижает транзакционные издержки и позволяет даже малым хозяйствам получить доступ к инновационным решениям. При планировании инноваций целесообразно оценивать их сравнительную значимость, что необходимо для обоснованного выбора. В таблице 1 приведены показатели для оценки.

Таблица 1.

Показатели для оценки значимости инноваций

№ п/п	Название показателя	Оценка в баллах
1	Эффективность инноваций в расчете на единицу вложений	
2	Длительность полезного использования технологий	
3	Возможность получения последующих дополнительных и побочных эффектов	
4	Влияние инноваций на структурные изменения экономики региона	
5	Срок жизни инновационных технологий с учетом последующих улучшений	
6	Интегральная оценка по сумме баллов	

Ключевые барьеры инновационного развития АПК Ростовской области могут быть сгруппированы в четыре блока. Во-первых, инвестиционный барьер: многие решения требуют значительных первоначальных затрат и зачастую окупаются при достаточном масштабе и дисциплине применения. Во-вторых, кадровый барьер: внедрение цифровых агрорешений требует компетенций на стыке агрономии и анализа данных. В-третьих, инфраструктурный барьер: связь, сервис, совместимость оборудования и программных решений. В-четвертых, институциональный барьер, связанный с транзакционными издержками внедрения и неопределенностью эффекта в условиях климатических и рыночных колебаний [3].

Таким образом, инновационное развитие АПК Ростовской области характеризуется ростом распространения цифровых технологий, оцифровкой данных и развитием мониторинга земель, однако устойчивость результатов определяется организационными условиями внедрения и экономической обоснованностью решений на уровне хозяйств. Регион располагает стратегическими документами, определяющими приоритеты развития инноваций в АПК на период до 2030 года [4], что создает необходимую рамку для скоординированного развития инновационной инфраструктуры.

Очередность выделения средств для принятия решений об устранении барьеров также необходимо оценивать. В таблице 2 приведены показатели для определения суммарного негативного эффекта от сохранения барьеров для развития инноваций.

Таблица 2.

Показатели для оценки негативного влияния барьеров распространения инноваций

№ п/п	Показатели для оценки негативного влияния барьера	Оценка в баллах
1	Удлинение сроков реализации инновационных проектов	
2	Замедление реализации вторичных и побочных эффектов	
3	Замедление и уменьшение масштабов мультипликационного эффекта в смежных отраслях	
4	Замедление темпов структурных преобразований в экономике региона	

5	Потери от сохранения неэффективной структуры занятости	
6	Потери от сохранения дотирования неэффективных производств	
7	Интегральная оценка негативных эффектов барьеров	

Перспективы дальнейших исследований целесообразно связать с расчетом экономической эффективности внедрения отдельных инновационных решений, оценкой механизмов их диффузии и анализом роли мер поддержки на региональном уровне.

Цитированная литература

1. В Ростове-на-Дону обсудили цифровизацию АПК. – Текст: электронный // VestnikAPK.ru: [сайт]. – 2023. – URL: <https://vestnikapk.ru/articles/news/v-rostove-na-donu-obsudili-tsifrovizatsiyu-apk/> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Технологии без трудностей: на Дону выделили точки роста цифровизации АПК. – Текст: электронный // Деловая газета. Юг. – 2023. – URL: <https://www.dg-yug.ru/news/2073470.html> (дата обращения: 09.02.2026).
3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года (с изменениями на 15 апреля 2025 года). – Текст: электронный // Кодекс (электронный фонд правовой и нормативно-технической документации). – 2025. – URL: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/550327095> (дата обращения: 09.02.2026).
4. Вектор на развитие донского АПК. – Текст: электронный // РБК+ (проект РБК). – 2025. – URL: <https://rostov.plus.rbc.ru/news/692565f57a8aa95935b39767> (дата обращения: 09.02.2026).
5. Модернизация ГИС мониторинга земель сельскохозяйственного назначения Ростовской области. – Текст: электронный // DATUM Soft: [сайт]. – 2024. – URL: <https://datum-soft.ru/projects/4098/> (дата обращения: 09.02.2026).
6. В Ростовской области применяют цифровые инструменты для земледелия. – Текст: электронный // ФГБУ «Россельхозцентр» (филиал по Ростовской области): [сайт]. – 2025. – URL: <https://rscdon.ru/79-dlya-sljajdera/1661-v-rostovskoj-oblasti-primenyayut-tsifrovye-instrumenty-dlya-zemledeliya-2> (дата обращения: 09.02.2026).
7. Цифровизация агросектора: аграрный маркетплейс Россельхозбанка «Свое Фермерство» продолжает покорять новые вершины. – Текст: электронный // Россельхозбанк: новости. – 2025. – URL: <https://www.rshb.ru/news/22012025-000002> (дата обращения: 09.02.2026).

УДК 336.67

АНАЛИЗ И ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТАКСОПАРКОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Геворгян Геворг Арсенович¹,
магистрант кафедры экономики и финансов

Лаптев Сергей Вениаминович¹,
*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и финансов,
e-mail: s.laptev@mmu.ru*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются вопросы анализа и оптимизации экономической эффективности управления таксопарком в условиях цифровой трансформации. Раскрываются теоретические аспекты оценки эффективности деятельности предприятий таксомоторных перевозок, включая систему ключевых показателей, особенности отрасли и факторы, влияющие на результативность управления. Особое внимание уделено современным цифровым технологиям – системам диспетчеризации, мобильным приложениям, GPS-мониторингу, аналитике больших данных и автоматизации учёта, – которые существенно изменяют подходы к организации перевозок и использованию ресурсов.

Ключевые слова: таксопарк, экономическая эффективность, цифровая трансформация, управление.

ANALYSIS AND RAISING OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF TAXI COMPANY MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Gevorgyan G.A.¹,
Master's student at the Department of Economics and Finance

Laptev S.V.¹,
*Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Economics and Finance,
e-mail: s.laptev@mmu.ru*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines the analysis and optimization of the economic efficiency of taxi company management in the context of digital transformation. The theoretical foundations for evaluating the performance of taxi transport enterprises are discussed, including key performance indicators, industry specifics, and factors affecting management effectiveness. Particular attention is paid to modern digital technologies – dispatching systems, mobile applications, GPS monitoring, big data analytics, and automated accounting – which significantly transform the organization of transportation services and resource utilization.

Keywords: taxi company, economic efficiency, digital transformation, management.

Цифровая трансформация охватывает все отрасли экономики, включая сферу пассажирских перевозок. Процессы автоматизации, внедрения информационных систем и использования больших данных кардинально меняют подходы к управлению автотранспортными предприятиями. Управление таксопарком в современных условиях требует применения цифровых технологий для повышения эффективности использования ресурсов, снижения издержек и улучшения качества обслуживания клиентов.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, конкуренция на рынке такси значительно возросла с появлением агрегаторов и цифровых сервисов заказа поездок. Во-вторых, потребители предъявляют повышенные требования к скорости подачи автомобиля, прозрачности стоимости и удобству оплаты. В-третьих, рост цен на топливо и увеличение затрат на содержание подвижного состава вынуждают предприятия искать новые резервы повышения эффективности. В-четвёртых, усиление государственного регулирования и требований к прозрачности деятельности стимулирует внедрение цифровых систем учёта и контроля.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении экономической эффективности управления таксопарком с учётом современных цифровых технологий, объединении традиционных методов экономического анализа с инструментами цифровой аналитики, а также формировании практических рекомендаций по оптимизации деятельности предприятий таксомоторных перевозок.

Экономическая эффективность таксопарка определяется соотношением результатов деятельности и затраченных ресурсов. В качестве результатов выступают объём оказанных услуг, выручка, прибыль, уровень удовлетворённости клиентов, а в качестве затрат – расходы на топливо, оплату труда, амортизацию, техническое обслуживание и административные издержки.

К ключевым показателям эффективности относятся:

- коэффициент использования подвижного состава;
- себестоимость перевозки;
- прибыль на единицу транспорта;
- рентабельность деятельности;
- производительность труда водителей;
- уровень загрузки автомобилей.

Отрасль таксомоторных перевозок характеризуется высокой неопределённостью спроса, индивидуализированным характером услуг и значительной долей постоянных затрат. На эффективность влияют как внутренние факторы (состав парка, квалификация персонала, организация диспетчеризации), так и внешние (конкуренция, цены на топливо, транспортная инфраструктура, регулирование отрасли).

Цифровые технологии создают новые возможности для повышения эффективности за счёт автоматизации процессов, анализа данных и повышения точности управленческих решений.

Экономическая эффективность управления таксопарком определяется системой количественных показателей, отражающих результативность использования ресурсов предприятия. В современных исследованиях подчёркивается, что цифровизация транспортной отрасли позволяет перейти от интуитивного управления к управлению на основе данных [1, с. 45].

В общем виде экономическая эффективность может быть представлена как отношение полученного эффекта к затратам:

$$E = \frac{R}{C}$$

где

E – экономическая эффективность;

R – результат деятельности (выручка, прибыль, объём услуг);

C – совокупные затраты.

Для оценки прибыльности деятельности таксопарка используется показатель рентабельности:

$$P = \frac{\Pi}{C} \times 100\%$$

где

Π – прибыль предприятия.

Одним из ключевых отраслевых показателей является коэффициент использования подвижного состава:

$$K_u = \frac{T_{\text{раб}}}{T_{\text{общ}}}$$

где

$T_{\text{раб}}$ – время выполнения заказов;

$T_{\text{общ}}$ – общее время нахождения автомобиля в распоряжении предприятия.

Исследования показывают, что рост данного коэффициента на 0,1 способен увеличить прибыльность парка на 8–12% за счёт снижения доли холостого пробега [2, с. 112].

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Факторный анализ позволяет количественно оценить влияние отдельных факторов на конечный финансовый результат. В условиях цифровой экономики основными факторами выступают загрузка транспорта, уровень тарифов, стоимость топлива и эффективность диспетчеризации [3, с. 76].

Рост себестоимости перевозок может быть вызван увеличением цен на топливо, износом транспортных средств или неэффективным распределением заказов. Использование систем мониторинга позволяет выявлять данные отклонения в реальном времени.

ОПТИМИЗАЦИЯ МАРШРУТОВ И ЗАГРУЗКИ

Современные алгоритмы маршрутизации основаны на методах кластеризации и математической оптимизации. Их применение позволяет сократить общий пробег автомобилей и время подачи транспорта [4, с. 58]. Снижение холостого пробега напрямую влияет на уменьшение затрат на топливо и износ техники.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЗАТРАТ

Структура расходов таксопарка характеризуется высокой долей переменных затрат, прежде всего топливных. По данным отраслевых исследований, топливо может составлять до 35–45% себестоимости перевозки [5, с. 91]. Автоматизированные системы контроля расхода позволяют снизить данные затраты за счёт выявления неэффективного использования ресурсов.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ

Сценарное моделирование применяется для оценки последствий управленческих решений. Например, можно рассчитать экономический эффект от увеличения числа автомобилей или внедрения новой информационной системы [6, с. 134]. Использование имитационных моделей на основе больших данных повышает точность прогнозов спроса.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровые платформы управления перевозками обеспечивают повышение прозрачности операций, снижение административных расходов и рост качества обслуживания клиентов. Внедрение таких систем рассматривается как инвестиционный проект, эффективность которого оценивается с использованием методов дисконтирования денежных потоков [7, с. 52].

Результаты расчёта показателей эффективности таксопарка

Показатель	До внедрения цифровых технологий	После внедрения	Изменение
Выручка, млн руб.	48,0	56,5	+8,5
Совокупные затраты, млн руб.	41,0	44,0	+3,0
Прибыль, млн руб.	7,0	12,5	+5,5
Рентабельность, %	17,1	28,4	+11,3
Коэффициент использования транспорта	0,52	0,68	+0,16
Холостой пробег, %	38	24	-14

Расчёты показывают, что внедрение цифровых технологий приводит к существенному росту эффективности: прибыль увеличивается на 78,6%, а коэффициент использования транспорта – на 30,8%.

Проведённый анализ подтверждает, что цифровая трансформация оказывает комплексное положительное влияние на экономическую эффективность управления таксопарком. Улучшение показателей достигается за счёт оптимизации маршрутов, повышения загрузки автомобилей, снижения холостого пробега и автоматизации управленческих процессов.

Наиболее значимыми факторами повышения эффективности являются:

- использование аналитики данных для прогнозирования спроса;
- автоматизация диспетчерского управления;
- контроль эксплуатационных расходов;
- оптимизация структуры парка и режимов работы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что инвестиции в цифровые технологии обладают высокой окупаемостью и являются необходимым условием конкурентоспособности предприятий таксомоторных перевозок в современных условиях.

Цитированная литература

1. Иванов А.В. Цифровая трансформация транспорта. – М.: Юрайт, 2024. – 312 с.
2. Петров С.П., Сидорова Н.А. Управление автотранспортными системами. – СПб.: Питер, 2023. – 368 с.
3. Козлов В.И. Экономика пассажирских перевозок. – М.: Инфра-М, 2022. – 295 с.
4. Федоров Д.В. Оптимизация транспортных маршрутов. – СПб.: Лань, 2021. – 176 с.
5. Миротин Л.Б., Таибаев Ы.Э. Логистика и управление транспортом. – М.: Инфра-М, 2023. – 340 с.
6. Семёнова О.Р. Аналитика больших данных в транспортных системах. – М.: Транспорт, 2024. – 208 с.
7. Николаева М.Н. Экономика цифровых платформ. – М.: Юрайт, 2025. – 256 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМНОМ УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Грибкова Елена Юрьевна¹,

аспирант кафедры Экономики и финансов

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается применение информационных технологий в системном управлении Мурманской областью как модель «умного региона». Анализируется переход к data-driven подходу через платформу «Наш Север», Центр управления регионом и отраслевые решения, обеспечивающие реальное время мониторинга, прозрачность и оперативное реагирование на вызовы Севера. Выявлены механизмы интеграции систем и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: цифровизация, умный регион, Мурманская область, платформа Наш Север, Центр управления регионом, data-driven управление, арктические условия, информационные технологии.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM MANAGEMENT OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION)

Gribkova E.Yu.¹,

postgraduate student of the Department of Economics and Finance

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article considers the application of information technologies in the system management of the Murmansk region as a model of a «smart region». The transition to a data-driven approach through the Our North platform, the Regional Management Center and industry solutions providing real-time monitoring, transparency and prompt response to the challenges of the North is analyzed. The mechanisms of system integration and prospects for further development are identified.

Keywords: digitalization, smart region, Murmansk region, Our North platform, Regional Management Center, data-driven management, Arctic conditions, information technology.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях ускоренной цифровизации общественных и экономических процессов способность региональных органов власти оперативно собирать, обрабатывать и анализировать разнородные данные становится определяющим фактором эффективности управления. Это особенно актуально для северных и арктических регионов России, где экстремальные погодные условия, значительная удаленность населенных пунктов и сезонные ограничения традиционных методов контроля существенно усложняют координацию деятельности и вовремя реагирование на возникающие проблемы. Мурманская область, занимающая стратегическое положение в Арктической зоне, активно реализует комплексный подход к внедрению информационных технологий, направленный на создание единой цифровой среды для государственного и муниципального управления. Актуальность темы определяется необходимостью преодоления фрагментарности цифровых решений и перехода к интегрированным платформам, которые позволяют осуществлять управление на основе данных в реальном времени, минимизировать бюрократические барьеры и повышать уровень доверия населения к власти через прозрачность и оперативность.

Научная новизна настоящего исследования заключается в системном рассмотрении опыта Мурманской области как модели формирования «умного региона» в арктических условиях. В отличие от большинства работ, фокусирующихся на отдельных отраслях цифровизации, здесь анализируется весь цикл управленческих процессов – от первичного сбора обратной связи и мониторинга исполнения до стратегического планирования и распределения ресурсов. Такой подход позволяет выявить механизмы интеграции разнородных информационных систем в единую экосистему, ориентированную на data-driven управление.

Цель исследования состоит в раскрытии механизмов и особенностей применения информационных технологий в системном управлении регионом на примере Мурманской области. Объектом исследования выступает система регионального и муниципального управления в условиях активной цифровизации, включая ключевые платформы, центры обработки данных и отраслевые цифровые решения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Методы исследования основаны на анализе научной и научно-популярной литературы, а также официальных и медийных материалов, посвященных конкретным проектам цифровизации в Мурманской области. Применен описательный подход к характеристике внедренных систем и их функциональных возможностей. Дополнительно использован сравнительный анализ влияния различных цифровых инструментов на управленческие процессы, прозрачность и оперативность реагирования. Источниковая база включает специализированные статьи о применении ИТ в региональном управлении, публикации о платформе «Наш Север» и связанных сервисах, материалы о Центре управления регионом и единой цифровой платформе, а также описания отраслевых решений в транспорте, ЖКХ, туризме и социальной сфере.

Внедрение информационных технологий в управление Мурманской областью началось с создания инструментов прямого взаимодействия с населением и постепенно сформировало многоуровневую экосистему. Центральным элементом стала платформа «Наш Север», запущенная в 2019 году первоначально как канал обратной связи. Жители получили возможность подавать обращения о проблемах, предлагать идеи развития региона, участвовать в голосованиях, отслеживать графики плановых отключений коммунальных услуг [1]. Со временем функционал платформы существенно расширился: в нее интегрировали инвестиционный портал с навигаторами мер поддержки бизнеса и инвестиционных площадок, систему мониторинга транспорта и уборки территорий, сервисы онлайн-записи к врачам, а также туристический гид murmansk.travel [2]. Платформа стала точкой сбора данных из различных источников, включая обращения граждан, сообщения в социальных сетях и СМИ, информацию по реализации национальных проектов, данные транспорта, дорожного хозяйства и ЖКХ [3].

Одним из наиболее востребованных направлений остается решение задач, связанных с содержанием территорий в суровых северных условиях. Система мониторинга уборки территорий (СМУТ), внедренная в начале 2021 года, координирует работу более 700 единиц коммунальной техники, оснащенной ГЛОНАСС-навигацией. Система автоматически формирует задания по более чем 120 видам работ, контролирует соблюдение нормативов (включая ограничение скорости техники), отслеживает исполнение в реальном времени и фиксирует результаты через фото- и видеофиксацию [2]. Для подрядчиков предусмотрено мобильное приложение, где они отмечают завершение задач с

обязательной фото-отчетностью, что исключает дублирование снимков и повышает достоверность данных [1]. Жителям доступна интерактивная карта, на которой цветом отображаются стадии уборки участков, а также возможность подать сигнал о неубранной территории с автоматическим направлением задачи ответственным службам [3]. Подобный механизм существенно повысил прозрачность процессов и сократил объем жалоб на качество уборки.

Интеграцию всех этих элементов обеспечивает Центр управления регионом (ЦУР), созданный в ноябре 2020 года в партнерстве с «Русатом Инфраструктурные решения». ЦУР функционирует как единая точка сбора и анализа разнородных данных, связывая более 20 ведомственных систем шестнадцати региональных органов власти. Он позволяет в режиме реального времени отслеживать исполнение задач, анализировать тенденции, автоматически распределять подзадачи и контролировать сроки. Особую ценность ЦУР приобрел во время экстремальных погодных событий, таких как обильные снегопады 2021 года, когда система синхронизировала плановые работы с оперативными реакциями на жалобы жителей и данные из соцсетей, обеспечивая координацию между ведомствами [3].

В транспортной сфере внедрена интеллектуальная транспортная система, формирующая цифровой двойник региональной дорожной сети. Общественный транспорт оснащен ГЛОНАСС-датчиками, данные о перемещении автобусов и троллейбусов в реальном времени передаются в популярные картографические сервисы, что упрощает планирование поездок в условиях сложной северной погоды и позволяет выявлять «узкие места» инфраструктуры для последующей оптимизации [2; 4].

Туристическая отрасль получила значительный импульс благодаря цифровому гиду *murmansk.travel*, запущенному в 2021 году [1]. Платформа объединяет каталог более 500 объектов (отели, рестораны, музеи, природные и исторические памятники), маршруты по различным видам туризма, систему бронирования услуг, отслеживание прогноза северного сияния и афишу событий. Она функционирует как полноценный маркетплейс, интегрированный с «Яндексом», «Островком» и федеральным порталом «Культура.РФ», позволяя туроператорам и гидам бесплатно размещать услуги и привлекать клиентов [2].

В здравоохранении и социальной сфере действуют автоматизированные системы записи к врачам через колл-центр с единой базой данных, что устраняет необходимость личных визитов в поликлиники и сокращает время ожидания. Многофункциональные центры используют электронную очередь, межведомственное взаимодействие через интеграцию баз данных и официальные сайты для предоставления услуг без длительных очередей. В социальной защите и пенсионном обеспечении автоматизированы процессы выплат пособий и компенсаций, обеспечивая их своевременное исполнение в соответствии с законодательством [5, с.222]. Культурные учреждения, в частности Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека, развивают электронные каталоги, базы данных, удаленный доступ к ресурсам и зоны с интернетом для пользователей.

Однако, с развитием информационных технологий, коммуникаций различного уровня растет и киберпреступность [6, с.4].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внедренные информационные технологии радикально трансформировали традиционную модель управления в Мурманской области, переводя ее на принципы data-driven подхода. Единая

цифровая платформа, интегрированная с ЦУР и платформой «Наш Север», устранила проблему «лоскутной» цифровизации, объединив разрозненные ведомственные системы в последовательную экосистему. Руководство региона получило возможность в реальном времени контролировать исполнение задач, анализировать тенденции, оперативно распределять ресурсы и принимать обоснованные решения на основе комплексных данных. Такой механизм не только повысил открытость и подотчетность власти, но и усилил вовлеченность жителей через удобные каналы обратной связи и публичный контроль за реализацией проектов [7, с.30].

Опыт Мурманской области убедительно демонстрирует переход от разрозненных цифровых инструментов к системному использованию информационных технологий в региональном управлении. Созданная экосистема, ядром которой являются платформа «Наш Север», ЦУР и единая цифровая платформа, показывает, как данные превращаются в основу для принятия решений, оперативного контроля и стратегического планирования. Этот подход эффективно решает локальные вызовы, связанные с арктическим климатом и географической удаленностью, и закладывает фундамент для дальнейшего развития «умного региона». Перспективы связаны с углублением интеграции на муниципальном уровне, расширением применения искусственного интеллекта для анализа данных и прогнозирования, а также созданием регионального центра обработки данных, что в совокупности способно существенно повысить общую эффективность управления в арктических условиях.

Цитированная литература

1. Как проходит цифровизация Севера России и что может перенять Юг? – URL: https://gorodn.ru/razdel/obshchestvo_free/otdykh/kak-prokhorit-tsifrovizatsiya-severa-rossii-i-chto-mozhet-perenyat-yug/ (дата обращения: 14.02.2026).
2. Цифра приходит в Арктику – как в Мурманской области внедряют «умные» технологии – URL: <https://fedpress.ru/article/2901276> (дата обращения: 14.02.2026).
3. «Умный регион» в Заполярье: как управлять областью на основе данных – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/608018be9a79472938598fff?from=copy> (дата обращения: 14.02.2026).
4. Итоги работ по внедрению интеллектуальных транспортных систем – URL: <https://it.gov-murman.ru/news/476304/> (дата обращения: 14.02.2026).
5. Храмов, И.А., Фофанова А.Ю. Применение информационных технологий на примере организации управления в мурманской области // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnyh-tehnologiy-na-primere-organizatsii-upravleniya-v-murmanskoy-oblasti> (дата обращения: 14.02.2026).
6. Серафимов, М.М. Информационные технологии в муниципальном управлении / М.М. Серафимов, Е.Н. Соломаха, С.В. Водопьянов // Социально-экономические процессы современного общества : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 20 августа 2021 года / Под редакцией Э.В. Фомина. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 45-48. – DOI 10.31483/r-99324. – EDN MTJTV.
7. Укладчикова, М.С. Роль современных информационных технологий в системе муниципального управления / М.С. Укладчикова // Студенческий вестник. – 2022. – № 33-3(225). – С. 29-31. – EDN FNBVTN.

УДК 338.2: 657.3

**ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ
В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Коршунов Александр Александрович¹,
аспирант кафедры «Экономика и финансы»,
e-mail: aakorshunov@yandex.ru

Ложкина Светлана Леонидовна¹,
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и финансы»,
e-mail: sl04@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается роль цифровой зрелости в обеспечении устойчивого развития предприятий в условиях «новой реальности» российской экономики, характеризующейся геополитической нестабильностью, реконфигурацией рынков и внутренними экономическими вызовами. Обосновывается необходимость цифровой трансформации для адаптации к новым условиям и поддержания конкурентоспособности. Определяются ключевые компоненты цифровой зрелости и анализируется их влияние на оптимизацию процессов, повышение эффективности и развитие инноваций на предприятиях. На основе анализа данных и экспертных оценок показана роль цифровой зрелости в обеспечении устойчивости предприятий в условиях современной экономической нестабильности.

Ключевые слова: цифровая зрелость, цифровая трансформация, устойчивое развитие, «новая реальность», российская экономика, конкурентоспособность, цифровизация, технологии, оптимизация, инновации, бизнес-процессы, эффективность.

**DIGITAL MATURITY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF AN ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF THE «NEW REALITY»
OF THE RUSSIAN ECONOMY**

Korshunov A.A.¹,
graduate student of the Department of Economics and Finance,
e-mail: aakorshunov@yandex.ru

Lozhkina S.L.¹,
Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Finance,
e-mail: sl04@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

This article examines the role of digital maturity in ensuring sustainable enterprise development in the context of the «new reality» of the Russian economy, characterized by geopolitical instability, market reconfiguration, and internal economic challenges. It substantiates the need for digital transformation to adapt to new conditions and maintain competitiveness. Key components of digital maturity are identified and their impact on process optimization, increased efficiency, and the development of innovation within enterprises is analyzed. Based on data analysis and expert assessments, the role of digital maturity in ensuring enterprise resilience in the context of current economic instability is demonstrated.

Keywords: Digital maturity, digital transformation, sustainable development, «new reality», Russian economy, competitiveness, digitalization, technology, optimization, innovation, business processes, efficiency.

В современной, быстро меняющейся экономической среде, цифровая трансформация перестала быть просто трендом и превратилась в насущную необходимость для обеспечения конкурентоспособности и экономического успеха предприятий, отраслей и регионов. В условиях «новой реальности», характеризующейся геополитической напряженностью, реконфигурацией мировой торговли, санкционными ограничениями, и внутренними вызовами, связанными с проинфляционным давлением, высокой ключевой ставкой и дефицитом кадров, предприятиям необходимо уметь максимально эффективно использовать свои ресурсы, иметь высокий уровень производительности труда, быть гибкими и адаптивными. Именно уровень цифровой зрелости и проведение цифровой трансформации становятся ключевыми факторами устойчивого развития и необходимыми условиями конкурентоспособности предприятий в России [1].

Цифровая трансформация – это не просто автоматизация существующих процессов и внедрение новых технологий. Это коренное изменение подходов к управлению компанией, взаимодействию с контрагентами и созданию добавленной стоимости. Она охватывает все аспекты деятельности организации, от разработки и создания продукта до выстраивания отношений с клиентами [2].

В условиях современных внешних экономических вызовов, таких как замедление темпов роста мировой экономики, реконфигурация мировой торговли, санкционные ограничения, сложности в трансграничных расчетах, закрытие традиционных рынков сбыта, недоступность технологий и нарушение цепочек поставок, и внутренних экономических вызовов, таких как проинфляционное давление, высокая ключевая ставка, дефицит кадров, трансформация потребительского поведения и сжатие инвестиционного спроса, цифровая трансформация позволяет компаниям более гибко реагировать на изменения, находить новые источники роста и оптимизировать издержки. Она становится средством адаптации к новым условиям и обеспечения устойчивого развития [3]. Под устойчивостью мы можем понимать способность компании сохранять эффективность, конкурентоспособность и потенциал развития в условиях внешних и внутренних изменений, кризисов и неопределённости [4]. Она отражает не только финансовую стабильность, но и адаптивность, инновационность и способность к долгосрочному развитию.

Цифровизация – это комплексное понятие, которое включает в себя внедрение цифровых решений по всей цепочке создания добавленной стоимости и создание новых цифровых продуктов и бизнес-моделей [5]. Первый аспект позволяет повышать внутреннюю бизнес-эффективность, оптимизировать бизнес-процессы и находить новые точки роста. Второй – открывает новые горизонты для компаний. Появляются новые для организации, в первую очередь цифровые, продукты и бизнес-направления. Например, цифровой продукт, разработанный внутри компании для собственных нужд, может быть выведен на широкий рынок в качестве самостоятельного продукта.

Цифровая зрелость – это уровень готовности предприятия использовать цифровые технологии и данные для достижения стратегических целей, повышения эффективности и адаптивности. Она отражает способность компании интегрировать цифровые решения во все аспекты своей деятельности, создавая новые возможности для развития и роста.

В отличие от просто внедрения отдельных цифровых инструментов, цифровая трансформация предполагает комплексный подход и глубокое понимание того, как цифровые технологии могут быть использованы для улучшения бизнеса. Она также предполагает наличие у компании необходимых цифровых компетенций и культуры инноваций [6].

Основными индикаторами деятельности промышленных предприятий, влияющими на эффективность внедрения цифрового инструментария, являются средние значения социально-экономических показателей (рис.).

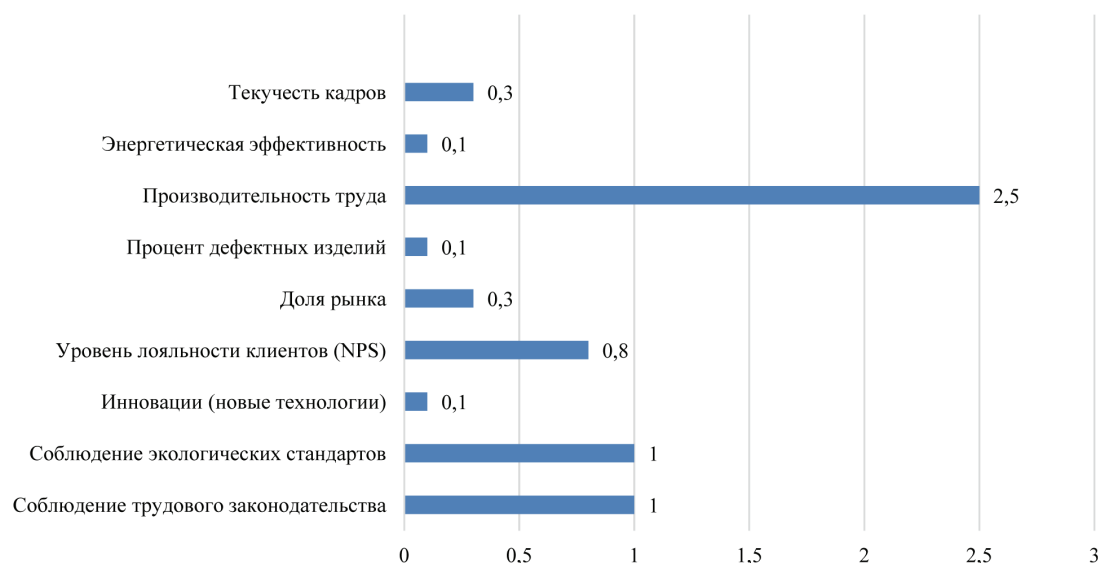

Рис. Средние значения социально-экономических показателей для промышленного сектора

Как видно из рисунка, цифровизация промышленных предприятий является необходимым условием формирования социально-ориентированного производства, ставящего во главу угла не просто получение прибыли, но и достижение общественно-полезных ориентиров.

Цифровая зрелость состоит из нескольких ключевых компонентов, каждый из которых играет важную роль в обеспечении устойчивого развития предприятия:

Стратегия и руководство. Наличие четкой цифровой стратегии, интегрированной в общую бизнес-стратегию компании, имеет решающее значение. Руководство должно поддерживать цифровые инициативы и создавать условия для их успешной реализации. Так как подавляющее большинство цифровых трансформаций происходит «сверху-вниз», то именно приверженность менеджмента цифровым инициативам обеспечивает успех цифровой трансформации, и как следствие, повышение уровня цифровой зрелости [1].

Люди, компетенции и культура. Успешная цифровая трансформация требует наличия квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями, а также желанием обучаться и развивать эти компетенции. Важно также создание корпоративной культуры, поддерживающей инновации и эксперименты, и непрерывное развитие, обучение персонала новым цифровым навыкам.

Инфраструктура, технологии и инновации. Наличие современной и надежной ИТ-инфраструктуры, а также готовность к внедрению новых технологий и инноваций, являются необходимыми условиями для достижения цифровой зрелости [7].

Данные и аналитика. Цифровая зрелость предполагает умение собирать, анализировать и использовать данные для принятия обоснованных управленческих решений.

Процессы. Необходимо оптимизировать бизнес-процессы с учетом возможностей цифровых технологий. При этом очень важно проводить сквозную цифровизацию как можно большего количества смежных взаимозависимых бизнес-процессов.

Цифровая устойчивость. Способность предприятия не только внедрять цифровые технологии, но и адаптироваться к изменениям в цифровой среде, быть устойчивыми к внешним шокам, связанными с доступом к технологиям и провайдером ИТ услуг и сервисов, а также обеспечивать безопасность и конфиденциальность данных.

Цифровая зрелость и внедрение передовых технологий оказывают существенное влияние на устойчивое развитие предприятия в условиях «новой реальности». При этом важно отметить, что в рамках цифровых переходов необходимо сохранять фокус на бизнес-целях компании, так как «цифровизация ради цифровизации» не принесет желаемых долгосрочных экономических результатов [5].

Можно выделить следующие ключевые области, где влияние комплексной цифровой трансформации, вписанной в долгосрочную стратегию компании, особенно заметно:

Принятие решений на основе данных, а не интуиции. Высокий уровень цифровой зрелости подразумевает оцифровку всех важных бизнес-данных, что, в свою очередь, позволяет компаниям принимать более обоснованные решения, опираясь на анализ больших данных и прогнозирование.

Оптимизация бизнес-процессов. Современные цифровые технологии позволяют оцифровывать большинство бизнес-процессов предприятий, что в свою очередь позитивно сказывается на оптимальном использовании ресурсов, позволяет сократить издержки и повысить эффективность операционной деятельности и производства, в том числе за счет единства цифровой среды предприятия и бесшовного обмена данными [8].

Оптимизация цепочек поставок. Оцифровка цепочек поставок повышает их прозрачность и управляемость, что в свою очередь позитивно сказывается на их устойчивости к сбоям.

Динамическое ценообразование. Использование больших данных и систем предиктивной аналитики позволяет компаниям динамически корректировать цены в моменте в зависимости от множества факторов рынка и потребительского поведения, тем самым максимизируя прибыль.

Повышение производительности и снижение себестоимости. Очень важным фактором эффективности работы любого предприятия является производительность труда. В условиях дефицита кадров и роста расходов на оплату труда, автоматизация и роботизация позволяют не только повысить производительность труда и снизить себестоимость продукции, но и повысить качество производственных операций, что дает ощутимый эффект, например, на предприятиях с большим конвейерным производством или сложными технологическими процессами.

Улучшенное прогнозирование спроса и предложения. Использование больших данных и систем их аналитики позволяет более точно прогнозировать спрос, предложение и другие рыночные факторы, что в свою очередь позволяет оптимально выстраивать план производства и сбыта продуктов и услуг.

Повышение точности при планировании и реализации контрольных процедур. Цифровой вид всей информации о деятельности хозяйствующего субъекта позволяет компаниям, а также применение аналитического инструментария, позволяет менеджменту высшего и среднего звена организаций проводить эффективное планирование хозяйственных процессов на среднесрочную и долгосрочную перспективы, что способствует повышению эффективности бизнеса в целом.

Развитие инновационного инструментария и передовых разработок во многом определяется современными достижениями в области цифровых продуктов [9].

Организационная структура имеет тенденцию к росту устойчивости подконтрольных бизнес-цепочек. Использование и реализация на практике цифровых решений повышает гибкость между

организационными связями в компании, что позволяет реализовать на практике более эффективные процедуры реагирования на проблемы в бизнес-среде.

Совершенствование работы с клиентами (обратная связь), проведение анализа потребительских предпочтений и своевременное реагирование на изменение потребительского спроса [10].

Оптимизационные процессы по моделированию финансовых ситуаций. Цифровые инструменты позволяют создавать более точные и детализированные финансовые модели, что помогает принимать более обоснованные инвестиционные решения. Это особенно полезно в условиях сжатия инвестиционного спроса.

Быстрое тестирование гипотез и MVP продуктов. Цифровые платформы, в частности цифровые двойники продуктов, предприятий и т.д., позволяют быстро тестировать новые гипотезы и бизнес-идеи, и создавать MVP (Minimum Viable Product), сокращая время вывода продуктов на рынок. В целом, цифровизация позволяет компаниям быстрее реагировать на рыночные изменения и выводить новые решения на рынок [11].

Некоторые из указанных эффектов можно проиллюстрировать следующими примерами:

- по данным исследования «Яков и Партнеры» 2025 года, диджитализация оказывает значительное влияние на эффективность бизнеса. Большинство компаний потребительского сектора получают эффект около 2% роста EBITDA, беспилотные грузоперевозки уменьшают расходы на логистику на 10%-40%, роботизация складов на 60% сокращает расходы на выполнение заказа, а цифровизация магазина на 15-20% уменьшает операционные расходы [5];

- по итогам 2023 года финансовый эффект от внедрения ИИ в «Сбере» составил порядка 350 млрд рублей [12]. Почти 30 млрд рублей составил эффект от внедрения «GigaChat» в процессы «Сбера» по итогам 1-го полугодия 2025 [13];

- благодаря только роботизации «Альфа-Банк» сэкономил около 300 млн рублей в 2021 году;

- первый этап цифровой трансформации «ВТБ» принёс банку дополнительные 305 млрд рублей;

- в 2020 году инструменты интегрированного моделирования дали ПАО «Лукойл» совокупный эффект 3 млрд рублей на EBITDA [14];

- оценка экономического эффекта от цифровизации для «Сибура» за 2024 год составила порядка 6,5 млрд рублей;

- экономический эффект от использования ИИ в «Норникеле» на 2023 год составил порядка 100 млн долларов США [15];

- для ПАО «ММК» экономический эффект от применения передовых ИТ-решений составил 6,6 млрд рублей за 5 лет [16].

Рассмотренные выше примеры позволяют заключить, что процессы диджитализации производства позволяют современным организациям значительно улучшить финансовый результат.

В современных условиях хозяйствования, отличающихся высокой волатильностью бизнеса, развитие и реализация на практике результатов цифровых разработок, является для современных компаний фактором потенциального успеха в бизнесе. Организации, которые успешно генерируют и внедряют в практическую деятельность достижения современных цифровых разработок и технологий во много преуспевают в бизнесе по сравнению с конкурентной средой. Отсутствие в организациях технологических возможностей, а также неготовность персонала к реализации передовых достижений и инноваций могут являться источником снижения экономической эффективности работы компании в целом [17].

В этой связи, можно заключить, что инвестиции в развитие и внедрение передовых достижений и высокотехнологичных разработок является для современных компаний инвестициями в будущее благополучие фирмы.

Цитированная литература

1. Гилева, Т.А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления/ Т.А. Гилева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2023. – № 1(27). – С. 38-52
2. Шкарупета, Е.В. Практические аспекты оценки цифровой зрелости промышленных предприятий в условиях пилотирования инноваций в цифровых сервисах ГИСП / Е.В. Шкарупета // Информатизация в цифровой экономике. – 2023. – № 1. – С. 9-22.
3. Ложкина, С.Л. Влияние цифровой трансформации на динамику социально-экономических показателей предприятий промышленного сектора / С. Л. Ложкина, Е. В. Новикова, И. Е. Ноздрева // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 3(68). – С. 270-274. – EDN LRYWCU.
4. Ложкина, С.Л. Моделирование целевых ориентиров устойчивости компании в условиях реализации концепции устойчивого развития / С. Л. Ложкина, А. А. Новиков, П. А. Мокрушин // Экономические и гуманитарные науки. – 2024. – № 2(385). – С. 68-79.
5. Цифровизация ритейла и CPG: Как лидеры конвертируют цифровую трансформацию в прибыль? [Электронный ресурс] – URL: <https://yakovpartners.ru/publications/digital-retail/> (дата обращения: 10.11.2025).
6. Мерзлов, И.Ю. Методы оценки цифровой зрелости: обзор международной практики/ И.Ю. Мерзлов // Креативная экономика. – 2022. – № 2. – С. 503-520.
7. Абдрахманова, Г.И., Цифровая трансформация: ожидания и реальность/ Г. И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 221 с.
8. Чурсин, А.А. Развитие методов оценки цифровой зрелости организации с учетом регионального аспекта/ А.А. Чурсин, Т.В. Кокуйцева // Экономика региона. – 2022 – Т. 18 – С. 450-463.
9. Кузин, Д.В. Проблемы цифровой зрелости в современном бизнесе/ Д. В. Кузин // Мир новой экономики. – 2023 – № 13(3) – С. 89-99.
10. Балахонова, И.В. Оценка цифровой зрелости как первый шаг цифровой трансформации процессов промышленного предприятия/ И. В. Балахонова. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2021. – 276 с.
11. Кричевский, М.Л. Оценка цифровой зрелости предприятия/ М.Л. Кричевский // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2545-2560.
12. Сокращенные результаты МСФО 2023 года. [Электронный ресурс] – URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/ifrs__2023 (дата обращения 11.11.2025).
13. Финансовый эффект для «Сбера» от внедрения ИИ в 1 полугодии составил 30 млрд рублей. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/> (дата обращения: 11.11.2025)
14. Николаева, Е.В. Особенности операционной и инфраструктурной трансформации корпораций нефтяного и газового сектора России / Е.В. Николаева // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 181–192.
15. Эффект на \$100 млн: зачем металлургии искусственный интеллект. [Электронный ресурс] – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/674706069a7947015ec28106> (дата обращения: 28.11.2025)
16. За 5 лет экономический эффект от цифровизации на ММК составил 6,6 млрд рублей. [Электронный ресурс] – URL: <https://mmk.ru/ru/press-center/> (дата обращения: 01.11.2025)
17. Хоролец, Н.А. Обзор методик, используемых для оценки уровня цифровой зрелости коммерческих предприятий, на примере банковской отрасли/ Н. А. Хоролец // Молодой ученый. – 2022. – № 5 (400). – С. 136-141.

ИВЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В МЕДИАКОМПАНИЯХ

Котельников Даниил Константинович¹,

*студент 2 курса магистратуры кафедры менеджмента,
e-mail: wavydoit@yandex.ru*

Кожина Вероника Олеговна¹,

*кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента,
e-mail: vero_ko@mail.ru*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В настоящее время медиаиндустрия представляет собой динамично развивающуюся, высокотехнологичную отрасль креативной экономики, активно внедряющую прорывные научные и инженерные разработки в сфере цифровых информационно-коммуникационных технологий. Это объясняет растущий научный интерес к медиакомпаниям и их возрастающую актуальность. Статья исследует роль событийного маркетинга в системе маркетинговых коммуникаций современных медиакомпаний. Анализируются механизмы вовлечения аудитории через организацию мероприятий, специфика бренд-медиа как инструмента продвижения, типология форматов событий в медиаиндустрии. Представлены результаты анализа контент-маркетинговых стратегий российских медиакомпаний в условиях цифровой трансформации коммуникационного пространства.

Ключевые слова: отрасль, медиаиндустрия, ивент-менеджмент, маркетинговые коммуникации, медиакомпания, бренд-медиа, контент-маркетинг, цифровые медиа.

EVENT MANAGEMENT AS A TOOL OF MARKETING COMMUNICATIONS IN MEDIA COMPANIES

Kotelnikov D.K.¹,

*2nd year student of the Master's degree of the Department of Management,
e-mail: wavydoit@yandex.ru*

Kozhina V.O.¹,

*Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Management,
e-mail: vero_ko@mail.ru*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

Currently, the media industry is a dynamically developing, high-tech sector of the creative economy that actively implements breakthrough scientific and engineering developments in the field of digital information and communication technologies. This explains the growing scientific interest in media companies and their increasing relevance. The article examines the role of event marketing in the marketing communications system of modern media companies. The mechanisms of audience engagement through event organization, the specifics of brand media as a promotion tool, and the typology of event formats in the media industry are analyzed. The results of analyzing content marketing strategies of Russian media companies in the context of digital transformation of the communication space are presented.

Keywords: media industry, event management, event marketing, marketing communications, media companies, brand media, audience engagement, content marketing, digital media.

Медиаиндустрия – отрасль экономики, которая охватывает сбор, производство, распространение и хранение медиаконтента. Сегодня эта отрасль переживает масштабную цифровую трансформацию, она выступает ключевым двигателем цифровой экономики, оказывая глубокое воздействие на все стороны жизни человека и общества. Ключевыми чертами медиаиндустрии, по мнению экспертов, являются ее непрерывные изменения, вызванные глобальными экономическими и технологическими процессами. Это приводит к появлению новых форматов производства, цифрового контента, инновационных бизнес-моделей, интерактивных платформ и сервисов, а также новые методы распространения контента и цифровые сообщества пользователей.

Трансформация современной медиаиндустрии характеризуется радикальными изменениями в моделях взаимодействия с аудиторией. Цифровизация коммуникационных каналов и фрагментация внимания потребителей медиаконтента обуславливают необходимость поиска альтернативных способов установления долгосрочных отношений с целевыми группами. В условиях информационной перегруженности, когда средний пользователь ежедневно сталкивается с тысячами рекламных сообщений, традиционные инструменты продвижения демонстрируют снижение эффективности. Ивент-менеджмент как инструмент маркетинговых коммуникаций приобретает стратегическое значение для медиакомпаний, предоставляя возможность создания непосредственного опыта взаимодействия с брендом и формирования устойчивых эмоциональных связей с аудиторией. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью систематизации практик применения событийного маркетинга в медиасфере и выявления специфических механизмов, обеспечивающих результативность мероприятий как коммуникационного инструмента.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе интеграции событийного маркетинга в систему маркетинговых коммуникаций медиакомпаний с учетом особенностей функционирования медиаотрасли, бренд-медиа и трансформации цифровых платформ. Целью исследования является определение роли и функциональных особенностей ивент-менеджмента в маркетинговых коммуникациях медиакомпаний в современных условиях. Объектом исследования выступают маркетинговые коммуникации медиакомпаний, предметом – практики применения инструментов событийного маркетинга в медиаиндустрии.

Теоретический базис исследования формируется концепцией событийного маркетинга как специфической формы интегрированных маркетинговых коммуникаций, ориентированной на создание запоминающегося опыта взаимодействия и установление долгосрочных отношений с потребителями. Организация мероприятий в организациях различных отраслей и сфер деятельности демонстрирует комплексный подход к событийному маркетингу, при котором каждое событие интегрируется в долгосрочную стратегическую программу развития организации и способствует укреплению связей с заинтересованными сторонами [1, с. 2519]. Фундаментальное отличие событийного маркетинга от иных инструментов продвижения состоит в создании погружающего опыта, трансформирующего пассивных получателей информации в активных участников коммуникационного процесса. Специфика применения ивент-менеджмента в медиакомпаниях детерминирована дуальной природой медиабизнеса, где организация одновременно функционирует как производитель контента и коммуникационная платформа для продвижения других брендов [2, с. 15].

Методологическая основа исследования включает систематический анализ научной литературы по проблематике событийного маркетинга и медиакоммуникаций, контент-анализ стратегий продвижения российских медиакомпаний в цифровых социальных сетях, типологический анализ форматов

мероприятий, применяемых в медиаиндустрии. Исследование базируется на междисциплинарной методологической рамке, интегрирующей инструментарий маркетинга, медиаэкономики и теории коммуникации. Систематизация эмпирического материала проводилась посредством изучения практик крупнейших российских медиахолдингов и независимых медиапроектов, активно использующих инструменты событийного маркетинга в период 2024-2025 годов. Концептуальная модель событийного маркетинга рассматривает его как систематическую деятельность по формированию платформы для диалога между брендом и аудиторией, где мероприятие выступает медиатором смыслов и ценностей организации [3, с. 52]. Современная научная парадигма определяет событийный маркетинг как коммуникацию, ориентированную на вовлечение, где создание эмоционального и когнитивного опыта участников становится центральной задачей организаторов [4, с. 165].

Прежде чем переходить к анализу событийного маркетинга и медиакоммуникаций, необходимо оценить тенденции развития отрасли.

Оценивая рынок событийной индустрии, можно отметить, что он демонстрирует стабильный рост и диверсификацию последние пять лет (табл.).

Таблица

Основные показатели событийной индустрии РФ [11]

Год	Объем рынка, млрд руб.	Динамика объема рынка, %	Кол-во компаний, ед.	Динамика кол-ва компаний, %	Компании, ушедшие с рынка, ед.
2018	187,4		2153		-
2019	212,8	14	2593	20	-
2020	132,2	-38	2760	6	131
2021	187,8	42	2964	7	165
2022	204,8	9	3272	10	173
2023	268,7	31	3560	9	172
2024	376,7	40	3618	2	173

По данным ВНИЦ R&C [11] объем рынка ивент индустрии в России составил 376,7 млрд. руб., что на 40 % больше предыдущего года при этом отмечается и небольшой рост количества компаний – участников рынка. Это объясняется увеличением количества мероприятий событийного характера, развитие региональных рынков и внутреннего делового туризма. При этом на рынке активно работает 3618 компаний, преимущественно микро– и малых предприятий.

Структура событийного рынка по регионам представлена на рис.

Анализ российского событийного рынка показывает, что Москва и Московская область традиционно занимают доминирующее положение, аккумулируя около 50% его доли по количеству компаний и 78% по объему выручки. Это обусловлено сочетанием высокой деловой активности и успешным продвижением региона на международный рынок. Вторая по величине доля рынка приходится на регионы, входящие в топ-10 по уровню событийного потенциала. Эти регионы демонстрируют высокие результаты по всем ключевым показателям развития ивент-индустрии: от инфраструктуры и опыта проведения мероприятий до продвижения, поддержки со стороны региональных властей, туристической привлекательности и транспортной доступности. Оставшиеся 72 региона России в сумме имеют незначительную долю рынка, составляя всего 21% по количеству компаний и всего 3% по обороту.

Рис. Распределение количества компаний и объема их выручки по регионам РФ, % [11]

Ивент индустрия в настоящее время характеризуется множеством направлений, различающихся между собой как масштабом, так и спецификой.

Типологическая классификация форматов мероприятий событийного маркетинга в медиаиндустрии характеризуется существенным разнообразием, при этом каждый формат предназначен для решения специфических коммуникационных задач. Современные исследования выделяют категории событий в зависимости от целевых установок, масштаба реализации и степени интеграции с основной деятельностью медиакомпаний. Анализ контент-маркетинговых стратегий российских бренд-медиа в социальных сетях демонстрирует фокусирование на создании и вовлекающего нарратива, который находит логическое продолжение в организации тематических событий, включая конференции, образовательные семинары и сетевые мероприятия профессионального характера [5, с. 67]. Для медиакомпаний критическое значение приобретают форматы, позволяющие демонстрировать экспертную компетенцию и формировать профессиональные сообщества вокруг медиабренда. К таким форматам относятся отраслевые конференции, где медиакомпания организует дискуссионные площадки для обсуждения актуальных трендов индустрии, образовательные программы и практические семинары, транслирующие компетенции редакции, профессиональные премии и рейтинги, формирующие отраслевую повестку, а также нетворкинг-мероприятия, создающие горизонтальные связи между представителями индустрии.

Интеграция событийного маркетинга в систему маркетинговых коммуникаций требует стратегического подхода, учитывающего специфику различных каналов взаимодействия с аудиторией. Современная парадигма маркетинговых коммуникаций рассматривает мероприятия как элементы комплексной коммуникационной стратегии, где каждое событие генерирует контентные поводы для продвижения через традиционные и цифровые медиаканалы [6, с. 178]. Для медиакомпаний данная интеграция приобретает особое значение, поскольку они располагают собственными каналами распространения контента и могут создавать синергетический эффект между событийными и медийными активностями. Организация мероприятия трансформируется в источник эксклюзивного контента, включающего интервью с участниками, видеозаписи дискуссионных панелей, аналитические материалы с ключевыми выводами, который впоследствии распространяется через различные платформы, продлевая жизненный цикл события и расширяя охват аудитории значительно за пределы физических участников.

Механизмы вовлечения аудитории посредством событийного маркетинга основываются на создании коммуникации, ориентированной на активное участие, где мероприятие проектируется

не как односторонняя трансляция информации, а как интерактивная платформа для совместного создания смыслов. Концептуальная модель вовлечения через события предполагает, что участие в мероприятии инициирует последовательность психологических процессов от когнитивного вовлечения через эмоциональное переживание к поведенческим реакциям и формированию устойчивых установок по отношению к бренду. Исследования иммерсивного характера фестивальных форматов демонстрируют, что погружение участников в специально созданную среду способствует формированию сильной идентификации с брендом и создает долговременные следы в памяти, которые в последующем влияют на медиапредпочтения аудитории [7, с. 42]. Для медиакомпаний критически важным становится создание такого событийного опыта, который резонирует с ценностной системой аудитории и усиливает восприятие бренда как значимого участника информационного пространства. Прагматика контента в бренд-медиа определяет специфические требования к событийным форматам, используемым медиакомпаниями, поскольку контент должен обладать высокой ценностью для аудитории независимо от связи с коммерческими продуктами компании [8, с. 156].

Эмпирические исследования демонстрируют, что мероприятия, организуемые медиакомпаниями в рамках стратегии бренд-медиа, должны в первую очередь решать задачу создания полезного и релевантного опыта для участников, в то время как промоциональные цели реализуются опосредованно через формирование ассоциативных связей. Наиболее эффективными оказываются события, где компания выступает не организатором презентационного мероприятия, а куратором профессиональной дискуссии, фасилитатором обмена экспертизой между участниками. Подобный подход позволяет избежать отторжения аудиторией откровенно рекламных форматов и одновременно создать прочную ассоциацию между брендом медиакомпания и качественной информационной средой. Анализ практик применения событийного маркетинга показывает, что использование мероприятий для построения брендов основывается на создании опыта взаимодействия, который выходит за рамки традиционной рекламной коммуникации и формирует эмоциональную связь между участниками и организацией [9, с. 53].

Организация событийного маркетинга в медиакомпаниях предполагает использование специфических компетенций, которыми обладают организации данного сектора. Медиакомпании располагают существенным конкурентным преимуществом в создании событий благодаря накопленной экспертизе в работе с контентом, пониманию механизмов привлечения и удержания внимания аудитории, развитым навыкам нарративного построения материалов. Данные компетенции позволяют создавать мероприятия с высоким уровнем драматургической проработки, где каждый элемент от визуального оформления пространства до последовательности выступлений работает на создание цельного повествования. Типологический анализ мероприятий событийного маркетинга в продвижении инновационных проектов выявляет несколько ключевых категорий в зависимости от целевых установок, масштаба реализации и степени интеграции с основной деятельностью организации [10]. Для медиакомпаний стратегическими целями организации событий выступают укрепление позиций интеллектуального лидерства в индустрии, расширение профессиональной сети контактов, привлечение талантливых авторов и журналистов, формирование лояльного сообщества вокруг медиабренда.

Цифровая трансформация событийного маркетинга открывает качественно новые возможности для медиакомпаний по созданию гибридных форматов, объединяющих преимущества

физического присутствия и виртуального взаимодействия. Развитие технологий потокового вещания, интерактивных платформ и виртуальной реальности позволяет существенно расширить охват мероприятий и создать многоуровневый опыт для различных сегментов аудитории. Интеграция событийного маркетинга с цифровыми урбанистическими платформами демонстрирует потенциал использования городской инфраструктуры для создания масштабных событий, которые одновременно служат инструментом продвижения и формируют позитивный имидж территории. Для медиакомпаний, работающих на региональных рынках, подобные форматы открывают возможности позиционирования в качестве активных участников развития локального сообщества и создания событий, которые интегрируются в городскую идентичность. Дуальность природы медиабизнеса создает уникальные возможности для синергии контентных и событийных форматов, позволяя медиакомпаниям использовать собственные информационные ресурсы для промоции мероприятий и трансформировать события в контент для распространения через медиаканалы.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что ивент-менеджмент представляет стратегически значимый инструмент маркетинговых коммуникаций медиакомпаний, обеспечивающий создание уникального опыта взаимодействия с аудиторией и формирование устойчивой эмоциональной связи с брендом. Специфика применения событийного маркетинга в медиаиндустрии детерминирована возможностью синергии между контентными и событийными форматами, когда мероприятия трансформируются в источник эксклюзивного контента, а медиаканалы обеспечивают продвижение событий и расширение их аудитории. Эффективность событийных коммуникаций в медиасфере обусловлена способностью создавать опыт, ориентированный на вовлечение, трансформирующий пассивных потребителей контента в активных участников профессионального сообщества вокруг медиабренда. Интеграция событийного маркетинга в стратегию бренд-медиа требует соблюдения баланса между коммерческими целями и созданием подлинной ценности для аудитории, что достигается посредством фокусирования на экспертном контенте и фасилитации профессионального диалога. Цифровая трансформация открывает перспективы развития медиаотрасли, и в ее рамках гибридных форматов мероприятий, позволяющих медиакомпаниям расширять географию присутствия и создавать многоуровневый опыт для различных сегментов аудитории, что обуславливает возрастающую роль событийного маркетинга в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций медиаиндустрии.

Цитированная литература

1. *Светник, Н.В.* Организация событийного маркетинга в вузе / Н.В. Светник // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 6. – С. 2515–2532. – ISSN 1994-6929. – DOI: 10.18334/ce.16.6.114862.
2. *Нигматуллина, К.Р.* Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики / К.Р. Нигматуллина, Н.А. Павлушкина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 3–27. – ISSN 0320-8079. – DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.327.
3. *Красовская, Н.В.* Событийный маркетинг : учебное пособие для вузов / Н.В. Красовская. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2022. – 127 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12592-4.
4. *Setiawan, R.* Defining Event Marketing as Engagement-Driven Marketing Communication / R. Setiawan, D. Wibisono, M. S. Purwanegara // Gadjah Mada International Journal of Business. – 2022. – Vol. 24, No. 2. – P. 151–177. – ISSN 1411-1128. – DOI: 10.22146/gamaijb.63788.
5. *Аргылов, Н.А.* Контент-маркетинговые стратегии российских бренд-медиа в социальных сетях (по материалам Телеграм-каналов) / Н.А. Аргылов, М.С. Лаврищева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 2 (48). – С. 58–74. – ISSN 2070-0695. – DOI: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-58-74.

6. *Григорян, Е.С.* Маркетинговые коммуникации : учебник / Е.С. Григорян. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 294 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – ISBN 978-5-16-014741-3. – DOI: 10.12737/1002563.
7. *Iversen, N.M.* The Role of Immersive Festival Experiences, Identity, and Memory in Cultural Heritage Tourism / N.M. Iversen, C. Foley, L.E. Hem // *Event Management*. – 2023. – Vol. 27, No. 1. – P. 33–50. – ISSN 1525-9951. – DOI: 10.3727/152599522X16419948694847.
8. *Нигматуллина, К.Р.* Прагматика контента в бренд-медиа / К.Р. Нигматуллина, Н.А. Павлушкина, А.М. Сметанина // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2024. – Т. 49, № 3. – С. 144–165. – ISSN 0320-8079. – DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.144165.
9. *Altschwager, T.* Event Engagement: Using Event Experiences to Build Brands / T. Altschwager, J. Conduit, I.O. Karpen, S. Goodman // *Australasian Marketing Journal*. – 2024. – Vol. 32, No. 1. – P. 46–58. – ISSN 1441-3582. – DOI: 10.1177/14413582221127317.
10. *Попов, Е.В.* Типология мероприятий событийного маркетинга в продвижении проектов умного города / Е.В. Попов, К.А. Семячков, П.О. Краева // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2024. – № 6. – ISSN 1028-5849.
11. Событийная индустрия России: итоги 2024года//ВНИЦ R&C https://static.rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytinaya_industria_itogi_2024.pdf

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИЕЙ РАДИОЭФИРА И СОБЫТИЙНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МЕДИАБРЕНДА В РОССИИ

Котельников Даниил Константинович¹,

*студент 2 курса магистратуры кафедры менеджмента,
e-mail: wavydoit@yandex.ru*

Кожина Вероника Олеговна¹,

*кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента,
e-mail: vero_ko@mail.ru*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Современная медиаотрасль является драйвером экономического роста страны и благосостояния ее граждан за счет базовых каналов влияния. Ключевым аспектом маркетинга в медиаотрасли является медиабренд. Статья посвящена исследованию механизмов интеграции радиоэфира и событийных коммуникаций в стратегическом развитии медиабренда. Анализируются современные тенденции конвергенции традиционного радиовещания с event-маркетингом, выявляются ключевые факторы успешной синергии коммуникационных каналов. Предложены рекомендации по формированию интегрированной стратегии медиакомпаний в условиях цифровой трансформации 2025-2026 годов.

Ключевые слова: отрасль медиа, медиабренд, радиовещание, событийный маркетинг, интегрированные маркетинговые коммуникации, конвергенция медиа, бренд-медиа, event-коммуникации, цифровая трансформация

MANAGING THE INTEGRATION OF RADIO BROADCASTING AND EVENT COMMUNICATIONS IN MEDIA BRAND DEVELOPMENT STRATEGY

Kotelnikov D.K.¹,

*2nd year student of the Master's degree of the Department of Management,
e-mail: wavydoit@yandex.ru*

Kozhina V.O.¹,

*Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Management,
e-mail: vero_ko@mail.ru*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The modern media industry is a driver of a country's economic growth and the well-being of its citizens through basic channels of influence. A key aspect of marketing in the media industry is the media brand. The article examines the mechanisms of integrating radio broadcasting and event communications in the strategic development of media brands. Modern trends in the convergence of traditional radio with event marketing are analyzed, and key factors for successful synergy of communication channels are identified. Recommendations for forming an integrated strategy for media companies in the context of digital transformation in 2025-2026 are proposed.

Keywords: the media industry, media brand, radio broadcasting, event marketing, integrated marketing communications, media convergence, brand media, event communications, digital transformation

Медиаиндустрия России – важнейшая отрасль экономики страны. Она выступает мощным инструментом формирования современного общества. Она является одновременно самостоятельным экономическим субъектом и стержневой отраслью, определяющей социокультурный облик современного общества.

Современная медиаотрасль страны переживает период радикальной трансформации, связанной с изменением моделей потребления контента и диверсификацией коммуникационных каналов.

Согласно исследованиям, главными проблемами отрасли в 2024 году, которые продолжают оказывать влияние и в 2025 году, стали: значительное подорожание размещения рекламы (62%), ограниченность доступного рекламного инвентаря (51%) и тенденция к монополизации рынка (41%). Также компании испытывают трудности с удержанием специалистов, и пр. Среди прочих вызовов можно выделить ограниченность медиабюджетов (рис.1).

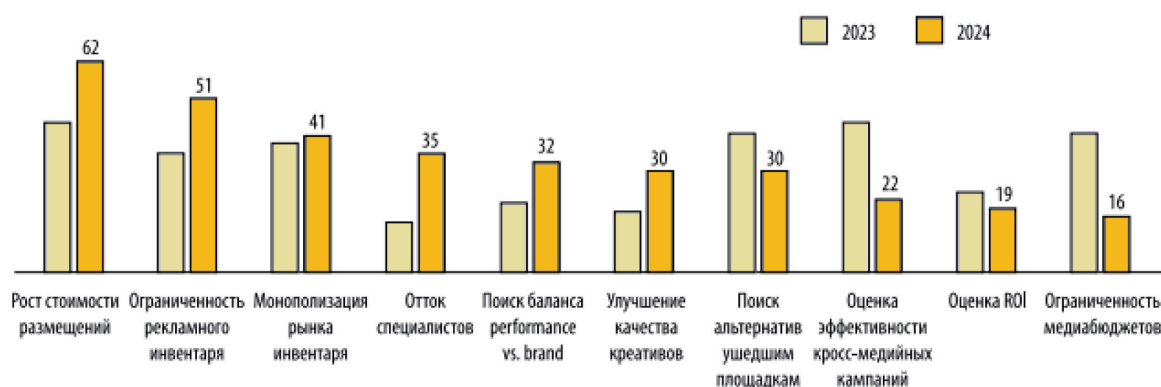

Рис. 1. Основные проблемы в медиаиндустрии 2023-2024 гг., % [11]

Несмотря на сохраняющиеся трудности с измерением результативности медиаканалов, особенно в цифровой среде, рекламодатели демонстрируют уверенный рост инвестиций в диджитал.

В последние годы нехватка рекламных мест была серьезным препятствием. Однако к 2025 году эта проблема была решена практически во всех медиа. Теперь изменения в отрасли в основном обусловлены инфляцией. Хотя крупнейшие рекламодатели продолжают активно присутствовать на рынке, значительного притока или возвращения брендов в традиционные медиа не наблюдается. По всей вероятности, это приведет к тому, что уже доминирующие на рынке игроки еще больше укрепят свои позиции и в 2025 г.

В таблице представлены изменения рекламных бюджетов по различным медиаканалам.

Таблица

Динамика рекламных бюджетов по медиаканалам

Годы	Видео, %	Цифровые каналы (без Видео и E-com), %	E-com, %	Наружная реклама, %	Аудио, %	Пресса, %	ИТОГО
2025/2024	12	13	38	14	4	-3	20
2024/2023	22	32	73	45	27	4	40
2024/2021	17	43	x8	116	73	-52	82

Составлено по данным [12]

Как видно из таблицы медиаотрасль сохраняет рост в 2025г. за счет цифровых медиа.

В 2025 г. рекламный рынок готовился к рекордному росту объема инвестиций в 1,4 трлн руб. Однако, общий экономический спад в России и снижение потребительского оптимизма могут сдержать перспективы быстрого восстановления темпов роста рекламных расходов (рис. 2).

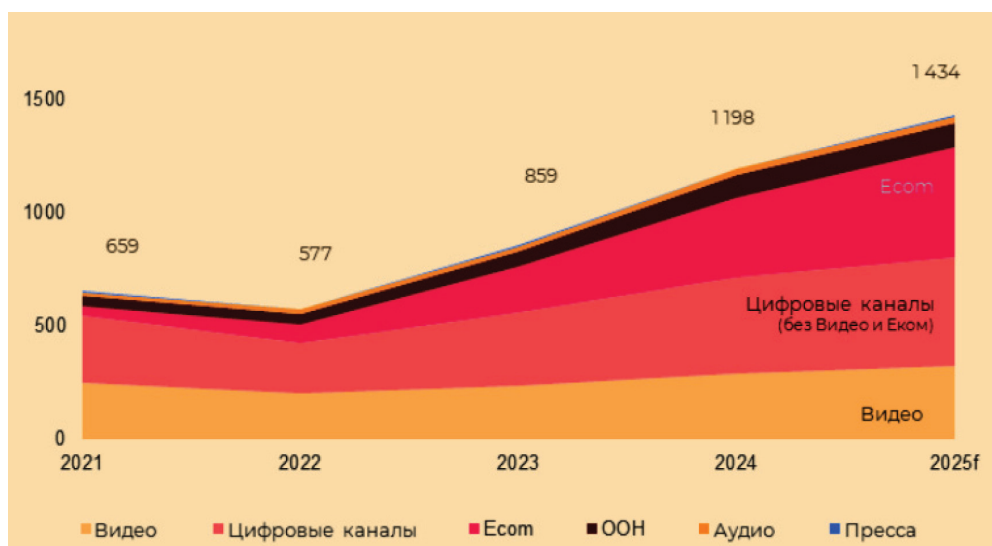

Рис. 2. Затраты на рекламу, млрд руб. без НДС [12]

В условиях 2025-2026 годов особую актуальность приобретает проблема эффективного управления интеграцией различных форматов медиакommunikаций, среди которых радиоэфир и событийные проекты занимают особое место в стратегии развития медиабренда. Как было указано выше, традиционное радиовещание, столкнувшись с вызовами цифровизации и фрагментацией аудитории, вынуждено искать новые пути укрепления позиций на рынке, в то время как событийный маркетинг демонстрирует устойчивый рост, предлагая возможности для создания эмоционального вовлечения аудитории и формирования лояльности к бренду. Синергия этих двух направлений открывает перспективы для построения целостной экосистемы медиабренда, способной обеспечить устойчивое конкурентное преимущество в динамично меняющейся среде.

Научная новизна исследования заключается в анализе механизмов интеграции радиоэфира и событийных коммуникаций как единой стратегической системы развития медиабренда в контексте актуальных трендов последних лет. В исследовании предпринята попытка систематизировать подходы к управлению конвергентными коммуникационными процессами в радиоиндустрии с учётом специфики гибридных форматов взаимодействия с аудиторией. Целью исследования является выявление ключевых факторов эффективной интеграции радиоэфира и событийных проектов в стратегии медиабренда, а также разработка практических рекомендаций по построению синергетической модели коммуникаций. Объектом исследования выступают стратегии развития медиабрендов в сегменте радиовещания, предметом – процессы интеграции традиционного эфирного контента с событийными форматами коммуникации в период активной цифровой трансформации отрасли.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий анализ научной литературы по проблематике медиабрендинга, событийного маркетинга и конвергенции медиа с изучением актуальных кейсов российских и зарубежных радиостанций. Применялись методы контент-анализа стратегических документов медиакомпаний, компаративный анализ моделей интеграции коммуникационных каналов, а также синтез теоретических концепций интегрированных маркетинговых коммуникаций применительно к специфике радиоиндустрии. Эмпирическую базу составили данные о трансформации радиорынка в 2025-2026 годах, включая показатели аудиторного охвата, форматы взаимодействия с целевыми группами и практики событийных активаций ведущих медиабрендов.

Фундаментальное понимание природы медиабренда требует осмысления его как сложной многоуровневой системы, в которой традиционные форматы контента взаимодействуют с инновационными каналами коммуникации. Исследователи отмечают, что в современной российской медиаотрасли формируется особый феномен бренд-медиа, характеризующийся интеграцией издательских и маркетинговых функций [5, с. 12]. При этом классификация медиапроектов по степени их вовлечённости в коммерческие коммуникации позволяет выделить различные модели монетизации аудиторного внимания, где событийные активности играют роль катализатора формирования устойчивых связей с целевыми группами. Прагматика контента в таких медиа определяется не только информационной ценностью, но и способностью создавать эмоциональный резонанс, формирующий приверженность аудитории [4, с. 151]. Это особенно актуально для радиостанций, где голосовая коммуникация создаёт интимность восприятия, усиливаемую при проведении живых событий с участием любимых ведущих.

Эволюция радиовещания в направлении мультиплатформенности демонстрирует значимость адаптации традиционного формата к требованиям цифровой среды [8]. Развитие подкастинга как современной формы аудиоконтента открывает новые горизонты для радиобрендов, позволяя преодолеть ограничения линейного эфира и создавать персонализированный опыт взаимодействия с аудиторией. Подкасты становятся органичным дополнением к эфирным программам, расширяя временные рамки коммуникации и углубляя тематическое погружение слушателей. Параллельно событийный маркетинг переживает собственную трансформацию, адаптируясь к новым реалиям и возможностям цифровых технологий. Современные тенденции показывают, что event-индустрия активно осваивает гибридные форматы, сочетающие офлайн-присутствие с онлайн-трансляциями [6, с. 135], что создаёт дополнительные точки соприкосновения с аудиторией радиостанций и расширяет географию охвата мероприятий.

Анализ современных тенденций событийного маркетинга в контексте брендинга выявляет устойчивый тренд на интеграцию различных коммуникационных платформ. Гибридный формат мероприятий, объединяющий физическое присутствие участников с виртуальным участием через цифровые каналы, становится доминирующей моделью в 2025-2026 годах [7, с. 615]. Для радиобрендов это означает возможность трансляции событий в эфире с одновременной организацией прямых встреч с аудиторией, создавая многоуровневый опыт взаимодействия. Радиостанция получает богатый контент для последующего использования в эфире и цифровых каналах, а участники события формируют эмоциональную связь с брендом, которая затем транслируется в повседневное прослушивание радиопрограмм.

Концептуальная основа интеграции коммуникационных каналов медиабренда базируется на принципах конвергентной журналистики, предполагающей слияние различных форматов и платформ в единую экосистему [3, с. 405]. Конвергенция развивается в нескольких измерениях одновременно – технологическом, организационном и содержательном, что требует комплексного подхода к управлению коммуникационными процессами. Радиостанции, интегрирующие событийные проекты в свою стратегию, фактически реализуют модель гибридных медиакоммуникаций, где эфирный контент, социальные медиа и живые мероприятия образуют синергетическое единство. При этом важно учитывать, что трансформация медиакоммуникации под воздействием цифровых технологий затрагивает не только инструментальный уровень, но и фундаментальные принципы взаимодействия с аудиторией [1, с. 145]. Переход от вещательной модели к диалоговой коммуникации особенно

заметен в событийных форматах, где аудитория становится не просто потребителем, а активным участником создания медиаопыта.

Управление интегрированными маркетинговыми коммуникациями медиабренда требует системного подхода, учитывающего специфику каждого канала при обеспечении их согласованности [2, с. 388]. Эффективность интеграции определяется способностью создавать единое коммуникационное послание, адаптированное к особенностям различных точек контакта с аудиторией. Для радиостанций это означает необходимость выстраивания сквозной контент-стратегии, где анонсирование событий в эфире, их проведение и последующее освещение образуют непрерывный цикл вовлечения слушателей. При этом каждый элемент этой системы должен работать на усиление общего бренда, создавая узнаваемый стиль и формируя устойчивые ассоциации в сознании целевой аудитории.

Практика конвергенции радиовещания и социальных медиа демонстрирует важность многоканальной стратегии для современных радиобрендов. Исследования показывают, что интеграция радио с платформами социальных сетей приводит к парадигматическому сдвигу в понимании роли радиостанции – от поставщика аудиоконтента к мультимедийному коммуникационному хабу [9, р. 52]. Событийные проекты в этой логике становятся якорными точками, вокруг которых формируется многослойное взаимодействие с аудиторией через различные каналы. Гибридный подход к предоставлению услуг, сочетающий традиционное вещание, цифровые платформы и офлайн-активности, требует развития новых компетенций персонала радиостанций и реструктуризации организационных процессов медиакомпаний.

Особое значение в современной медиаотрасли приобретает проблема брендинга новостных и развлекательных медиа в условиях мультиплатформенного потребления контента. Цифровизация радикально изменила паттерны медиапотребления, особенно среди молодой аудитории, для которой характерно фрагментированное внимание и использование множественных источников информации одновременно [10]. Медиабренды сталкиваются с необходимостью формирования устойчивых ассоциаций в условиях, когда аудитория переключается между различными платформами и форматами. Событийные коммуникации в этом контексте выполняют функцию «якоря» идентичности бренда, создавая физическое пространство взаимодействия, которое затем продолжается в цифровой среде и эфире. Интеграция этих измерений позволяет создать целостный бренд-опыт, охватывающий различные аспекты жизни аудитории.

Результаты исследования позволяют сформулировать ключевые принципы эффективного управления интеграцией радиоэфира и событийных коммуникаций в стратегии развития медиабренда. Во-первых, интеграция должна быть стратегически обоснованной и опираться на глубокое понимание потребностей и поведенческих паттернов целевой аудитории. Во-вторых, необходима организационная трансформация медиакомпаний, предполагающая создание кросс-функциональных команд, способных работать одновременно в эфирном, событийном и цифровом направлениях. В-третьих, контент-стратегия должна обеспечивать синергию между различными каналами коммуникации, где каждый элемент усиливает общее воздействие на аудиторию. Успешная интеграция радиоэфира и событийных проектов создаёт устойчивое конкурентное преимущество медиабренда, формируя многоуровневую систему взаимодействия с аудиторией, которая обеспечивает лояльность и регулярное потребление контента. В условиях 2025-2026 годов, характеризующихся дальнейшим углублением цифровой трансформации и ростом требований

аудитории к персонализации коммуникаций, способность медиабрендов гибко интегрировать различные форматы становится критическим фактором успеха на высококонкурентном медиарынке.

Цитированная литература

1. *Дугин, Е.Я.* Трансформация медиакоммуникации под воздействием цифровых технологий: теоретико-методологический аспект / Е.Я. Дугин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2024. – № 5. – С. 140–151. – ISSN 0320-8079. – DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.140151.
2. *Кетова, Н.П.* Концепция эффективных интегрированных маркетинговых коммуникаций как элемент управления инновационной системой современной компании / Н.П. Кетова, И.Ю. Грановская, В.В. Зундэ. – Текст : непосредственный // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 381–396. – ISSN 1994-6929. – DOI 10.18334/ce.16.2.114269.
3. *Ким, М.Н.* Конвергентная журналистика: основные векторы развития и перспективы / М.Н. Ким, О.А. Глущенко, Е.М. Пак. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 399–417. – ISSN 2308-6203. – DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(3).399-417.
4. *Нигматуллина, К.Р.* Прагматика контента в бренд-медиа / К.Р. Нигматуллина, Н.А. Павлушкина, А.М. Сметанина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2024. – Т. 49, № 3. – С. 144–165. – ISSN 0320-8079. – DOI 10.30547/vestnik.journ.3.2024.144165.
5. *Нигматуллина, К.Р.* Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики / К.Р. Нигматуллина, Н.А. Павлушкина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 3–27. – ISSN 0320-8079. – DOI 10.30547/vestnik.journ.6.2022.327.
6. *Попова, О.И.* Событийный маркетинг: вызовы и возможности нового времени / О.И. Попова, Т.Л. Сысоева. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 133–137. – DOI 10.24412/2225-8264-2023-3-133-137.
7. *Прохоров, А.В.* Современные тенденции событийного маркетинга в продвижении бренда университета / А.В. Прохоров. – Текст : непосредственный // Неофилология. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 613–620. – ISSN 2587-6953. – DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-613-620.
8. *Писаревская, Н.С.* Особенности менеджмента креативных индустрий в цифровом мире / Н.С. Писаревская, И.В. Толмачева // Вестник Московского Международного Университета. – 2025. – № 2(6). – С. 115-118. – EDN ENDJYF.
9. *Magnaye, R.C.F.* The Old and The New: Radio and Social Media Convergence / R.C.F. Magnaye, M.A.E. Tarusan. – Text : electronic // SSRG International Journal of Communication and Media Science. – 2023. – Vol. 10, iss. 2. – P. 44–62. – DOI 10.14445/2349641X/IJCMS-V10I2P105.
10. *Saulīte, L.* Importance of news media branding in a contemporary media environment / L. Saulīte, D. Ščeuļovs. – Text : electronic // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. – 2023. – Vol. 9, iss. 3. – Art. 100117. – DOI 10.1016/j.joitmc.2023.100117.
11. *И.А. Юмашева.* Обзор российского медиарынка 2025 г.: тренды и риски // Экономика и управление. 2025. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-rossiyskogo-mediarynka-2025-g-trendy-i-riski>
12. Group4Media: в 2025 году темпы роста российского рекламного рынка замедлятся до 20%// <https://www.kommersant.ru/doc/7852464>

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Маркова Ольга Владимировна¹,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
e-mail: markovaolga@yandex.ru*

Калинин Дмитрий Викторович¹,

*магистрант кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
e-mail: koberomi@yandex.ru*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье выявляются и дается характеристика особенностям взаимодействия государства и бизнеса в инновационной сфере. Исследуются статистические показатели результатов такого сотрудничества. На основе анализа зарубежного и мирового опыта определяются перспективы дальнейшего развития и совершенствования данного процесса в России. Особое внимание уделяется современным формам государственно-частного партнерства для разработки и реализации инновационных проектов.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, национальная инновационная система, НИ-ОКР, частные инвестиции.

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND THE PRIVATE SECTOR IN THE FIELD OF INNOVATION

Markova O.V.¹,

*candidate of economic sciences, associate professor, department of State and Municipal Management,
e-mail: markovaolga@yandex.ru*

Kalinin V.D.¹,

*master student of the State and Municipal Administration,
e-mail: koberomi@yandex.ru*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article identifies and describes the features of state-business cooperation in the innovation sphere. It examines the statistical indicators of the results of such cooperation. Based on the analysis of foreign and global experience, the article identifies the prospects for further development and improvement of this process in Russia. Special attention is paid to modern forms of public-private partnership for the development and implementation of innovative projects.

Keywords: public-private partnership, national innovation system, R&D, private investment.

В начале 2020-х годов совокупные мировые затраты на исследования и разработки приблизились к 3 трлн долл. США, причём этот объём почти утроился по сравнению с 2000 годом. При этом значительная часть усилий приходится на частный сектор: в большинстве стран ОЭСР именно компании формируют основной спрос на научно-технические результаты и проводят львиную долю НИОКР [1].

Одновременно укрепляется тренд на усиление государственной активности: правительства расширяют прямое финансирование исследований, развивают налоговые льготы, формируют

инфраструктуру для государственно-частного партнёрства (ГЧП) и специальных институтов развития. В результате взаимодействие государства и бизнеса в инновационной сфере становится одним из центральных сюжетов экономической политики [2].

Для России эта тема особенно важна: по данным обзоров, в 2023 году свыше двух третей внутренних затрат на НИОКР финансировалось из бюджета (около 67,3 %), а доля бизнес-сектора составила менее трети (28,9 %) и сократилась по сравнению с предыдущим годом; в реальном выражении средства компаний на исследования уменьшились примерно на 5,1 %. Все это создаёт противоречие: с одной стороны, декларируется курс на технологический суверенитет, с другой — база для частного спроса на инновации остаётся ограниченной, а инновационный товар в ряде отраслей по-прежнему импортозависим [3].

Исследователи национальных инновационных систем (НИС) рассматривают инновации как результат координации множества акторов: государства, бизнеса, академической среды, институтов развития, финансовых организаций. В этой логике государство не только финансирует фундаментальную науку, но и создает правила игры, задаёт приоритеты и снижает риски для компаний, которые берут на себя внедрение новшеств на рынок.

В зарубежной литературе выделяется отдельное направление — «public-private innovation partnerships» (PPIP), то есть партнёрства, где совместные структуры государства и бизнеса создаются ради разработки или внедрения нововведений. Обзор эмпирических работ показывает: такие партнёрства чаще всего возникают в инфраструктуре, «умном» городском управлении, здравоохранении и цифровых сервисах; при удачной настройке они повышают результативность проектов, но требуют развитых компетенций управления и прозрачных договорных конструкций.

В постсоветском пространстве дискуссия концентрируется вокруг эффективности НИС и связей между институтами развития и фактическими инновационными результатами. Модели анализа, основанные на DEA, показывают, что даже при сопоставимом объёме вложений страны существенно различаются по способности преобразовывать ресурсы в новые товары и технологии. Для России, по оценкам исследователей, характерны разрыв между научным и производственным блоками системы, слабые горизонтальные связи и недоиспользование ГЧП именно как инновационного инструмента, а не только способа построить дорогу или объект ЖКХ [4].

Глобальные данные подтверждают, что частный сектор является основным исполнителем НИОКР. По данным Евростата, в Европейском союзе в 2022 году на бизнес приходилось около двух третей внутренних затрат на исследования, а совокупная интенсивность НИОКР составляла порядка 2,2 % ВВП. Аналогичную структуру демонстрируют Канада и ряд других развитых экономик, где бизнес не только проводит большую часть исследований, но и финансирует значительную долю государственного и университетского сектора [5].

В России ситуация иная. Согласно свежим обзорам состояния науки и инноваций, в 2023 году: около 67–68 % внутренних затрат на НИОКР финансировалось государством; доля бизнеса в финансировании исследований составила менее 30 % и продолжила снижаться; реальные расходы компаний на НИОКР сократились примерно на 5 %; при этом за счёт бюджетных решений и приоритетных программ общий объём расходов на науку в номинальном выражении рос, но прирост в значительной степени «съедала» инфляция [6].

Анализ динамики НИС России за два десятилетия показывает, что переход к инновационной траектории носил волнообразный характер: периоды активного роста индикаторов (расходы на

НИОКР, число организаций-инноваторов, объём отгруженной инновационной продукции) сменялись стагнацией.

Исследования фиксируют диспропорции между отраслями: инновационная активность выше в высокотехнологичных видах деятельности и отдельных сервисных сегментах, тогда как значительная часть промышленности по-прежнему опирается на традиционный производственный уклад. Для оценки взаимодействия государства и бизнеса важно учесть не только НИОКР, но и инфраструктуру ГЧП. По данным информационно-аналитического дайджеста Минэкономразвития, по итогам 2023 года в России действовало 3427 соглашений о реализации ГЧП-проектов и концессий с общим объёмом инвестиций 4,8 трлн руб., из которых около 3,3 трлн руб. (69 %) приходилось на внебюджетные средства. В течение 2023 года было запущено 326 новых проектов на сумму 955 млрд руб., при этом private инвестиции составили 620 млрд руб., то есть около 65 % объёма [7].

Хотя подавляющее большинство проектов приходится на коммунальную и энергетическую инфраструктуру, значимая доля реализуется в социальной сфере (образование, здравоохранение, спорт и культура), где инновационные компоненты (цифровые сервисы, «умные» здания, современные медицинские технологии) становятся важным элементом контрактов. Таким образом, формально значительная часть частных вложений в инфраструктуру проходит через инструменты ГЧП, но инновационная направленность далеко не всегда находится в центре проектной логики. В инновационной сфере можно выделить несколько типичных режимов взаимодействия государства и частного сектора. Один из них, это классические соглашения ГЧП и концессии с высокой долей технологических решений. Примеры встречаются в цифровой медицине, интеллектуальных транспортных системах, проектах «умного города» и центрах обработки данных. Здесь государство выступает заказчиком комплексной услуги, а частный партнёр разрабатывает и внедряет технологическое решение, которое затем функционирует на протяжении длительного срока. Международные исследования показывают, что такие схемы способны стимулировать инновации, но только при наличии грамотного распределения рисков и чётких критериев результата.

Особое значение приобретают партнёрства в формате совместных исследовательских центров и лабораторий. Государство обеспечивает базовое финансирование, инфраструктуру и доступ к образовательным ресурсам, бизнес формирует запрос на прикладные разработки и частично участвует в финансировании проектов [8]. Анализ НИС постсоветских стран обнаруживает, что успешные модели чаще всего опираются именно на сетевую кооперацию университетов, государственных фондов и частных компаний, а не только на прямые субсидии или налоговые льготы.

Набирает силу подход открытых инноваций, когда крупные корпорации и госструктуры выстраивают системное взаимодействие с малым технологическим бизнесом. В этой конфигурации государство концентрируется на поддержке экосистемы (институты развития, венчурные фонды, акселераторы, технопарки), а частный сектор берёт на себя масштабирование решений и вывод инновационных товаров на рынок. Исследования моделей открытых инноваций показывают, что наличие у государства прозрачных процедур отбора проектов и долгосрочных правил сотрудничества снижает неопределённость для стартапов и инвесторов. Идеал для предпринимателя инновационный проект должен выглядеть не как рискованная авантюра, а как понятный и относительно недорого реализуемый путь к рынку [4].

На стыке описанных форм возникают гибридные конструкции: отраслевые цифровые платформы с участием государства и бизнеса, совместные фондовые инструменты и специальные

режимы регулирования (регуляторные «песочницы»). Они позволяют тестировать новые технологии без полного переписывания нормативной базы и синхронизировать интересы разных сторон.

Отечественные исследования НИС подчёркивают несколько устойчивых черт российской модели. Сохраняется высокая доля государства в финансировании НИОКР и управление системой преимущественно «сверху вниз». Связь между академическим сектором и реальным бизнесом остаётся слабой: значительная часть результатов исследований не доходит до стадии коммерциализации, а компании не рассматривают науку как основной источник конкурентных преимуществ.

Сам рынок ГЧП, хотя и демонстрирует рост объёма инвестиций и числа соглашений, долгое время был сконцентрирован на традиционной инфраструктуре. Для многих регионов ГЧП прежде всего означает концессию в сфере ЖКХ или транспорта. По оценкам Минэкономразвития и национальных центров компетенций, доля проектов с выраженной инновационной составляющей (например, цифровая инфраструктура, высокотехнологичные медицинские комплексы) растёт, но пока не определяет картину в целом. В этих условиях взаимодействие государства и частного сектора в инновационной области принимает компромиссный характер. С одной стороны, государство компенсирует недостаточную активность бизнеса, расширяя бюджетное финансирование науки и стимулируя спрос на высокотехнологичные решения через крупные проекты. С другой — такая модель создаёт риск вытеснения частной инициативы и закрепления зависимости компаний от госзаказа, а не от потребностей конечных пользователей. Работы, посвящённые анализу взаимодействия власти и бизнеса, указывают также на институциональные ограничения: сложность процедур, непредсказуемость регуляторных изменений, ограниченный доступ к длинным деньгам [1].

На уровне НИС это означает переход от разрозненных мер поддержки к целостной экосистеме: согласование приоритетов научной, промышленной, региональной и бюджетной политики, увязку программ технологического развития с реальными запросами бизнеса и общества. В долгосрочной перспективе такое выстраивание кооперации позволяет не только создавать штучные инновационные товары, но и формировать рынки, где новые решения оказываются массовыми и сравнительно недорого доступными для потребителей и компаний.

Взаимодействие государства и частного сектора в инновационной сфере становится одним из решающих условий конкурентоспособности экономик. Мировая статистика показывает устойчивый рост глобальных затрат на НИОКР и доминирующую позицию частного сектора как исполнителя и финансирующего источника. В то же время государство не исчезает из поля инноваций, а меняет формат участия: от прямого контроля к тонкой настройке институтов, развитию ГЧП и поддержке инновационных экосистем [2].

Российская ситуация отличается высокой зависимостью НИОКР от бюджетного финансирования, неполной интеграцией науки и бизнеса и сравнительно узким использованием ГЧП как канала технологического обновления. Одновременно статистика по проектам ГЧП демонстрирует значительный потенциал частного капитала: тысячи соглашений и триллионы рублей инвестиций, значительная доля которых приходится на внебюджетные источники. Преодоление разрыва между этой финансовой базой и реальными инновационными результатами требует последовательного развития институтов: укрепления стимулов для частных вложений в НИОКР, расширения форматов партнерства в научно-образовательной и цифровой сфере, снижения административных барьеров для технологического предпринимательства.

В итоге от того, насколько удачно будет выстроена кооперация государства и бизнеса — от программ технологического суверенитета до конкретных проектов ГЧП и институтов открытых инноваций, — зависит способность экономики генерировать новые знания, превращать их в востребованные товары и услуги и обеспечивать устойчивое развитие в условиях внешних шоков и технологической конкуренции.

Цитированная литература

1. *Архипова, М.Ю.* Исследование динамики развития национальной инновационной системы России (часть 1) / М.Ю. Архипова, М.А. Соболев // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 90. — С. 90–107.
2. *Маркова, О.В.* Применение государственно-частного партнерства для реализации устойчивого развития территории // Вестник Московского международного университета. — 2024. — №4 (4). С. 102-105.
3. Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — М., 2024. — 17 сент. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://issek.hse.ru/...> (дата обращения: 15.11.2025)
4. *Мальцева, А.О.* Проблемы и перспективы развития национальной инновационной системы России / А. О. Мальцева, И. А. Мостовщикова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2023. — № 4. — С. 87–96.
5. *Sikombe, S.* Key elements for promoting public-private partnerships in research and innovation: evidence from research institutions / S. Sikombe, M. M. Kachwamba // Cogent Business & Management. — 2024. — Vol. 11, No. 1. — Article 2401627
6. Источники финансирования российской науки: бизнес наращивает инвестиции / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — М., 2025. — 2 окт. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://issek.hse.ru/...> (дата обращения: 15.11.2025)
7. Государственно-частное партнерство в России: итоги 2023 года и основные тренды : аналитический дайджест / Фонд Росконгресс. — М., 2024. — 28 мая. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://roscongress.org/...> (дата обращения: 17.11.2025)
8. *Маркова, О.В.* Вовлечение стейкхолдеров для реализации устойчивого развития в России // Вестник Московского международного университета. — 2024. — №1 (1). С. 154-160.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ШВЕЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Мельниченко Надежда Федоровна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

зав. кафедрой Государственного и муниципального управления,

e-mail: n.melnichenko@mtti.ru

Каврыков Антон Валерьевич²,

главный аналитик,

e-mail: kavrykov@inbox.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

²ГБУ «МосТрансПроект»

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты циркулярной экономики как одного из ключевых направлений устойчивого развития территорий. Авторами проанализированы международные инициативы и опыт Швеции в формировании экономики замкнутого цикла, а также определены современные тенденции и перспективы развития циркулярной экономики в России.

Ключевые слова: циркулярная экономика, устойчивое развитие, экология, переработка отходов.

CIRCULAR ECONOMY AS THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF SWEDEN AND RUSSIAN PERSPECTIVES

Melnichenko N.F.¹,

candidate of economic Sciences, associate Professor,

head of the Department of state and municipal administration,

e-mail: n.melnichenko@mmu.ru

Kavrykov A.V.²,

Lead Analyst,

e-mail: kavrykov@inbox.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

²State Budgetary Institution «MosTransProject»

The article discusses the theoretical and practical aspects of the circular economy as one of the key areas of sustainable development in territories. The authors analyze international initiatives and Sweden's experience in creating a closed-loop economy, and identify current trends and prospects for the development of the circular economy in Russia.

Keywords: circular economy, sustainable development, ecology, waste recycling.

Исследование теоретических и практических аспектов устойчивого развития экономики страны целесообразно начинать с основных понятий. Определение понятия «устойчивое развитие» впервые получило международное признание на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году [7]. Именно тогда представители 179 стран обсуждали вопросы, связанные с влиянием жизнедеятельности человека на окружающую среду. В этом же году была утверждена Концепция устойчивого развития, основанная на балансе между тремя составляющими: экономическим ростом, социальной справедливостью и сохранением окружающей среды (экосистем).

Главная мысль, которая была заложена в определении понятия «устойчивое развитие» (УР) заключалась в том, что оно рассматривается с позиции сохранения ресурсов, экосистем для будущих поколений и звучит так: «удовлетворение потребностей нынешнего поколения не должно ставить под угрозу возможности будущих поколений» [7].

Следующим шагом в развитии концептуальных положений УР стало принятие в 1997 году Киотского протокола, согласно которому развитые страны обязаны сократить выбросы парниковых газов. То есть мы наблюдаем шаги по стимулированию развития возобновляемых источников энергии. Благодаря Киотскому протоколу был создан международный рынок торговли квотами на выбросы. Появляется первый экономический инструмент, который позволил увязать экологические цели с рыночными механизмами [6].

Следует отметить и ключевой этап в развитии основных положений Концепции устойчивого развития – это заключение Парижского соглашения (2015 год), направленного на ограничение глобального потепления не более чем на 2 градуса [10]. Данное соглашение закрепляло обязательства стран по сокращению выбросов, финансированию деятельности (проектов) в рамках устойчивого развития, а также поддержку развивающихся стран в переходе к «зеленым» технологиям [3].

В 2015 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила еще один важный документ – это Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года [2]. В Повестке были отражены 17 целей устойчивого развития по трем взаимосвязанным составляющим УР: экономика, социум, экология (см. рис. 1).

Рис. 1. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года:
17 целей устойчивого развития ООН [2]

Единая хронологическая шкала всех международных инициатив, повлиявших на становление и развитие устойчивых экономических моделей представлена на рисунке ниже (см. рис. 2).

В настоящее время каждая страна сама расставляет приоритеты в рамках Концепции устойчивого развития.

В статье мы акцентируем внимание на устойчивом экономическом развитии, которое сочетает в себе новые экономические модели, принципы «зеленой» повестки, а также концепцию устойчивого

развития в целом. В современном мире существует множество примеров различных государств, имеющих свои уникальные «зеленые» экономические модели.

Рис. 2. Хронологическая шкала международных инициатив

Источник: составлено авторами на основе [2; 3; 6; 7]

Одним из признанных лидеров в этой сфере является Швеция, в которой с XX века активно проводится последовательная политика по снижению углеродных выбросов и переходу на возобновляемые источники энергии. Национальная цель Швеции – достижение нулевого чистого уровня выбросов к 2045 году [13].

Экономическая модель Швеции представляет из себя круговую экономику, также известную как циркулярная экономика, основанная на возобновлении ресурсов.

Основа концепции заключается в переработке всех или почти всех отходов с последующим использованием этого сырья для производства вещей или энергии. Так, например, известно, что в 2023 году Швеция производила более 20% своего централизованного отопления за счет сжигания отходов, что снизило ее зависимость от ископаемого топлива и импортируемой энергии [9].

В Швеции более 99% мусора перерабатывается и используется повторно тем или иным способом – такой феномен называется «шведская революция ресайклинга». В сравнении с остальными странами, Швеция – единственная, которой удалось подойти так близко к мечте о безотходном производстве и чистым воде и воздухе.

Кроме того, шведское правительство активно инвестирует в исследования и разработки в области экологии и защиты окружающей среды. По состоянию на 2025 год сумма инвестиций составляет 400 млн крон (около 42 млн долларов). Среди наиболее известных разработок – биотопливо, интеллектуальные электросети, а также сбор и хранение углерода [5].

В дополнение к вышеуказанному, страна одной из первых ввела углеродный налог в 1991 году. Сегодня Швеция получает большую часть энергии из биотоплива, гидроэнергетики и ветра.

Взятая за основу устойчивого развития модель циркулярной экономики, позволила Швеции получить существенные преимущества: повысить эффективность использования ресурсов и сократить отходы. Так, за 2024 год страна заняла 6-е место в рейтинге «Индекс экологической эффективности» [14].

Кроме того, циркулярная экономика привела к созданию рабочих мест в отраслях переработки, ремонта и восстановления. Сектор секонд-хенд розничной торговли Швеции значительно вырос,

при этом такие компании, как Sellpy, Blocket и Too Good, процветают в рамках политики, которая поощряет повторное использование и сокращение отходов. В 2024 году в секторе циркулярной экономики было занято 200 тыс. человек, что составляет 4% ВВП, что значительно больше, чем всего 1,8% в 2015 году [15].

Опыт Швеции показывает, что внедрение принципов циркулярной экономики способствует повышению эффективности использования ресурсов, снижению отходов и формированию новых отраслей экономического роста, обеспечивая при этом значительный вклад в ВВП и занятость населения (см рис. 3).

Рис. 3. Систематизация показателей Швеции в сфере устойчивого экономического развития
Источник: составлено авторами на основе [5;9;13;15]

В России в настоящий момент есть определенный тренд на циркулярную экономику, чему служат несколько фактов.

В 2022 году была утверждена программа «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве» [11]. Целью программы является развитие рынка вторичного сырья. Для достижения целевых показателей необходимо:

- 1) сократить полигонное захоронение, включая шламо- и шлакохранилища;
- 2) нарастить объемы сортировки и переработки отходов;
- 3) активизировать применение вторичных ресурсов при изготовлении сырья и материалов для промышленности и сельского хозяйства;
- 4) увеличить долю вторсырья в выпуске новой продукции [11].

Денис Буцаев, глава «Российского экологического оператора» дал следующий комментарий в контексте этой программы: «Отраслевая программа утверждена, это в очередной раз доказывает, что в нашей стране экономике замкнутого цикла быть» [1].

Еще одной целью программы является – увеличение доли утилизации отходов и количества используемых вторичных ресурсов для производства сырья в промышленности. В целом, на 2025 год мусор остается проблемой в Российской Федерации. В стране перерабатывается лишь 13% всего мусора на 2025 год.

Так, для решения проблемы в 2019 году была запущена «мусорная реформа», результатом которой стало создание новой структуры – Российский экологический оператор. Его основная задача заключается в создании условий для соблюдения законодательства в сфере обращения с отходами. К 2030 году планируется, что доля вторичного сырья в выпуске новых материалов составит 34% [4;8].

Круговая экономика – достаточно популярный инструмент в российских компаниях. Сегодня практически невозможно найти крупную структуру, которая не занималась бы оптимизацией производства и не внедряла бы экологические проекты.

Одним из таких примеров является демонтаж здания парогазовой установки 170 МВт на Невинномысской ГРЭС в 2022 году (см. рис. 4).

Рис. 4. Детали проекта по демонтажу здания парогазовой установки на Невинномысской ГРЭС
Источник: составлено авторами на основе [11;12]

Это первый реализованный проект в России, который полностью соответствует принципам устойчивости [12]. Однако, ключевым моментом в данном проекте является то, что 99% материала старого здания и оборудования были использованы повторно. В частности, 21% из 12,4 тысячи тонн полученных отходов составил металлолом, и его отправили на переплавку. 78% отходов составил бой железобетонных конструкций и кирпича, из которого произвели щебень.

Таким образом, можно считать, что в России сохраняется устойчивый тренд на экономику замкнутого цикла. Страна располагает различными ресурсами для устойчивого развития, и есть потенциальные возможности реализации проектов замкнутого цикла.

Цитированная литература

1. В РЭО назвали долю отходов, отправляющихся на переработку. – URL: <https://musor.moscow/novosti/v-rjeo-nazvali-dolju-othodov-otpravljajushhihsja-na-pererabotku/> (дата обращения: 15.10.2025)
2. Глобальный договор ООН — Цели устойчивого развития (ЦУР).— URL: <https://globalcompact.ru/about/sdgs/> (дата обращения: 13.10.2025)
3. История и основные положения Парижского соглашения по климату. — URL: <https://tass.ru/info/9913445> (дата обращения: 15.10.2025)
4. К 2030 году продукция российских заводов будет состоять на 34% из переработанного мусора – URL: <https://musor.moscow/novosti/k-2030-godu-produkcija-rossijskih-zavodov-budet-sostojat-na-34-iz-pererabotannogo-musora/> (дата обращения: 15.10.2025)
5. Как воплотить в реальность идеи охраны окружающей среды? Швеция делится опытом. – URL: <https://ru.sweden.se/klimat/pravila-eko-zhizni/ekologiya-kak-norma-zhizni> (дата обращения: 13.10.2025)
6. Киотский протокол. — URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/docs/russian/cop3/kprus.pdf#> (дата обращения: 13.10.2025)
7. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3–14 июня 1992 года – URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992> (дата обращения: 15.10.2025)
8. Мусорная реформа. – URL: <https://musor.moscow/blog/musornaja-reforma/> (дата обращения: 15.10.2025)

9. Необычная потребность: для чего Швеция импортирует мусор из Норвегии. – URL: <https://www.techinsider.ru/editorial/761253-pochemu-shveciya-importiruet-musor-iz-norvegii/> (дата обращения: 17.10.2025)
10. Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 13.10.2025)
11. Паспорт отраслевой программы «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве» (утв. Правительством РФ 17 ноября 2022 г. № 13493п-П11). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405781899/> (дата обращения: 17.10.2025)
12. Циркулярная экономика: модный тренд или производственная необходимость. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16611333> (дата обращения: 15.10.2025)
13. Швеция: климатически нейтральная страна к 2045 году – URL: <https://rener.ru/sweden-climate-neutral-country-by-2045/> (дата обращения: 13.10.2025)
14. Environmental Performance Index – URL: <https://epi.yale.edu/measure/2024/epi> (дата обращения: 13.10.2025)
15. Sweden's Move Toward a More Circular Economy – URL: <https://www.marshalledu.com/swedencirculareconomy> (дата обращения: 13.10.2025)

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Новиков Роман Александрович¹,

преподаватель кафедры Экономики и финансов,

e-mail: r.novikov@mtu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье исследуются трансформационные стратегии экономического роста негосударственных медицинских организаций в контексте цифровизации. Проводится анализ подходов крупных сетевых и небольших частных клиник к интеграции цифровых технологий для оптимизации операционной деятельности, повышения качества сервиса и привлечения пациентов. На примере ведущих частных клиник выявлены ключевые модели цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация здравоохранения, трансформационная стратегия, экономический рост, негосударственные медицинские организации, телемедицина, CRM-системы.

TRANSFORMATIONAL STRATEGY OF ECONOMIC GROWTH OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Novikov R.A.¹,

lecturer of the Department of Economics and Finance,

e-mail: r.novikov@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines the transformational strategies of economic growth of non-governmental medical organizations in the context of digitalization. The analysis of approaches of large network and small private clinics to the integration of digital technologies for optimizing operational activities, improving the quality of service and attracting patients is carried out. Key models of digital transformation have been identified using the example of leading private clinics.

Keywords: healthcare digitalization, transformational strategy, economic growth, non-governmental medical organizations, telemedicine, CRM systems.

Цифровая революция XXI века кардинальным образом меняет ландшафт как мировой, так и российской систем здравоохранения. Трансформация, вызванная прорывом таких технологий, как искусственный интеллект, предиктивная аналитика, телемедицинские платформы и носимые устройства, знаменует переход к новой эре — эре «медицины 4.0». Традиционная, зачастую консервативная, отрасль здравоохранения становится пространством для инноваций, где данные становятся новым стратегическим ресурсом, а алгоритмы — надежным помощником врача. Глобальные вызовы, такие как пандемия COVID-19, в период которой объем телемедицинских консультаций в России вырос более чем в 10 раз и достиг показателя около 7 млн приемов в 2021 году [1], а также рост хронических заболеваний, старение населения и растущая нагрузка на медицинский персонал, обострили необходимость поиска новых, более эффективных моделей организации медицинской помощи.

В этом контексте цифровизация выступает не просто инструментом оптимизации отдельных процессов, а ключевым драйвером парадигмального сдвига. Масштабы этого сдвига иллюстрируют следующие данные: доля медицинских организаций, использующих электронные медицинские карты (ЭМК), уже в 2022 году составила 90,2% [2]. Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) объединила более 14 тысяч медицинских организаций, а количество записей на прием к врачу в электронной форме через ЕПГУ и региональные порталы в 2023 году превысило 150 миллионов [3]. Внедрение таких технологий, как телемедицина, большие данные и искусственный интеллект, порождает новую реальность «цифрового здравоохранения», ориентированного на проактивную модель медицины. При этом государственное финансирование в рамках федерального проекта «Создание единого цифрового контура» на период до 2024 года составило более 500 млрд рублей [4], что подчеркивает стратегический приоритет данного направления.

Для частных медицинских учреждений, работающих в условиях жесткой конкуренции и ориентированных на рынок, переход к цифровым технологиям – это не просто способ повышения эффективности, а важнейшая составляющая стратегии увеличения прибыли. Эти изменения проникают во все сферы работы: от улучшения взаимодействия с пациентами до внедрения передовых методов диагностики и лечения. [5, с.1]

Цель данного исследования – анализ того, как крупные сетевые и небольшие частные клиники трансформируют свои экономические стратегии в условиях цифровизации и выявление эффективных моделей подобного преобразования.

Объекты исследования – ведущие российские НМО («МЕДСИ», «СМ-клиника», «Семейный доктор»), а также более узкоспециализированные клиники, подобные «АВС-медицине».

В основе данного исследования лежит изучение общедоступной информации, а именно: официальной отчетности медицинских организаций, контента с веб-сайтов компаний, отраслевых аналитических материалов и статей в бизнес-изданиях. Для упорядочения многообразия стратегий цифровой трансформации применялись приёмы сопоставительного анализа, обобщения и категоризации.

Переход к цифровым технологиям в частном секторе здравоохранения обусловлен рядом важных факторов:

Во-первых, увеличивающиеся требования пациентов: люди, получающие качественные цифровые услуги в других сферах, таких как торговля или банковское дело, хотят видеть такой же уровень комфорта и в медицине – возможность онлайн-записи на прием, своевременные уведомления и доступ к своей медицинской информации [6, с.25].

Во-вторых, активная конкуренция: клиники стараются внедрять новые технологичные сервисы, чтобы привлечь и удержать пациентов, тем самым усиливая конкурентную борьбу за каждого клиента.

В-третьих, стремление к повышению эффективности работы: автоматизация стандартных задач, таких как ведение расписания, обработка документов и управление складом, позволяет сократить операционные расходы [7, с.21].

В-четвертых, изменения в законодательстве: разрешение на проведение телемедицинских консультаций в России способствовало появлению новых рынков и моделей ведения бизнеса.

Основные направления цифровой трансформации можно систематизировать в виде схемы, представленной на рис.

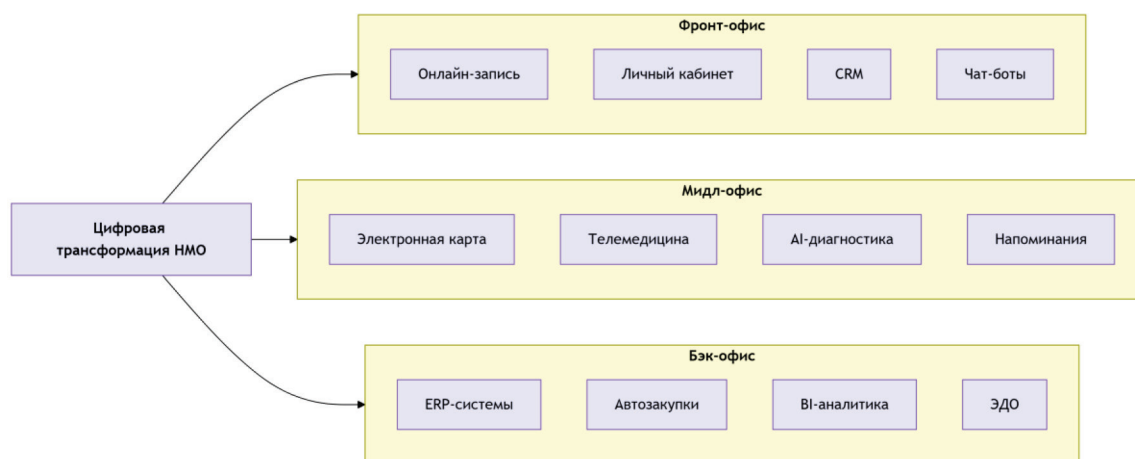

Рис. Ключевые направления цифровой трансформации НМО

Отметим, что подход к цифровизации существенно различается в зависимости от масштаба и ресурсов организации.

Влиятельные сетевые медицинские организации, такие как «МЕДСИ» и «СМ-Клиника», применяют многоуровневый подход к развитию. Они вкладывают средства в разработку собственных информационных технологий, формирующих единую систему для всех подразделений и обеспечивающих унифицированное обслуживание клиентов. Например, группа компаний МЕДСИ активно расширяет свою цифровую инфраструктуру, охватывающую мобильное приложение, централизованный контакт-центр, телемедицинскую платформу и программу поощрений.

Подобный подход позволяет собирать большие объемы данных для индивидуализации медицинских услуг и управления здоровьем населения. Последнее, в свою очередь, представляет собой перспективный источник дополнительного дохода.

Малые частные медицинские учреждения (такие как «АВС-медицина» и некоторые многопрофильные центры «МЕДСИ») придерживаются более целенаправленного и практичного подхода. Зачастую они применяют готовые облачные решения (SaaS) для таких задач, как онлайн-запись пациентов, ведение электронных медицинских карт и маркетинговые активности.

В отличие от крупных игроков, они сосредоточены не на построении масштабной экосистемы, а на оптимизации отдельных бизнес-процессов и повышении качества обслуживания клиентов в рамках своей специализации. К примеру, клиника может развернуть усовершенствованную систему уведомлений по SMS и электронной почте, чтобы уменьшить число пропущенных визитов, что положительно скажется на финансовых показателях.

В таблице ниже представлено сравнение стратегий крупных и небольших клиник.

Таблица 1.

Сравнение стратегий цифровизации крупных сетевых и небольших частных клиник

Критерий	Крупные сетевые клиники	Небольшие частные клиники
Основная цель	Создание цифровой экосистемы, удержание пациента в сети, выход на смежные рынки (УЗН, страхование).	Повышение операционной эффективности, улучшение сервиса для конкретной целевой аудитории, снижение издержек.
Подход к IT	Собственная или кастомизированная разработка, интеграция сложных систем (ERP, CRM, BI).	Использование готовых облачных решений (SaaS), минимальная кастомизация.

Ключевые технологии	Мобильные приложения, телемедицина, AI для анализа данных, предиктивная аналитика, единые кол-центры.	Онлайн-запись, простые CRM, чат-боты для первичного консультирования, email-маркетинг.
Экономический эффект	Рост LTV (пожизненной ценности клиента), синергия между филиалами, монетизация данных.	Прямой рост конверсии запросов в визиты, снижение количества неявок, оптимизация затрат на маркетинг.

Приведем конкретные примеры трансформации экономических стратегий.

ГК «МЕДСИ». Основная цель компании – создание целостного клиентского сервиса. Благодаря внедрению универсальной цифровой системы пациент может инициировать общение через приложение (запись на прием, онлайн-консультация), продолжить лечение в любом филиале нашей сети, где доктор увидит полную картину его обращений, и пользоваться онлайн-поддержкой в дальнейшем. Эти изменения ведут к переходу от модели единичных посещений к программам долгосрочного обслуживания и комплексным соглашениям с организациями. [8]

«СМ-Клиника». С акцентом на расширение дистанционной медицины, особенно во время пандемии, организация значительно повысила свои показатели. Данный подход дал возможность не только удержать доход на прежнем уровне в сложной обстановке, но и расширить клиентскую базу за счет жителей отдаленных областей. В финансовую модель была включена новая позиция – онлайн-консультации, характеризующиеся сниженными эксплуатационными расходами по сравнению с традиционным посещением врача. [9]

Клиника «Семейный доктор». Одна из старейших частных клиник Москвы активно развивает цифровые каналы коммуникации. Внедрение современной CRM-системы позволяет эффективно управлять потоками пациентов, напоминать о визитах и плановых обследованиях, что повышает повторную обращаемость. Их экономическая стратегия трансформируется в сторону углубления отношений с существующей клиентской базой. Влияние цифровых инструментов на экономические показатели представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Влияние цифровых инструментов на ключевые экономические показатели НМО

Цифровой инструмент	Влияние на экономические показатели
Система онлайн-записи и напоминаний	Снижение уровня no-show (неявок) на 15-30%, что напрямую увеличивает выручку. Экономия времени администраторов.
Личный кабинет пациента и мобильное приложение	Повышение лояльности и приверженности (compliance), рост частоты обращений (LTV). Снижение нагрузки на кол-центр.
CRM-система	Увеличение конверсии входящих заявок в визиты на 10-20%. Возможность для кросс-продаж и ап-продаж медицинских услуг.
Телемедицина	Создание нового канала монетизации. Оптимизация загрузки врачей-специалистов. Привлечение пациентов из удаленных регионов.
Электронный документооборот (ЭДО) и ERP	Сокращение расходов на бумагу, печать, архивирование. Ускорение процессов согласования и оплаты.
BI-системы (бизнес-аналитика)	Принятие управленческих решений на основе данных: оптимизация ассортимента услуг, ценовой политики, загрузки персонала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внедрение цифровых технологий коренным образом меняет экономические подходы частных медицинских учреждений. Большие сети клиник смещают акцент с предоставления разовых услуг к созданию комплексных цифровых платформ, направленных на проактивное управление здоровьем пациентов и получение прибыли за счёт анализа данных. Малые медицинские компании, напротив, внедряют цифровые решения для выборочного улучшения производительности, расширения спектра услуг и укрепления своих позиций на рынке.

Эти преобразования ведут к изменениям в ключевых экономических метриках: увеличивается ценность клиента на протяжении жизненного цикла, снижаются операционные расходы, возникают дополнительные каналы получения дохода (например, дистанционные консультации). В новой цифровой среде успех некоммерческих медицинских организаций будет зависеть не только от внедрения инноваций, но и от их интеграции в единую, ориентированную на пациента бизнес-модель.

Цитированная литература

1. Официальный сайт Министерства Здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://minzdrav.gov.ru> (дата обращения 25.01.2026)
2. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат) // Здравоохранение в России: статистический сборник, 2023. – 179 с. (дата обращения 25.01.2026)
3. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 25.01.2026)
4. Паспорт федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ» (в составе национального проекта «Здравоохранение»). Утвержден протоколом заседания проектного комитета от 21.12.2020. Официальный интернет-портал Правительства Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-sozdanie-edinogo-tsifrovogo-kontura-v-zdravoohranenii-na-osnove-egisz.pdf> (дата обращения: 25.12.2025).
5. Гульбяков Н.Р., Алексеева Н.В., Гульбякова Х.Н. Цифровизация в здравоохранении: актуальный обзор литературы// Международный научно-исследовательский журнал, 2024, с.1-8
6. Сыздыков Ж.К. Цифровизация в здравоохранении// Вестник науки и творчества, 2024, с.24-26
7. Аджиева З.И., Кубанов М.Б., Аджиева Х.М. Цифровая трансформация здравоохранения: вызовы и новые возможности// Альманах “Крым”, 2023, с.19-26
8. Официальный сайт группы компаний «МЕДСИ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.meds.ru> (дата обращения 25.01.2026)
9. Официальный сайт сети клиник «СМ-Клиника». – URL: <https://www.smclinic.ru> (дата обращения 25.01.2026)

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Оверин Георгий Максимович¹,

студент отделения Национальной экономики,

e-mail: saint-george228@mail.ru

Новикова Елена Валерьевна²,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и финансов,

e-mail: e.novikova@mtti.ru

¹РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва

²АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье отмечается, что монопрофильные города России представляют собой проблемный социально-экономический феномен, жизнеспособность которых крайне неустойчива, исследуются факторы такой неустойчивости. На основе кластерного и сравнительного анализа, PEST-подхода оценивается влияние роли МСП, инфраструктурных проектов и режимов ТОСЭР на развитие моногородов.

Ключевые слова: моногорода, диверсификация экономики, экономическая устойчивость, депопуляция, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), Фонд моногородов (ФМГ)

RUSSIA'S SINGLE-INDUSTRY TOWNS: TRENDS AND PROSPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Overin G.M.¹,

student of the Department of National Economy,

e-mail: saint-george228@mail.ru

Novikova E.V.²,

candidate of economic sciences, associate professor, Department of Economics and Finance,

e-mail: e.novikova@mmu.ru

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article notes that Russia's single-industry cities represent a vulnerable socio-economic phenomenon whose viability is highly unstable. To analyze the factors contributing to this instability, the authors employ a PEST framework based on cluster and comparative analysis, assessing the impact of small and medium-sized enterprises, infrastructure projects, and special economic zones on their development.

Keywords: single-industry towns, economic diversification; economic resilience, depopulation, territories of advanced socio-economic development (TASED), Fund of Single-industry Towns (FMG).

ВВЕДЕНИЕ

Монопрофильные города России представляют собой уникальный социально-экономический феномен, при котором жизнь города зависит преимущественно от одного градообразующего предприятия. По оценкам Минэкономразвития РФ, в России на конец 2024 года насчитывается 321 моногород с общей численностью около 12,7 млн жителей, что составляет ~9% населения России [1].

Наибольшее число моногородов расположено в промышленных регионах страны, так в Кемеровской области находятся 24 города, в Свердловской области 17 городов, в Челябинской области 16 городов [1]. Такие города вносят существенный вклад в промышленное производство (металлургию, энергетику, химпром, машиностроение, добычу ресурсов), однако их узкая отраслевая специализация обуславливает высокую уязвимость к внешним шокам.

Актуальность изучения темы обусловлена тем, что моногорода, уязвимость экономики которых и ранее была весьма высокой, на сегодняшний день в условиях экономической нестабильности и санкционных ограничений оказались точками повышенными социально-экономического риска, требующими особого внимания государства.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе современных тенденций развития моногородов с опорой на актуальные статистические данные последних лет (2020–2025 гг.), применении PEST-анализа, оценке эффективности ключевых мер государственной поддержки моногородов (режим ТОЭСР), а также предложенных подходах к стратегической диверсификации и развития данных территорий.

Цель исследования – выявить ключевые проблемы и перспективы выживания российских моногородов. Объект исследования – монопрофильные города России как особая категория муниципальных образований, предмет исследования – социально-экономические процессы и факторы, определяющие устойчивость и перспективы развития российских моногородов в современных условиях.

Исследование включает методы системного анализа статистических данных по моногородам (занятость, доходы населения, демографические показатели и др.); PEST-анализ; кластерный анализ для группировки моногородов по типам специализации и уровню социально-экономического развития, сравнительный кейс-анализ успешных и проблемных моногородов; анализ инструментов государственной поддержки.

Источниками данных послужили материалы Росстата, Министерства экономического развития РФ, Фонда развития моногородов (ВЭБ.РФ), а также экспертно-аналитические обзоры и публикации по данной тематике.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ

Моногород – это населенный пункт, экономика которого зависит от одного крупного предприятия или отрасли. Формирование большинства моногородов происходило в советский индустриальный период вокруг градообразующих заводов и комбинатов, которые выполняли не только производственную, но и социальную функцию.

В современной России критерием отнесения к монопрофильным муниципалитетам служит доля занятых на основном предприятии (выше 20% экономически активного населения) [2]. Официальный перечень делит все моногорода на три категории по степени социально-экономической устойчивости [2]. Данные Фонда развития моногородов свидетельствуют, что 2020 году только 94 российских моногорода (около 30%) имеют относительно стабильное положение (категория III), а 200 моногородов (более 60%) относятся к категориям I и II с тяжелыми социально-экономическим положением или высокими рисками его ухудшения (Таблица 1).

Исторически обусловленная отраслевая специализация российских моногородов делает их глубоко зависимыми от конъюнктуры мировых рынков. Наиболее массовый состав моногородов связан с металлургическим комплексом: на него приходится 26,3% (84 города). Внутри этой группы заметную долю формируют города черной металлургии (11,3%), цветной металлургии (7,5%), а также

центры добычи металлических руд (4,1%) и производства редких металлов (3,4%). Значительный кластер составляют города лесопромышленного профиля (11,9%) и топливно-энергетического профиля (9,4%). Города, ориентированные на машиностроение, образуют второй крупнейший кластер моногородов (18,5%), производство неметаллических продуктов (в т.ч. стройматериалы) составляет 11,6%. Наименее представлены моногорода химической промышленности (7,2%) и легкой промышленности (текстильная 3,8%), в транспортном профиле (1,3%) [4].

Таблица 1.

Классификация моногородов РФ по категориям социо-экономического положения [3]

Категория моногорода	Характеристика состояния	Количество городов
I	Тяжёлое (кризисное) социально-экономическое положение (в т.ч. проблемы в работе градообразующей организации)	94
II	Риски ухудшения социально-экономического положения	153
III	Стабильная социально-экономическая ситуация	70

Обобщая обширные данные статистики, сложившиеся ключевые черты российских моногородов можно сгруппировать по ряду базовых характеристик в важнейших сегментах экономики и социальной сферы (Таблица 2)

Таблица 2.

Ключевые социально-экономические черты российских моногородов

Рынок рабочих мест	Занятость 25–50% жителей на одном предприятии, отсутствие альтернатив на рынке труда. Риски высокой безработицы.
Доходы городского бюджета	Около 20–30% доходов местного бюджета формирует градообразующая компания. Риск высокой бюджетной зависимости от финансовых результатов деятельности градообразующего предприятия.
Конкурентные ниши бизнес-среды	Низкая сегментация бизнес – среды, МСП развито слабо, в основном в сфере торговли и услуг, что снижает экономическую устойчивость и возможности создания дополнительных рабочих мест
Социальная сфера	Высокая безработица и слабые перспективы карьерные провоцируют отток молодежи и специалистов, низкая альтернативы повышения уровня доходов создает риски социальной напряженности
Инфраструктурное обеспечение	Градообразующее предприятие как правило является собственником или оператором городской инфраструктуры (ЖКХ, жилой фонд). Это создает дополнительную финансово-экономическую нагрузку на предприятие и увеличивает зависимость города от его деятельности
Развитие технологий	Автоматизация и переход на новые материалы сокращают спрос на традиционную продукцию и рабочую силу градообразующего предприятия, снижая уровень его конкурентоспособности (например, роботизация в машиностроении; снижение спроса на уголь).

Источник: составлено авторами

Специфика отраслевой специализации моногородов делает их зависимыми от рыночной конъюнктуры, затрудняет развитие иных секторов экономики. Такая хроническая экономическая нестабильность находят свое прямое и долгосрочное отражение как нарастающей тенденция депопуляции российских моногородов, так и обуславливает снижении числа этих муниципальных образований (Рисунок).

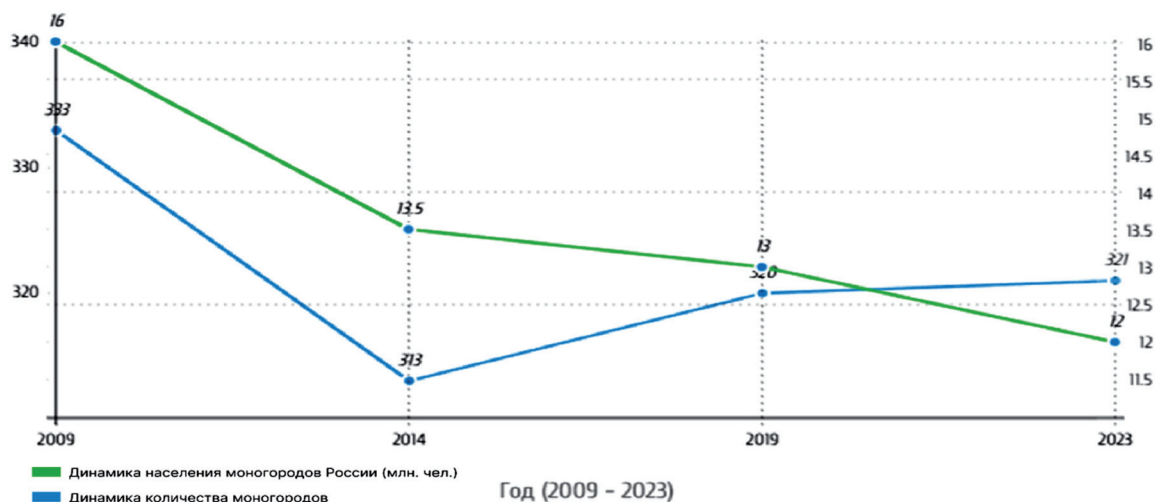

Рис. Динамика количества моногородов и их населения (2009–2023 гг.)

Источник: составлено авторами на основе [1], [4]

По данным статистики в 2009 г. насчитывалось 358 моногородов с суммарным населением около 16 млн человек, однако после пересмотра критериев к 2014 г. в официальном перечне осталось 313 (позже расширенном до 321) монопрофильных муниципалитетов. Одновременно общая численность их населения снизилась с ~16 до 13,7 млн (за счет исключения части городов из списка и миграционного оттока). В дальнейшем число моногородов оставалось стабильным (~320), а население продолжило медленно сокращаться – до 12,7 млн человек к 2025 году.

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНОГОРОДОВ, ВЫЯВЛЕННЫЕ ЧЕРЕЗ PEST – АНАЛИЗ

Для системного понимания внешних влияний на развитие монопрофильных городов проведем краткий PEST-анализ, выделив ключевые проблемные тенденции в четырех областях: политико-правовой, экономической, социокультурной и технологической.

Политико-правовая среда: Государство осознает уязвимость моногородов формирует отдельный контур их поддержки. (Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года (с прогнозом до 2036 года)). Ключевые инструменты поддержки – льготные налоговые режимы на базе ТОЭСР(ТОР), инфраструктурные проекты, закреплённые в периметре ВЭБ.РФ. С 2020 года Минэкономразвития обсуждает переход от универсальной поддержки моногородов к адресной, с планами сокращения перечня моногородов для концентрации ресурсов поддержки на наиболее проблемных территориях. Таким образом к 2030 году статус моногорода станет действенным инструментом антикризисного вмешательства, в то время как города с позитивной социально-экономической динамикой (успешные города) будут выходить из данного перечня.

Экономическая среда: Моногорода зависимы от конъюнктуры одной отрасли. Сырьевые циклы (спад цен на металл, уголь или нефть) напрямую влияют на градообразующие предприятия, вызывая сокращение производства и увольнения персонала. Международные санкции и торговые ограничения заметно лишают моно-компании рынков сбыта или доступа к технологиям. Инвестиционный климат в моногородах традиционно сложный, частные инвесторы опасаются высоких рисков, поэтому основные инвестиционные вложения осуществляются на базе инструментов господдержки (индустриальные парки, ТОСЭР). Экономический кризис 2014–2015 гг. и пандемия 2020 г. продемонстрировали, что падение валового продукта российских моногородов было значительно

глубже общероссийского ВРП, а восстановление проходило медленнее, что свидетельствует о значительных структурных диспропорциях экономики.

Социальные факторы: для моногородов характерны устойчивые негативные социально-демографические тренды – отток населения, особенно молодежи и квалифицированных специалистов, старение оставшихся жителей. Уровень безработицы в 2023 г. в 20 моногородах чем вдвое превышал средний уровень безработицы по стране. В целом более 200 из 321 моногорода (более 60%) официально отнесены к группам с тяжелой ситуацией на рынке труда и низкими доходами населения. Эффект монополии (единственный работодатель) градообразующей компании привел к тому, что в 70% моногородов средние заработные платы ниже средних по региону, что ограничивает потребительский спрос и усиливает отставание уровня жизни. Социальная инфраструктура во многих моногородах изношена, это снижает привлекательность жизни в городе и побуждает молодежь уезжать, образуя замкнутый круг: отток кадров мешает приходу новых инвесторов и запуску новых производств, что ведет к дальнейшей стагнации.

Технологические факторы: износ основных фондов, отставание технологий снижают конкурентоспособность продукции градообразующих предприятий. Одновременно цифровизация и развитие связи способны частично нивелировать территориальную изоляцию: появление высокоскоростного интернета, дистанционных сервисов и онлайн торговли дают шанс малому бизнесу моногородов подключиться к широкой экономике. Инновации могут породить новые ниши, например развитие возобновляемой энергетики создает спрос на переобучение персонала и развитие смежных сервисов даже в традиционных индустриальных центрах. В ряде моногородов появляются технопарки и центры компетенций (как в Тольятти технопарк «Жигулёвская долина» для ИТ-сектора), призванные привлечь современные производства. Однако уровень технологий в моногородах отстает от крупных агломераций, а утечка мозгов усложняет внедрение инноваций.

Полярные траектории социально-экономического развития моногородов

Проведенный сравнительный анализ ключевых показателей выявил разницу значительную разницу между проблемными и относительно благополучными моногородами. Эту разницу наглядно иллюстрирует сроненные траекторий развития крупнейших российских моногородов – Тольятти и Норильска (Таблица 3).

Тольятти (кризисный сценарий) – город с населением около 668 тыс. человек (на начало 2024 г.) и исторически высокой зависимостью от автопрома (ПАО «АвтоВАЗ»). После 2010-х гг. город неоднократно проходил через волны перестройки и оптимизации в отрасли, что отразилось на рынке труда и динамике доходов населения: средняя начисленная заработная плата в 2023 г. составила примерно 59–60 тыс. руб. Доля АвтоВАЗа в формировании занятости заметно снизилась и составляет не текущий момент порядка 16%, однако зависимость экономики города от конъюнктуры автопрома остаётся значимой, а альтернативные отрасли (сфера услуг, логистика, отдельные виды переработки) развиваются недостаточно, чтобы полностью компенсировать отраслевые шоки. В итоге Тольятти продолжает терять население: фиксируются и естественная убыль, и миграционный отток, что сохраняет уязвимость города перед новыми кризисами.

Норильск (успешная специализация) – город относится к стабильной категории моногородов. На начало 2024 г. численность постоянного населения составила около 177 тыс. человек. Градообразующий комплекс компаний «Норникель» (цветная металлургия) обеспечивает доминирующую занятость – 54% трудоспособного населения. Предприятия комплекса работают

устойчиво, регистрируемая безработица крайне низкая, а уровень оплаты труда один из самых высоких – среднемесячная заработная плата в 2023 г. составляла порядка 163–164 тыс. руб. Значительные ресурсы направляются на поддержание городской инфраструктуры и социальной сферы. Такая социально-экономическая динамика компенсирует условия сурового климата и обеспечивает положительное миграционное сальдо.

Таблица 3.

Социально-экономические показатели проблемного и благополучного моногорода

Показатель	г. Тольятти (Самарская обл.)	г. Норильск (Красноярский край)
Население (2021), тыс. чел.	668	177
Категория (зона) моногорода	«красная» (наиболее сложное положение)	«зелёная» (стабильная)
Градообразующая отрасль	Автомобилестроение	Цветная металлургия
Доля градообразующего предприятия в занятости, %	~17%	54% («Норникель»)
Среднемесячная зарплата, тыс. руб. (2023)	~59,5	163,6
Естественный прирост, на 1000 жит. (2023)	–5,7	+5
Миграционное сальдо, на 1000 жит. (2023)	–2,8	+5,3

Источник: составлено авторами на основе [4], [5], [6], [7]

Таким образом, очевидно, что среди моногородов есть полярные случаи: одни сумели достичь относительной стабильности и высокого уровня доходов (как г. Норильск), другим же грозят структурные кризисы (как г. Тольятти). В большинстве монопрофильных российских городов ситуация ближе к тольяттинскому сценарию, то есть характеризуется стагнацией доходов, рисками на рынке труда и демографической убылью. Лишь ~28–30% моногородов (такие, как Норильск, Череповец, Нижний Тагил) можно считать относительно устойчивыми по совокупности показателей [8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения проблем моногородов государство запустило ряд программ поддержки. Ключевым инструментом стал механизм территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Статус ТОСЭР предоставляет моногороду льготы для инвесторов: сниженные налоги, страховые взносы, облегченные административные процедуры. Эти меры призваны стимулировать приход новых предприятий, не связанных с градообразующим, и создать новые рабочие места. По состоянию на декабрь 2025 г. режим ТОСЭР действует в 84 моногородах России. Сроки функционирования большинства из них рассчитаны до 2028–2032 гг. На господдержку по-прежнему смогут рассчитывать моногорода с наиболее острыми проблемами, в частности где уровень безработицы за 3 года более чем вдвое превышает среднероссийский (сейчас это 20 городов). Напротив, города, сумевшие диверсифицировать экономику, будут выведены из списка моногородов в 2026 году (~75 населенных пункта). Такое сокращение перечня моногородов должно повысить адресность поддержки и не распылять ресурсы на относительно благополучные муниципалитеты [8].

Деятельность Фонда развития моногородов (ФРМ), интегрированного в госкорпорацию ВЭБ.РФ, играет значительную роль в запуске проектов диверсификации экономики моногородов. По данным ВЭБ, за 2014–2023 гг. Фонд получил финансирование в размере 36,5 млрд руб. государственных субсидий, что позволило реализовать инфраструктурные и инвестиционные проекты во многих моногородах. В результате, в экономику моногородов удалось привлечь свыше 234,7 млрд руб. инвестиций (в 2014–2022 гг.) и создать более 34,4 тыс. новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий. В рамках такой поддержки в моногородах построено или модернизировано 91 объект инфраструктуры (дороги, сети, соцобъекты) в 39 моногородах и создано 10 промышленных парков, существенно расширен рынок рабочих мест [8], [9].

Эффект от введения ТОСЭР и концентрации проектных усилий на развитии проблемных и кризисных территорий на сегодняшний день довольно ощутим: замедлилась деиндустриализация ряда городов, появились новые рабочие места вне градообразующих отраслей, стабилизировались показатели занятости. Однако до сих пор более половины моногородов по-прежнему испытывают острый дефицит частных инвестиций, и экономика остается хрупкой. Государство фактически стало основным драйвером развития моногородов, и без продолжения такой поддержки многие города рискуют вновь столкнуться с кризисными явлениями. В этой связи важнейшим направлением становится разработка стратегий устойчивого развития моногородов, сочетающих экономическую диверсификацию с улучшением качества жизни населения.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ И УЛУЧШЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Результаты анализа подтверждают, что диверсификация экономики – ключевое условие устойчивого будущего моногородов. Стратегически возможны несколько сценариев развития моногородов:

- 1) диверсификация (создание новых отраслей),
- 2) перепрофилирование города (например, в туристический центр),
- 3) модернизация градообразующего предприятия с «точечным» развитием вокруг него,
- 4) ликвидация (переселение жителей) – крайний случай

Очевидно, что ликвидация – это нежелательный сценарий, несущий колоссальные социальные издержки, поэтому целесообразно сделать акцент на первых трех направлениях.

Практические рекомендации для диверсификации должны учитывать специфику каждого города. Исследования (например, методика И. Манаевой). предлагают выявлять конкурентные преимущества территории и встраивать моногород в региональные кластеры, формируя новые производственно-сбытовые цепочки [10]. В одних случаях перспективно создание новых промышленных кластеров на базе местного сырья или кадров (например, глубокой переработки древесины в лесных моногородах, производства стройматериалов в городах возле карьеров и пр.). В других случаях целесообразен переход в принципиально иную сферу – развитие сервиса, логистики или туризма (опыт лучших практик: г. Шерегеш, г. Байкальск, г. Выкса).

Важнейшую роль в поддержании моногородов играет привлечение инвестиций и развитие МСП. Развитие малого и среднего предпринимательства способно создать рабочие места и снизить монополию градообразующей фирмы. Опыт города Череповец показал, что при муниципальных льготах и помощи крупного завода в выращивании подрядчиков количество малых предприятий растет, заполняя рыночные ниши. Реализация программы развития МСП в Череповце в партнёрстве

с компанией «Северсталь» позволила увеличить число субъектов МСП в городе на 2000 за 15 лет [11]. Очевидна эффективность применения механизмов льготного кредитования МСП, льготной аренды помещений, квоты для местных МСП в закупках градообразующих компаний, поддерживать самозанятость.

Параллельно необходимо совершенствовать социальную инфраструктуру и развивать человеческий капитал в моногородах. Без качественных условий жизни удержать население и привлечь инвесторов сложно. В первую очередь, требуется рост жилищного строительства, модернизация ЖКХ и объектов социальной сферы (обновление больниц, школ, детских садов, домов культуры, спортивных комплексов).

Во-вторых, следует усилить инвестирование в образование и переобучение, а именно открывать центры опережающей профподготовки, корпоративные университеты при предприятиях, развивать партнерские программы между заводами и вузами/колледжами. Это позволит готовить кадры под новые проекты на местах и повышать квалификацию действующих работников. (опыт лучших практик: г. Выкса (Нижегородская обл.), где строится корпоративный университет для обучения сотрудников металлургического завода новым навыкам). Подобные проекты укрепляют человеческий капитал и повышают конкурентоспособность территорий.

Отдельно стоит отметить развитие туризма и событийного потенциала моногородов как направление диверсификации (опыт лучших практик: г. Чебаркуль (Челябинская обл.), где после падения метеорита в 2013г. появились «метеоритные туры», привлекающие туристов; вслед за развитием туризма в городе стал расширяться выпуск местной продукции (например, молочных продуктов; г. Выкса . где проводится ежегодный фестиваль современного искусства «Арт-овраг», прославивший город среди художников и туристов; что повысило его культурный статус и придало импульс развитию сферы услуг) [12]. Приведенные примеры показывают, что креативные индустрии и туризм могут стать точками роста даже для индустриальных провинциальных городков, если грамотно использовать местные особенности и историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенное исследование подтверждает, что монопрофильные города России находятся на переломном этапе своего развития. В современных условиях, опосредованных как факторами внешней среды, так и внутренними проблемами, диверсификация экономики и комплексное развитие инфраструктуры являются безальтернативными направлениями обеспечения устойчивости моногородов. Меры государственной поддержки (ТОСЭР, ФМГ) на протяжении последних лет показали свою эффективность по сдерживанию кризисных явлений и точечной стимуляции диверсификации территориальных экономик, однако их усилий и масштаба недостаточно для системного решения проблем более 300 городов.

Будущее моногородов должно быть нацелено на переход от политики «поддержки выживания» к стратегии комплексного территориального развития, основанного на трех важнейших принципах:

1. Адресность – концентрация ресурсов на наиболее проблемных городах
2. Партнерство – синергия усилий государства крупного бизнеса и местных сообществ.
3. Инвестиции в человека – повышение качества городской среды и возможностей для самореализации населения (особенно молодежи).

Цитированная литература

1. Моногорода. Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/razvitie_gorodov/monogoroda/ (дата обращения: 11.01.2026).
2. О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. – URL: <http://government.ru/docs/14049/> (дата обращения: 11.01.2026).
3. О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 № 1398-р. Правительство России. – URL: <http://government.ru/docs/all/92337/> (дата обращения: 11.01.2026).
4. Аналитический доклад института комплексных стратегических исследований (ИКСИ). – URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
5. Сколько людей работает на АВТОВАЗе. – URL: <https://лада.онлайн/auto-news/autovaz/41815-skolko-ljudej-rabotaet-na-avtovaze-v-seredine-2025-goda.html> (дата обращения: 01.02.2026).
6. Предварительные итоги социально-экономического развития городского округа. – URL: https://tgl.ru/files/files/1.-predvarit_itogi-2023-g-duma_file_1699597915.pdf (дата обращения: 09.02.2026).
7. Норильск 2024. – URL: https://норильск.пф/open_budget/files/sb_1_27042024.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
8. Извините, дальше сами: 7 моногородов Татарстана пролетели мимо федеральных денег. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/687005> (дата обращения: 10.02.2026).
9. Поддержка моногородов. – URL: <https://вэб.пф/podderzhka-monogorodov/> (дата обращения: 10.02.2026).
10. Манаева И.В. Методический инструментарий разработки сценариев социально-экономического развития моногорода. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2014 (дата обращения: 10.02.2026).
11. Агентство Городского Развития. – URL: <https://agr-city.ru/userfiles/files/AGR%20v%20litcah.pdf>
12. Миллионы россиян живут в депрессивных моногородах: исследование. – URL: <https://tochnost/materials/milliony-rossiyan-zhivut-v-depressivnykh-monogorodakh-kotorye-poyavilis-eshche-vo-vremena-sssr-ikh-pytayutsya-ozhivit-no-poka-poluchaetsya-ne-ochen-sovmestnoe-issledovanie-esli-byt-tochnym-i-resh> (дата обращения: 10.02.2026).

ЗАЧЕМ НУЖНЫ РЕЙТИНГИ УМНЫХ ГОРОДОВ

Тищенко Илья Иванович¹,

аспирант кафедры Экономики и финансов,

e-mail: qpwoeirutygg@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются функции и эффекты рейтингов умных городов как инструмента оценки цифрового развития территорий. На основе анализа международных индексов и российских данных показывается, как рейтинги используются для мониторинга цифровой трансформации, бенчмаркинга, настройки городской политики, привлечения инвестиций и оценки вклада цифровизации в экономику.

Ключевые слова: умный город, цифровая трансформация, рейтинги городов, индексы умных городов, цифровая экономика, Москва, региональное развитие

WHY SMART CITY RATINGS MATTER

Tishchenko I.I.¹,

postgraduate student of the Department of Economics and Finance,

e-mail: qpwoeirutygg@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The paper examines the functions and effects of smart city ratings as a tool for measuring digital development of territories. Based on international indices and Russian data, it shows how ratings are used for monitoring digital transformation, benchmarking, adjusting urban policy, attracting investment and assessing the economic impact of digitalization.

Keywords: smart city, digital transformation, city ratings, smart city indices, digital economy, Moscow, regional development

ВВЕДЕНИЕ

Когда москвич за несколько минут через mos.ru записывается к врачу, оплачивает услуги ЖКХ или продлевает льготы, когда петербуржец с помощью городского приложения платит за парковку или отслеживает автобус, когда лондонец получает уведомления о движении транспорта, а житель Сингапура через SingPass открывает доступ к госуслугам и медицинским данным, эти повседневные действия формируют цифровой профиль города. Из них собираются показатели удобства, доступности, скорости и качества сервисов, зрелости инфраструктуры и эффективности управления. На их основе затем рассчитываются баллы и позиции в национальных и международных рейтингах умных городов.

За последнее десятилетие международные индексы умных городов – такие как IMD Smart City Index и IESE Cities in Motion – превратились в де-факто стандарт сопоставления цифровой зрелости крупных городов, а специализированные наборы индикаторов устойчивых умных городов предлагают таксономии для самооценки и ориентации на цели устойчивого развития. Для российских мегаполисов, в том числе Москвы, участие в этих системах оценки накладывается на национальные рейтинги цифровой зрелости и индекс IQ городов, формируя сложную, но потенциально полезную матрицу внешних и внутренних ориентиров.

Цель исследования – показать, зачем городской и региональной экономике нужны рейтинги умных городов, на каких наборах индикаторов они строятся и как могут использоваться для принятия управленческих решений на примере Москвы и сопоставимых мегаполисов. Объект исследования – системы рейтинговой оценки умных городов. Предмет исследования – функции и практические эффекты применения этих рейтингов в контексте цифровой трансформации городских экономик.

В российской и зарубежной литературе рейтинги умных городов рассматриваются как инструмент оценки не только технологической насыщенности, но и качества городской среды, управленческой эффективности и устойчивости. Российские работы подчёркивают необходимость совершенствования показателей и методики ранжирования, чтобы рейтинги лучше отражали реальные результаты цифровизации и специфику городов разного масштаба. [1; 2]

Международные методики опираются на близкие по логике, но различающиеся по структуре наборы показателей. В IESE Cities in Motion используется система из девяти измерений и более ста индикаторов, охватывающих человеческий капитал, экономику, технологии, управление, окружающую среду и мобильность. IMD Smart City Index комбинирует статистические данные с опросами жителей по ключевым аспектам городской жизни, нормируя результаты за несколько лет и формируя агрегированную оценку цифровой зрелости. [6; 7]

Таблица 1

Сравнение основных рейтингов умных городов [6; 7]

Показатель	IMD Smart City Index	IESE Cities in Motion	Подход к устойчивости
Число городов	≈140–150	≈180	Включение блоков качества жизни и среды
Тип данных	Статистика + опросы	Статистика, открытые данные	Статистика, экспертные оценки
Основной фокус	«Ощущаемая» умность и услуги	Комплексная конкурентоспособность	Интеграция технологических и устойчивых аспектов

Параллельно развиваются подходы, которые прямо увязывают рейтинговые оценки с устойчивым развитием. В исследованиях по интегрированным показателям устойчивости умных городов и сравнении smart и sustainable city подчёркивается необходимость учитывать вклад цифровых решений в экологические и социальные результаты, а не только в удобство и скорость сервисов. Новые таксономии индикаторов предлагают группировку показателей по блокам, связанным с ресурсной эффективностью, качеством среды и устойчивостью инфраструктуры. [3; 5]

На национальном уровне рейтинги умных городов опираются на Стандарт «Умного города» и индексы цифровизации городского хозяйства, где выделяются базовые и дополнительные показатели по направлениям транспорт, ЖКХ, городская среда, безопасность, управление, социальные услуги. Индекс IQ городов использует эту базу для сопоставления регионов и городов и служит ориентиром для распределения федеральной поддержки и оценки эффективности местной цифровой политики.

Для Москвы рейтинговое позиционирование складывается из сочетания международных и национальных оценок. В материалах аналитического центра города фиксируется устойчивое присутствие Москвы в верхних эшелонах глобальных smart city-индексов, а также высокие позиции в российских рейтингах умных городов и индексе цифровизации городского хозяйства. Отдельные

исследования выделяют Москву и в региональных рейтингах умных городов стран СНГ и БРИКС+, где она уступает лишь таким эталонам, как Сингапур. [8; 17]

При этом глобальные отчёты и национальные источники сходятся в том, что ключевой вклад в рейтинги дают массовые цифровые сервисы для населения и бизнеса. На портале mos.ru и связанных с ним платформах доступно свыше 380–400 онлайн-услуг и сервисов; число обращений исчисляется сотнями миллионов в год, а совокупно за период существования – миллиардами операций. Масштаб регистраций приближается к численности населения, что показывает реальное, а не формальное принятие цифровых каналов. [9; 10]

Таблица 2

Иллюстративные показатели цифровых сервисов Москвы [8; 9]

Показатель	Оценочный уровень
Число онлайн-услуг на mos.ru	>380–400
Обращения к сервисам в год	Сотни миллионов
Совокупные обращения	Несколько миллиардов
Зарегистрированные пользователи	Близко к численности населения

Перенос значительной части операций в онлайн сокращает потребность в визитах в офисы и МФЦ, уменьшает нагрузку на транспортную сеть и фронт-офисные подразделения, снижает время ожидания и издержки для домохозяйств и бизнеса. Даже при консервативной оценке выигрыша времени на одну транзакцию совокупный эффект измеряется десятками миллионов часов в год, что в денежном выражении сопоставимо с крупными инфраструктурными проектами и объективно отражается в показателях цифровой зрелости города. [9; 12]

Дополнительный вклад в рейтинги вносят цифровые платформы для бизнеса и контрактная инфраструктура города. Электронные закупочные площадки и сервисы для поставщиков обеспечивают рост числа участников и объёмов контрактов, расширяют доступ малого и среднего бизнеса к государственным и квазирыночным заказчикам, повышают конкуренцию и снижают транзакционные издержки. Для Москвы эти параметры фиксируются и в национальных рейтингах умных городов, и в специализированных исследованиях, где город стабильно рассматривается как один из лидеров по цифровизации взаимодействия с бизнесом. [1; 13]

Отдельный аспект рейтингов – их связь с инновационной экосистемой и ИКТ-сектором. В глобальных индексах учитываются показатели числа высокотехнологичных компаний, стартапов, объёмов инвестиций и развитости инфраструктуры, а в российских работах подчёркивается необходимость интеграции этих индикаторов в национальные рейтинги умных городов. Для Москвы в официальной статистике и аналитических материалах отмечается концентрация технологического бизнеса и значительная доля ИКТ в структуре экономики, что напрямую поддерживает высокие оценки по блокам «экономика» и «технологии». [6; 8]

Современные методики включают в состав индексов показатели устойчивости и рисков: безопасность, доступность городской среды, состояние инфраструктуры, социальную сплочённость. Это позволяет использовать рейтинги не только как срез уровня цифровизации, но и как инструмент раннего выявления дисбалансов и оценки того, насколько цифровые решения действительно повышают устойчивость городской системы. [3; 4]

Значение рейтингов усиливается, когда речь идёт об оценке вклада цифровизации в экономику. В случае Москвы рост ИКТ-сектора, масштаб цифровых сервисов и высокие позиции в глобальных и национальных smart city-рейтингах наблюдаются одновременно, что создаёт основу для анализа взаимосвязей между структурой цифровой экономики, поведением пользователей и агрегированными индексными оценками. Такие оценки удобны для межгородских сопоставлений и стратегического планирования, но требуют осторожной интерпретации и опоры на внутренние статистические ряды. [6; 14]

При этом необходимо учитывать методические ограничения. Различия в наборах показателей и весах, неоднородность качества и доступности данных, использование экспертных оценок повышают неопределённость и могут приводить к разным трактовкам положения одного и того же города. Отдельные исследования российских рейтингов указывают на необходимость корректировки весов и структуры показателей, чтобы оценки лучше отражали специфику территорий и реальные эффекты цифровизации. [1; 2]

Поэтому рейтинги целесообразно рассматривать как надстройку над собственной системой показателей, а не как единственный ориентир. Оптимальная практика – сопоставлять внешние индексные оценки с внутренней панелью метрик, отражающих экономию времени, производительность, качество городской среды и устойчивость, и увязывать их с национальными стандартами и методиками оценки цифровизации городского хозяйства. Для российских городов такая роль отводится Стандарту «Умного города» и индексу цифровизации городского хозяйства, которые задают базовые требования к данным и структуре показателей. [12; 15]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рейтинги умных городов совмещают аналитическую, управленческую и коммуникативную функции. Они задают внешнюю шкалу мониторинга цифровой трансформации, обеспечивают бенчмаркинг и поиск эффективных решений, помогают обосновывать приоритеты инвестиций и служат сигналом для внешних стейкхолдеров. [6; 11]

Московский пример показывает, что высокие позиции в smart city-индексах сочетаются с крупными количественными изменениями – в использовании цифровых услуг, развитии контрактных платформ, росте ИКТ-сектора и расширении инновационной экосистемы. В этом смысле рейтинги можно рассматривать как сжатый индикатор структурных сдвигов в городской экономике и цифровой зрелости, а не только как имиджевый инструмент.

В итоге ответ на вопрос, зачем нужны рейтинги умных городов, состоит в том, что при прозрачной методике и увязке с внутренними показателями они переходят от роли внешней витрины к роли элемента системы управления. Они позволяют связывать цифровые проекты с измеримыми эффектами в терминах времени, затрат, производительности и устойчивости и использовать сравнительный анализ для укрепления цифровой конкурентоспособности городов и повышения качества городской среды.

Цитированная литература

1. Абрамов С.Ю. Рейтинг умных городов в России // Наука и мир. – 2024. – № 7 (131). – URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewById/2019685>
2. Лясковская Е.А., Худякова Т.А., Шмидт А.В. Совершенствование рейтинга российских умных городов // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 1046–1061. – URL: <https://economyofregions.org/ojs/index.php/er/article/view/396>

3. *Abu-Rayash A., Dincer I.* Development of integrated sustainability performance indicators for better management of smart cities // *Sustainable Cities and Society*. – 2021. – Vol. 67. – Article 102704. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2210670720309185>
4. *Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen M.* What are the differences between sustainable and smart cities? // *Cities*. – 2017. – Vol. 60. – P. 234–245. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275116302578>
5. *Pira M.* A novel taxonomy of smart sustainable city indicators // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2021. – Vol. 8, no. 1. – P. 1–10. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-021-00879-7>
6. *IESE Cities in Motion Index 2024*. Technical Report ST-0649-E. – Barcelona: IESE Business School, University of Navarra, 2024. – URL: <https://www.iese.edu/media/research/pdfs/ST-0649-E.pdf>
7. *Methodology. IMD Smart City Index 2025* // *IMD World Competitiveness Center*. – 2025. – URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/methodology/>
8. *Moscow in rankings* // *Analytics Center of Moscow*. – 2025. – URL: <https://en.ac-mos.ru/rankings/>
9. Официальный портал Мэра Москвы и Правительства Москвы. – URL: <https://www.mos.ru>
10. Более 380 онлайн-услуг доступны на портале мэра Москвы // *Управа района Москворечье-Сабурово*. – URL: <https://moskvoreche-saburovo.mos.ru/presscenter/news/detail/10237290.html>
11. *IESE Business School. Cities in Motion Index – Report Archive*. – URL: <https://www.iese.edu>
12. IQ городов. Индекс цифровизации городского хозяйства регионов России за 2024 год // *ICT.Moscow*. – 2025. – URL: <https://ict.moscow/analytics/iq-gorodov-indeks-tsifrovizatsii-gorodskogo-khoziaistva-regionov-rossii-za-2024-god/>
13. Рейтинг умных городов 2025 года // *ICT.Moscow*. – 2025. – URL: <https://ict.moscow/analytics/reiting-umnykh-gorodov-2025/>
14. *Smart City Index 2020. IMD Smart City Index – Moscow results* // *ICT.Moscow*. – 2020. – URL: <https://ict.moscow/en/research/smart-city-index-2020/>
15. Москва заняла второе место в рейтинге умных городов мира Kept // *IT Channel News*. – 2025. – URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=191477>
16. Рейтинг «умных» городов стран СНГ и БРИКС+ – Москва вторая после выступившего вне конкурса Сингапура // *D-Russia.ru*. – 2025. – URL: <https://d-russia.ru/rejting-umnyh-gorodov-stran-sng-i-briks-moskva-vtoraja-posle-vystupivshego-vne-konkursa-singapura.html>
17. Рейтинг умных городов // *Kept*. – 08.10.2025. – URL: <https://kept.ru/news/rejting-umnykh-gorodov-2025/>

УДК 159.99

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТРУДОГОЛИЗМА СРЕДИ ПЕДАГОГОВ И СОТРУДНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Алигаева Нигар Назимовна¹,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии,
e-mail: n.aligaeva@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлена актуальность темы исследования, связанной с внедрением методов профилактики трудоголизма в образовательной среде. Анализируются психологические и организационные подходы, их эффективность и возможности внедрения. Предложены рекомендации по формированию здорового профессионального поведения и поддержанию баланса между работой и личной жизнью.

Ключевые слова: трудоголизм, профилактика, высшее образование, педагогические кадры, психологические методы, организационные подходы, стрессоустойчивость.

MODERN METHODS OF PREVENTING WORKAHOLISM AMONG TEACHERS AND STAFF OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Aligaeva N.N.¹,

Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Pedagogy and Psychology,
e-mail: n.aligaeva@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

This article highlights the relevance of the research topic related to the implementation of workaholism prevention methods in the educational environment. It analyzes psychological and organizational approaches, their effectiveness, and the potential for implementation. Recommendations for fostering healthy professional behavior and maintaining a work-life balance are offered.

Keywords: workaholism, prevention, higher education, teaching staff, psychological methods, organizational approaches, stress resilience.

Современная система высшего образования предъявляет высокие требования к педагогам и сотрудникам вузов. Постоянная нагрузка, необходимость выполнения многочисленных задач, стрессовые ситуации и недостаток времени на отдых способствуют развитию трудоголизма – патологического увлечения работой, которое негативно влияет на здоровье, качество жизни и профессиональную деятельность. В условиях растущей конкуренции и необходимости повышения эффективности образовательного процесса профилактика трудоголизма становится важной задачей для руководства вузов и специалистов в области психологии труда.

Согласно данным Интернет-портала «Российской газеты» на май 2024 г. аналитики сервиса «Работа.ру» провели опрос среди более чем 3,5 тысяч россиян и выяснили, что 31% респондентов считают себя трудоголиками. Дополнительно, 36% опрошенных признались, что время от времени проявляют склонность к трудоголизму. Исследование также выявило гендерное различие: среди трудоголиков женщин (40%) оказалось больше, чем мужчин (31%). В то же время, треть опрошенных (33%) полностью отрицают наличие у себя черт трудоголика [1].

В последние годы в научной литературе появляется все больше исследований, посвященных разработке и внедрению современных методов профилактики трудоголизма и эмоционального выгорания: П.В. Безирганян (2022), Е.В. Григорьева (2022), Л.К. Киркалова (2020), Е.И. Клычкова (2023), О.Е. Легошина (2024), В.Д. Матлаш (2022), К.В. Мягкова (2020), О.Г. Павленко (2023), Н.Г. Петрова (2022), Л.А. Филимонюк (2022), Н.Р. Хакимова (2022), О.А. Чебыкина (2024) и другие. Их исследования подчеркивают, что своевременная профилактика – это не роскошь, а необходимость для поддержания психического и физического здоровья педагогов.

Целью данной статьи является систематизация методов профилактики трудоголизма среди сотрудников вузов и предложение рекомендаций по их практическому применению в условиях высшего образования. Для достижения поставленной цели использовался метод анализа научной литературы и нормативных документов по изучаемой проблеме.

Выполнение определенных видов работ в образовательной сфере требует соблюдения временных рамок как обучающимися, так и преподавателями. Например, промежуточная аттестация требует установления строгих сроков. Это обеспечивает организованность учебного процесса, позволяет своевременно оценить прогресс студентов и выявить возможные проблемы. Соблюдение сроков способствует развитию ответственности у обучающихся и преподавателей, а также помогает планировать дальнейшие этапы обучения и подготовку к итоговым экзаменам. Нарушение установленных временных рамок может привести к задержкам в учебном процессе, снижению качества образования и стрессовым ситуациям для всех участников образовательного процесса. Именно поэтому у них отмечается высокий риск развития ощущения постоянной нехватки времени [2].

Исследователи И.Н. Ефремкина, А.В. Сидорова называют людей с сильной, навязчивой потребностью в достижении «ургентными аддиктами». Им приписывают черты фантастов, поскольку они видят идеальное будущее, где все их цели достигаются без усилий. Люди, способные много работать и быстро продвигаться по карьерной лестнице, со временем могут утратить осознание собственной индивидуальности и своего места в обществе, полностью погрузившись в профессиональные проблемы и задачи, которые только множатся [3, с. 650].

Чрезмерное стремление к быстрому выполнению задач и высокой продуктивности в образовательной сфере может привести к ухудшению качества работы у всех участников образовательного процесса, развитию трудоголизма, нездорового отношения к работе, эмоционального выгорания, а в дальнейшем – профессиональной деформации [2].

Как отмечают С.В. Мурафа, Н.Н. Баркова, А.В. Карпенко эмоциональное выгорание может быть вызвано комплексом причин, которые были сгруппированы в пять основных категорий:

- личностные предпосылки: индивидуальные черты человека, такие как высокая эмпатия, сильная увлеченность работой, склонность к агрессии, выраженные акцентуации характера и специфические стратегии преодоления стресса;
- ролевые дилеммы: проблемы, связанные с профессиональной деятельностью, включая противоречивость или неясность должностных инструкций, социальное сравнение с коллегами и отсутствие необходимой поддержки в коллективе;
- организационные условия: факторы, обусловленные внутренней структурой и управлением организации, такие как неопределенность в сроках, содержании и оценке труда, а также кадровая политика и характер взаимоотношений с руководством;

- экзистенциальные переживания: глубинные проблемы, связанные с самооценкой и местом человека в обществе, такие как отсутствие чувства собственной ценности, трудности в принятии ценности других, ощущение социальной уязвимости и переживание несправедливости;

- мотивационные сдвиги: изменения в системе мотивации, когда внешние стимулы (например, оплата труда) начинают преобладать над внутренними, приводя к неудовлетворенности работой, невозможности реализовать карьерные амбиции и несоответствию ожиданий реальности [4, с.109].

Схожие результаты были выявлены в исследовании Г.К. Сланбековой, С. Solheim, А.У. Нусиповой, А.Р. Мандыкаевой, А.М. Тургумбаевой, изучавших эмоциональное выгорание педагогов казахстанских высших учебных заведений. Было выявлено, что среди организационных факторов испытуемые отмечают «неравномерность и нерациональность распределения рабочей нагрузки на осуществление преподавательской, общественной и научно-исследовательской деятельности» [5, с. 214]. Среди иных факторов выделяются сложные отношения с руководством и коллегами, неорганизованная система обмена информацией, приводящая к задержкам в принятии решений, недостаточная координация между коллегами, нарушение доверия и согласованности в организации, стили руководства (личная опека, без правил и ограничений, автократия, диктаторский, чрезмерная систематичность), которые негативно сказываются на производительность, мотивацию и общий климат в организации, недостаток возможностей для профессионального роста внутри организации (нет вариантов для повышения, расширения круга задач и зон ответственности, обучения и развития) [5, с. 215].

В исследовании, проведенном Н.Р. Хакимовой, В.Д. Матлаш, Е.В. Григорьевой, было выявлено, что, хотя выгорание преподавателей в вузах и школах имеет много общих черт, вузовские педагоги чаще испытывают чувство безысходности («Загнанность в клетку») и демонстрируют более выраженную неадекватную реакцию в общении с людьми («Эмоционально-нравственная дезориентация»), проявляющуюся в самооправдании [6, с.173].

Согласно Н.Г. Петровой, для предотвращения эмоционального выгорания и поддержания здоровья сотрудников, руководителям необходимо активно работать над созданием благоприятной психологической атмосферы в коллективе. Ключевыми инструментами в этом являются содействие личностному росту и оптимизация трудового процесса. Руководителям следует создавать среду, способствующую повышению самооценки и уверенности сотрудников в своих способностях. Это включает в себя учет их предложений по организации работы, внедрение программ наставничества для молодых специалистов, разработку действенных систем мотивации, а также открытое обсуждение проблем и привлечение команды к поиску решений [7, с. 27].

Релаксация эффективно устраняет психическое напряжение, что обуславливает ее широкое применение в психотерапевтических методиках, гипнозе, самогипнозе и разнообразных оздоровительных системах. Наряду с медитацией, релаксация стала популярным инструментом для преодоления стресса и лечения психосоматических заболеваний. Как отмечает Ю.Е. Кашина, ключевой принцип большинства методов релаксации заключается в их опоре на единство телесных и психических процессов. Это уже само по себе является начальным этапом на пути к восстановлению как душевного, так и физического благополучия. Дело в том, что в условиях стресса и перегрузок человек, прежде всего, утрачивает связь с собственным телом. Если же напряжение достигает критического уровня и не удастся самостоятельно расслабиться, то эффективным средством может стать техника прогрессивного мышечного расслабления [8, С. 18].

Е.И. Клычкова также указывает, что для повышения психологического и физиологического благополучия возможно использование различных методов и инструментов, таких как дыхательные практики, саморегуляция, физическая активность, юмор, позитивное взаимодействие, аудиовизуальные стимуляции и музыка, которые помогают достичь состояния расслабления и улучшить общее состояние человека [9, С. 28]. Тренинги широко используются для улучшения эмоционального состояния, особенно при тревоге, депрессии, трудностях с расслаблением и чрезмерным самоконтролем, а также для развития личностных качеств, уверенности, социальных навыков и практических умений через различные формы обучения и игровые методы. [10].

Анализ современных исследований позволил выделить следующие основные методы профилактики трудоголизма среди сотрудников вузов:

- психологические тренинги и программы развития стресс-устойчивости;
- организационные меры: регулирование рабочей нагрузки и графика работы;
- обучение навыкам тайм-менеджмента и постановки приоритетов;
- создание системы психологической поддержки и консультаций;
- внедрение программ по развитию личностных ресурсов и эмоционального интеллекта;
- формирование культуры баланса между работой и личной жизнью;
- проведение регулярных мероприятий по профилактике профессионального выгорания;
- развитие корпоративной этики и ценностей, ориентированных на здоровье и благополучие;
- обучение руководителей навыкам управления командой и предотвращения перегрузки сотрудников.

Таким образом, в современном мире, где требования к педагогам и сотрудникам высших учебных заведений постоянно растут, проблема трудоголизма становится все более актуальной. Стремление к совершенству, высокая ответственность и постоянная конкуренция могут привести к нездоровой одержимости работой, что негативно сказывается как на личном благополучии специалистов, так и на качестве образовательного процесса в целом. Чтобы сохранить свое благополучие и повысить эффективность деятельности, педагогам и сотрудникам необходимо развивать навыки раннего распознавания признаков трудоголизма, умение четко отделять работу от личной жизни, а также заниматься профилактикой выгорания. Высшие учебные заведения должны активно способствовать созданию атмосферы, где ценится не только продуктивность, но и благополучие сотрудников.

Цитированная литература

1. Почти треть россиян относят себя к трудоголикам [Электронный ресурс] // Интернет-портала «Российской газеты»: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/05/21/pochti-tret-rossiiian-schitaiut-sebia-trudogolikami.html?ysclid=mig5kbbwkz763187545> (дата обращения: 11.11.25).
2. Алигаева, Н.Н. Современные проблемы образовательного процесса в высшей школе как детерминанты развития трудоголизма и ургентной зависимости // *Cifra. Педагогика.* – 2023. – №1 (1). – URL: <https://pedagogy.cifra.science/archive/1-1-2023-september/10.18454/PED.2023.1.3> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Ефремкина, И.Н., Сидорова, А.В. Ургентная зависимость у преподавателей и студентов вуза // В сборнике: Проблемы теории и практики современной психологии. Материалы XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 30-летию юбилею факультета психологии ИГУ. Редколлегия: И.А. Конопак [и др.]. – Иркутск, 2023. – С. 648-652.

4. Мурафа, С.В., Баркова, Н.Н., Карпенко, А.В. Проблемы эмоционального выгорания преподавателей высшей школы и практические пути их решения // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Т. 21. – № 2-1. – С. 102-112.
5. Сланбекова, Г.К., Solheim, С., Нусипова, А.У., Мандыкаева, А.Р., Тургумбаева, А.М. Эмоциональное выгорание педагогов казахстанских вузов: данные фокус-группы // Psychology and Cognitive Sciences. – 2025. – № 3 (152). – С. 206-221.
6. Хакимова, Н.Р., Матлаш, В.Д., Григорьева, Е.В. Профессиональное выгорание педагогов в условиях цифровизации образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2022. – № 1 (45). – С. 169-174.
7. Петрова, Н.Г. Синдром эмоционального выгорания у работников социального направления, в частности, медицинских работников и педагогов: профилактика и коррекция // Пятиминутка. – 2022. – № 4 (66). – С. 19-27.
8. Кашина, Ю.Е. Релаксация как прием профилактики профессионального выгорания педагога // Педагогический поиск. – 2021. – № 1. – С. 16-18.
9. Клычкова, Е.И. Проблема эмоционального выгорания педагогов: современные исследования, профилактика // Образование. Карьера. Общество. – 2023. – № 4 (79). – С. 24-29.
10. Алигаева, Н.Н. Тренинг личностного развития как ключевой метод совершенствования профессиональной подготовки сотрудников УИС // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции. – Новокузнецк, 2023. – С. 280-282.

УДК 159.97

СПЕЦИФИКА ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ ГОРЯ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Бескова Татьяна Викторовна¹,
кандидат педагогических наук, доцент,
beskova@mtu.ru

Маслова Дарья Владимировна¹,
магистрант,
dmaslova@list.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Представлены результаты исследования интегративной психокоррекционной программы при переживании горя. На выборке 80 взрослых выявлены взаимосвязи осложнённого горя, депрессии и дистресса. Апробация программы на трёх участниках показала снижение симптоматики на 35-46%.

Ключевые слова: осложнённое горе; психокоррекция; интегративная программа; когнитивно-поведенческая терапия; арт-терапия; психоаналитическая терапия; экзистенциальная терапия; анализ индивидуальных случаев

SPECIFICS OF PSYCHOCORRECTIVE WORK IN GRIEF EXPERIENCE: EMPIRICAL SUBSTANTIATION

Beskova T.V.¹,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
beskova@mmu.ru

Maslova D.V.¹,
Master's student,
dmaslova@list.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article presents results of an empirical study on the effectiveness of an integrative psychocorrective program for grief. Correlations between complicated grief, depression, and psychological distress were found in a sample of 80 adults. A pilot of a ten-session program with three participants demonstrated symptom reduction of 35-46%.

Keywords: complicated grief; psychocorrection; integrative program; cognitive-behavioral therapy; art therapy; psychoanalytic therapy; existential therapy; individual case analysis

Переживание утраты остаётся одной из наиболее сложных задач практической психологии. По различным оценкам, от семи до десяти процентов взрослых, переживших смерть близкого, сталкиваются с осложнённым горем, при котором острая боль не ослабевает даже спустя годы [5, 18]. Включение пролонгированного расстройства горя в МКБ-11 подтвердило статус этого состояния как самостоятельной клинической единицы. При этом значимые потери иного рода, от развода до банкротства бизнеса, способны вызывать сопоставимые по глубине переживания [8, 10]. Несмотря на накопленный исследовательский опыт, вопрос об оптимальном сочетании терапевтических подходов в единой программе психокоррекции остаётся недостаточно проработанным, что определяет актуальность данного исследования.

Когнитивно-поведенческая терапия горя нацелена на модификацию дезадаптивных убеждений и преодоление избегающего поведения [2, 4, 9]. Психоаналитическое направление исследует процессы интернализации утраченного объекта, амбивалентность и вину [6]. Арт-терапия создаёт условия для невербальной экспрессии переживаний, что ценно при алекситимических трудностях. Экзистенциально-гуманистические подходы помещают утрату в контекст конечности жизни и поиска смысла [14, 15]. Однако каждый из этих методов затрагивает лишь отдельный компонент горевания. Горе же вовлекает когнитивную, эмоциональную, соматическую и смысловую сферы одновременно [10, 13]. Модель двойного процесса М. Струб и Х. Шут [19] показывает, что здоровое горевание предполагает колебания между ориентацией на потерю и ориентацией на восстановление. Всё это обосновывает создание интегративных моделей, способных охватить многомерность феномена.

Цель исследования состояла в изучении особенностей переживания горя у взрослых и разработке интегративной психокоррекционной программы с оценкой её эффективности. Мы предполагали, что, во-первых, между показателями осложнённого горя, депрессии и психосоматической симптоматики существуют значимые положительные взаимосвязи, и, во-вторых, интегративная программа, объединяющая когнитивно-поведенческую терапию, психоаналитическую работу, арт-терапию и экзистенциальный диалог, будет способствовать снижению выраженности симптомов.

Исследование проводилось на базе психологического центра «Искусство Жить» (г. Москва) в сентябре-декабре 2025 года. В констатирующем этапе приняли участие 80 взрослых (18-60 лет), переживающих горе различного характера (смерть близкого, развод, потеря работы, финансовые потери, изменение здоровья). Период с момента утраты варьировал от шести месяцев до 25 лет. Наибольшую долю выборки составили лица 26-45 лет (58,8%). Диагностический комплекс включал авторскую анкету-интервью, Шкалу осложнённого горя (ICG; H.G. Prigerson et al., 1995) [18], Шкалу депрессии Бека (BDI-II; A.T. Beck et al., 1996) [16] и Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R; L.R. Derogatis et al., 1973; адаптация Н.В. Тарабриной). Статистическая обработка выполнена в IBM SPSS Statistics. В связи с отклонением от нормального распределения (критерий Шапиро-Уилка, $p < 0,05$) применён коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

На формирующем этапе из общей выборки отобраны три участника с выраженной симптоматикой ($ICG > 30$, $BDI-II \geq 20$). Для них реализована интегративная программа из десяти индивидуальных сессий (50-60 минут, один-два раза в неделю). Эффективность оценивалась методом анализа индивидуальных случаев (case study) с сопоставлением показателей до и после вмешательства.

Результаты описательной статистики по трём методикам представлены в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика показателей переживания горя (N=80)

Показатель	M	SD	Me	Min	Max
ICG (осложнённое горе)	34,7	9,2	34,0	15	58
BDI-II (депрессия)	26,3	8,4	25,5	8	47
GSI (SCL-90-R)	1,90	0,52	1,87	0,72	3,21

Примечание: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, Me – медиана, Min – минимальное значение, Max – максимальное значение.

Средний показатель ICG (34,7 балла) значительно выше порога в 25 баллов; у 77,5% участников (62 человека) зафиксированы клинически значимые значения. Средний BDI-II (26,3 балла) соответствует умеренной депрессии. Около 70% выборки продемонстрировали умеренную или выраженную депрессивную симптоматику. GSI (1,90) почти вдвое превышает порог выраженного дистресса (1,0).

Корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные связи между всеми показателями (таблица 2).

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи между показателями (коэффициент Спирмена, N=80)

	ICG	BDI-II	GSI	DEP	ANX	O-C	SOM
ICG	1,00	0,68**	0,61**	0,65**	0,58**	0,54**	0,42**
BDI-II		1,00	0,72**	0,78**	0,62**	0,49**	0,51**
GSI			1,00	0,84**	0,79**	0,71**	0,76**

Примечание. ** $p < 0,01$. ICG – шкала осложнённого горя, BDI-II – шкала депрессии Бека, GSI – общий индекс тяжести симптомов, DEP – депрессия, ANX – тревожность, O-C – обсессивно-компульсивные расстройства, SOM – соматизация.

Между ICG и BDI-II обнаружена сильная связь ($r_s = 0,68$), указывающая на сопряжённость осложнённого горя и депрессии. Связь ICG с GSI ($r_s = 0,61$) свидетельствует, что осложнённое горевание затрагивает широкий спектр функционирования. Тесная связь с депрессией (DEP, $r_s = 0,65$), тревожностью (ANX, $r_s = 0,58$) и обсессивно-компульсивной симптоматикой (O-C, $r_s = 0,54$) вместе с умеренными корреляциями с межличностной сензитивностью и соматизацией подтверждают многокомпонентность феномена.

На основании полученных данных разработана интегративная программа из четырёх компонентов. Когнитивно-поведенческий направлен на модификацию дезадаптивных убеждений и экспозиционные техники. Психоаналитический обеспечивает работу с амбивалентностью и незавершёнными отношениями. Арт-терапевтический создаёт условия для невербальной экспрессии и символизации утраты. Экзистенциальный фокусируется на осмыслении утраты, переоценке ценностей и обретении нового смысла. Программа рассчитана на десять сессий, от установления терапевтического альянса до интеграции опыта и планирования перспектив.

Апробация проведена на трёх участниках с различными типами утрат. Клиент М.А. (34 года) переживала смерть матери (9 месяцев), демонстрировала выраженную вину и соматизацию. Клиент Д.В. (46 лет) обратился в связи с банкротством бизнеса (1 год), переживал кризис идентичности и навязчивые руминации. Клиент Е.С. (28 лет) столкнулась с гибелью друга в ДТП (8 месяцев), испытывала панические атаки и эмоциональное онемение. Результаты повторной диагностики представлены в таблице 3.

Все три участника продемонстрировали положительную динамику. У М.А. показатель депрессии снизился с выраженного до лёгкого уровня, она смогла посетить квартиру матери и начала восстанавливать социальные контакты. У Д.В. ICG опустился ниже диагностического порога; мужчина начал формировать новую профессиональную идентичность. У Е.С. зафиксировано наибольшее снижение депрессии, что связано с преодолением эмоциональной блокировки через арт-терапевтические техники; существенно сократились панические атаки. Обобщённые данные о процентном снижении показателей представлены в таблице 4.

Таблица 3

Динамика показателей участников формирующего эксперимента

Показатель	М.А. (до)	М.А. (после)	Д.В. (до)	Д.В. (после)	Е.С. (до)	Е.С. (после)
ICG	42	28	36	23	38	24
BDI-II	31	18	27	15	24	13
GSI	2,34	1,42	2,05	1,24	1,92	1,15

Примечание. Диагностические пороги $ICG > 25$ баллов, $BDI-II \geq 20$ баллов, $GSI > 1,0$ балла.

Таблица 4

Среднее процентное снижение показателей по итогам психокоррекции

Показатель	М.А., %	Д.В., %	Е.С., %	Среднее, %
ICG (осложнённое горе)	-33,3	-36,1	-36,8	-35,4
BDI-II (депрессия)	-41,9	-44,4	-45,8	-43,9
GSI (дистресс)	-39,3	-39,5	-40,1	-39,6

Наибольшее процентное снижение во всех трёх случаях приходится на показатель депрессии, что позволяет предположить особую чувствительность депрессивного компонента горя к интегративному вмешательству. GSI снижался у всех участников на 39-40%, указывая на комплексный характер позитивных изменений.

Обнаруженные корреляции согласуются с зарубежными данными о перекрытии симптоматики горя и депрессии [17, 18]. Связь горя с обсессивно-компульсивной симптоматикой отражает когнитивную фиксацию, описанную Р.А. Boelen и Н.Г. Prigerson [17]. Модель двойного процесса М. Строуб и Х. Шут [19] помогает понять продуктивность интегративного подхода, так как разные компоненты программы поддерживают и ориентацию на потерю (психоаналитическая, арт-терапевтическая работа), и ориентацию на восстановление (когнитивно-поведенческие, экзистенциальные техники). Анализ случаев показал дифференцированную эффективность компонентов, что подтверждает целесообразность интегративного построения.

Ограничения включают малый объём формирующего эксперимента, отсутствие контрольной группы и невозможность оценки отдалённых результатов. Перспективы связаны с увеличением выборки, рандомизированным контролируемым экспериментом и адаптацией программы к групповому формату. Полученные данные могут быть полезны практикующим психологам, работающим с горяющими клиентами; и, для разработки программ сопровождения лиц, переживающих утрату.

Цитированная литература

1. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва. М. : Смысл, 2005. 191 с.
2. *Граница А.С.* Когнитивно-поведенческая психотерапия расстройств личности : учеб. пособие. СПб. : Наука и техника, 2023. 448 с.
3. *Грекова-Кононова А.И.* Психологические особенности переживания утраты партнёра : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. М., 2015. 203 с.
4. *Дэвид Л.* Когнитивно-поведенческая терапия : практическое руководство. М. : Вильямс, 2021. 576 с.
5. *Заринова А.Ф., Лисецкий К.С.* Психологическая помощь при утрате и горе : метод. рекомендации. Самара : Изд-во СамГУ, 2018. 64 с.

6. Злобина О.Ю., Безруких А.В. Психодинамическая психопатология : учеб. пособие. Ижевск : ERGO, 2017. 280 с.
7. Караванова Л.Ж. Психология : учеб. пособие для бакалавров. М. : Дашков и К°, 2020. 264 с.
8. Космински Ф.С., Джордан Дж.Р. Горе и утрата: руководство для специалистов. М. : Когито-Центр, 2016. 320 с.
9. Лихи Р. Преодоление сопротивления в когнитивной терапии. СПб. : Питер, 2021. 474 с.
10. Резепов И.Ш. Общая психология : учеб. пособие. Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2019. 110 с.
11. Савинков С.Н. Психологическая коррекция : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2023. 352 с.
12. Старшенбаум Г.В. Психосоматика : руководство. М. : Изд-во Института Психотерапии, 2019. 640 с.
13. Ступницкий В.П., Щербакова О.И., Степанов В.Е. Психология : учебник для вузов. М. : Дашков и К°, 2021. 519 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
15. Харрис Р. Ловушка счастья. Перестаём переживать, начинаем жить. М. : Эксмо, 2021. 288 с.
16. Beck A.T., Steer R.A., Brown G.K. Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio : Psychological Corporation, 1996. 38 p.
17. Boelen P.A., Prigerson H.G. The influence of symptoms of prolonged grief disorder, depression, and anxiety on quality of life among bereaved adults // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2007. Vol. 257. No 8. P. 444–452.
18. Prigerson H.G., Maciejewski P.K., Reynolds C.F. et al. Inventory of Complicated Grief: a scale to measure maladaptive symptoms of loss // Psychiatry Research. 1995. Vol. 59. No 1–2. P. 65–79.
19. Stroebe M., Schut H. The dual process model of coping with bereavement: rationale and description // Death Studies. 1999. Vol. 23. No 3. P. 197–224.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ И СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Власова Елена Владимировна¹,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»,

e-mail: e.vlasova@mmu.ru

Серегина Варвара Дмитриевна¹,

магистрантка кафедры психологии,

e-mail: varya12325@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление и сравнительный анализ взаимосвязей между личностными особенностями, копинг-стратегиями и стилями принятия решений у мужчин и женщин молодого возраста (20-25 лет). Теоретико-методологическую основу работы составили интегративно-личностный подход Т.В. Корниловой, системный подход Б.Ф. Ломова и концепция защитных механизмов Р. Плутчика и Г. Келлермана. Выборка включила 60 респондентов (35 женщин, 25 мужчин), обследованных с помощью методик: опросник «Решение трудных ситуаций» (РТС) Я. Боукала, опросник «Тенденции в принятии решений» (DMTI) Р. Мисураки и опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой. Применение методов математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ р-Спирмена, факторный и кластерный анализ) позволило выявить качественные различия в структуре взаимосвязей изучаемых переменных у мужчин и женщин. Установлено, что при внешней схожести средних показателей организация регуляции выбора имеет принципиально разную архитектуру. По-средством кластерного анализа выделены типологические профили принятия решений для каждой гендерной группы. Полученные результаты углубляют теоретические представления о личностной детерминации выбора и могут быть использованы в практике психологического консультирования и разработке дифференцированных тренинговых программ.

Ключевые слова: принятие решений, личностные особенности, копинг-стратегии, гендерные различия, рациональность, готовность к риску, стили принятия решений, молодой возраст.

PERSONAL FACTORS AND DECISION-MAKING STRATEGIES. GENDER SPECIFICITY IN YOUNG ADULTS

Vlasova E.V.¹,

candidate of psychological sciences, associate professor, department of psychology,

e-mail: e.vlasova@mmu.ru

Seregina V.D.¹,

master student of the Department of Psychology,

e-mail: varya12325@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article presents the results of an empirical study aimed at identifying and comparing the relationships between personality traits, coping strategies, and decision-making styles in young men and women (20-25 years old). The theoretical and methodological basis of the work was formed by the integrative-personal approach of T.V. Kornilova, the systemic approach of B.F. Lomov, and the concept of defense mechanisms

by R. Plutchik and G. Kellerman. The sample included 60 respondents (35 women and 25 men) who were surveyed using the following methods: the Difficult Situation Resolution (DTR) questionnaire by J. Bowkal, the Decision Making Tendencies Inventory (DMTI) by R. Misurak, and the Personal Factors of Decision Making (PFD-25) questionnaire by T.V. Kornilova. The application of mathematical statistics methods (Mann-Whitney U-test, ρ -Spearman correlation analysis, and factor and cluster analysis) allowed us to identify qualitative differences in the structure of the relationships between the variables studied in men and women. It was found that, despite the external similarity of the average values, the organization of choice regulation has a fundamentally different architecture. Cluster analysis was used to identify typological decision-making profiles for each gender group. The results obtained deepen theoretical ideas about personal determination of choice and can be used in the practice of psychological counseling and the development of differentiated training programs.

Keywords: decision-making, personality traits, coping strategies, gender differences, rationality, risk-taking, decision-making styles, young age.

Способность к эффективному принятию решений в условиях неопределённости и информационной перегруженности выступает одной из ключевых компетенций современного человека. Особую значимость данная проблематика приобретает в период молодости, который, как отмечает Б.Г. Ананьев, характеризуется высокой плотностью жизненно важных выборов, определяющих траекторию личностного и профессионального развития [2]. Психология принятия решений представляет собой междисциплинарную область, интегрирующую когнитивные, аффективные и личностные аспекты выбора.

Как подчёркивает Т.В. Корнилова, процесс принятия решений не сводится к рациональным операциям, аглубокодетерминированустойчивымиличностнымипаттернами,включаятолерантность к неопределённости, готовность к риску и эмоционально-поведенческие стратегии совладания [7]. В рамках системного подхода Б.Ф. Ломова психические явления необходимо рассматривать как целостную, многоуровневую систему, где изменение одного компонента закономерно связано с изменениями других [9].

Наряду с когнитивными и личностными детерминантами, существенную роль в регуляции выбора играют защитные механизмы личности. Согласно психоэволюционной теории Р. Плутчика, защитные механизмы представляют собой производные базовых эмоций, направленные на адаптацию и снижение тревоги в стрессовых ситуациях [6]. Г. Келлерман, развивая структурную теорию личности, рассматривал защитные механизмы как инструмент поддержания гомеостаза между различными компонентами личностной системы [6].

Актуальные исследования демонстрируют возрастающий интерес к контекстуальным факторам принятия решений. Так, в работе Л.В. Трубицыной и А.В. Трубицына (2025) было установлено, что базовые параметры рациональности и эмоциональности процесса выбора могут не различаться у молодых мужчин и женщин, однако качественное различие заключается в способе формирования субъективной оценки риска [12]. Данный вывод указывает на необходимость изучения не столько средних показателей, сколько структурных взаимосвязей между переменными в мужской и женской выборках.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и сравнительном анализе взаимосвязей между личностными факторами (рациональность, готовность к риску), копинг-стратегиями и стилями принятия решений у мужчин и женщин молодого возраста.

Гипотеза исследования: существуют различия в структуре взаимосвязей между эмоционально-поведенческими реакциями, личностными чертами и стилями принятия решений у мужчин и женщин молодого возраста.

В исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте от 20 до 25 лет (средний возраст – 22,5 года). Выборка сбалансирована по половому признаку: 35 женщин (58,3%) и 25 мужчин (41,7%). Исследование проводилось на базе АНОВО «Московский Международный Университет», сбор данных осуществлялся онлайн посредством платформы «Яндекс Формы».

Для решения поставленных задач использовался комплекс психодиагностических методик, позволяющих охватить три ключевых уровня анализа:

1. Личностно-диспозиционный уровень – опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой, диагностирующий готовность к риску и субъективную рациональность.

2. Когнитивно-стратегический уровень – опросник «Тенденции в принятии решений» (DMTI) Р. Мисураки в адаптации А.Ю. Развальяевой, оценивающий стратегии максимизации, сатисфизации и минимизации.

3. Эмоционально-поведенческий уровень – опросник «Решение трудных ситуаций» (РТС) Я. Боукала в модификации О.Ю. Михайловой, выявляющий копинг-стратегии в трудных ситуациях по 11 шкалам.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы jamovi. Применялись: описательная статистика, U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, факторный анализ (метод главных компонент с вращением Varimax) и кластерный анализ (метод Уорда с последующим k-средних).

Первичный анализ средних значений по U-критерию Манна-Уитни выявил статистически значимые различия лишь по одной из 16 анализируемых шкал. Молодые мужчины ($M=5,17$) значимо чаще, чем женщины ($M=4,24$), демонстрируют склонность к стратегии сатисфизации – тенденции останавливаться на первом удовлетворительном варианте, не стремясь к исчерпывающему поиску идеального решения ($p<0,01$). По остальным шкалам, включая готовность к риску, рациональность и большинство копинг-стратегий, значимых различий не обнаружено.

Данный результат согласуется с выводами Трубицыной Л.В. и Трубицына А.В. о том, что «достоверных различий эмоциональных и рациональных объяснений у мужчин и женщин также не обнаружено» [12]. Это указывает на то, что базовые личностные факторы и копинг-стратегии выражены у молодых людей обоего пола схожим образом.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Для проверки гипотезы о различной организации регуляции выбора был проведён корреляционный анализ отдельно в мужской и женской подвыборках.

В мужской выборке выявлены следующие значимые взаимосвязи:

1. Готовность к риску положительно коррелирует с минимизацией ($\rho=0,48$; $p<0,05$) и агрессией к предметам ($\rho=0,45$; $p<0,05$);
2. Рациональность положительно связана с максимизацией ($\rho=0,44$; $p<0,05$);
3. Минимизация демонстрирует сильную положительную связь с уходом ($\rho=0,53$; $p<0,01$) и отрицательную – с агрессией к себе ($\rho=-0,43$; $p<0,05$).

4. Полученные данные свидетельствуют о том, что у мужчин готовность к риску парадоксальным образом сочетается не с активными действиями, а с избеганием решений и разрядкой напряжения через внешние объекты. Как отмечает В.Д. Алексеев, «личностные особенности являются критически важным фильтром, через который личность воспринимает риск, оценивает альтернативы и в конечном итоге принимает решение» [1].

В женской выборке структура взаимосвязей качественно иная.

1. Готовность к риску отрицательно коррелирует с максимизацией ($\rho=-0,39$; $p<0,05$) и положительно – с наркотизацией ($\rho=0,36$; $p<0,05$);

2. Рациональность отрицательно связана с механизмами снижения напряжения ($\rho=-0,43$; $p<0,01$) и агрессией к людям ($\rho=-0,40$; $p<0,05$);

3. Максимизация положительно коррелирует с возрастанием усилий ($\rho=0,40$; $p<0,05$);

4. Сатисфизация отрицательно связана с уходом ($\rho=-0,34$; $p<0,05$);

5. Минимизация отрицательно коррелирует с компенсацией ($\rho=-0,45$; $p<0,01$).

Таким образом, если в мужской выборке рациональность выступает инструментом поиска лучшего решения (связь с максимизацией), то у женщин она выполняет прежде всего сдерживающую функцию, блокируя дезадаптивные реакции. Данный результат подтверждает положение Т.В. Корниловой о том, что «интеллектуально-личностный потенциал должен быть выражен по оси вверх – в область актуализируемых субъектом новообразований» [6].

Факторный анализ позволил выявить латентные переменные, интегрирующие изучаемые показатели.

В мужской выборке выделились три фактора, объясняющие 64,1% дисперсии.

1. «Импульсивное избегание» (готовность к риску + минимизация + уход + агрессия к предметам);

2. «Социально-адаптивный копинг» (сравнение проблем + сатисфизация + компенсация);

3. «Рациональная максимизация» (рациональность + максимизация + возрастание усилий).

В женской выборке объяснённая дисперсия составила 58,7%, факторы качественно отличаются.

1. «Дезадаптивная эмоциональная регуляция» (агрессия к людям + вербальная агрессия + интрапунитивность + механизмы снижения);

2. «Активное рациональное преодоление» (максимизация + возрастание усилий + рациональность);

3. «Пассивное избегание» (уход + наркотизация + минимизация).

Полученные факторные структуры демонстрируют, что в мужской выборке готовность к риску интегрирована в избегающий паттерн, тогда как у женщин она не вошла в значимые факторы. В женской выборке рациональность оказалась тесно связана с волевым усилием и настойчивостью, а дезадаптация чётко разделилась на эмоциональную и пассивно-поведенческую составляющие.

Кластерный анализ позволил выделить по три устойчивых психологических профиля в каждой гендерной группе.

МУЖСКАЯ ВЫБОРКА

1. «Рациональные максимизаторы» (32%) – высокие показатели рациональности, максимизации, возрастания усилий; низкая минимизация. Профиль: аналитичный, настойчивый, стремящийся к лучшему решению.

2. «Избегающие с внешней агрессией» (40%) – высокие показатели готовности к риску, минимизации, ухода, агрессии к предметам; низкая рациональность. Профиль: импульсивный, избегающий решений, склонный к разрядке на предметах.

3. «Социальные сатисфаеры» (28%) – высокие показатели сатисфизации, сравнения проблем, компенсации. Профиль: ориентированный на социальное одобрение, ищущий удовлетворительный вариант.

ЖЕНСКАЯ ВЫБОРКА

1. «Активные рационалисты» (37%) – высокие показатели рациональности, максимизации, возрастания усилий; низкие показатели ухода, минимизации, агрессии. Наиболее адаптивный профиль.

2. «Тревожно-интровертированные» (34%) – высокие показатели интрапунитивности, агрессии к себе, механизмов снижения; средняя готовность к риску, низкая рациональность. Профиль: склонные к самообвинению, эмоциональному подавлению проблем.

3. «Пассивные избегающие» (29%) – высокие показатели ухода, наркотизации, минимизации; низкие показатели готовности к риску, рациональности, активных копингов. Профиль: пассивный, избегающий трудностей.

Выделенные профили наглядно демонстрируют, что как адаптивные, так и дезадаптивные паттерны у мужчин и женщин имеют качественно различную психологическую наполненность. Мужское избегание сопряжено с внешней агрессией и импульсивностью, тогда как женское – с пассивностью, уходом в себя и самообвинением. Данные результаты согласуются с положением С. Джонсон о том, что в основе паттернов реагирования лежат различные механизмы регуляции аффекта [4].

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о существовании качественных различий в структуре взаимосвязей между личностными факторами, копинг-стратегиями и стилями принятия решений у мужчин и женщин молодого возраста. В итоге нами были сформулированы следующие выводы.

1. При отсутствии значимых различий в средних показателях большинства изучаемых переменных, организация регуляции выбора имеет принципиально разную архитектуру у мужчин и женщин.

2. В мужской выборке выявлена поляризация между адаптивным паттерном «рациональной максимизации» и дезадаптивным паттерном «импульсивного избегания», при котором готовность к риску ассоциируется с уходом от решений и внешней агрессией.

3. В женской выборке адаптивный паттерн «активного рационального преодоления» предполагает неразрывную связь когнитивного анализа с волевым усилием; дезадаптивные проявления дифференцированы на эмоциональные (самообвинение, агрессия) и пассивно-поведенческие (уход, наркотизация).

4. Выделенные посредством кластерного анализа типологические профили («Рациональные максимизаторы», «Избегающие с внешней агрессией», «Социальные сатисфаеры» у мужчин; «Активные рационалисты», «Тревожно-интровертированные», «Пассивные избегающие» у женщин) могут служить основой для дифференцированного подхода в психологическом консультировании.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представлений о личностной регуляции выбора и эмпирическом подтверждении положения о том, что гендерные

различия проявляются не столько в уровне выраженности отдельных черт, сколько в системном характере их взаимодействия. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных данных при разработке тренинговых программ, направленных на развитие навыков рационального принятия решений и коррекцию дезадаптивных стратегий с учётом выявленной половой специфики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, изучением возрастной динамики выявленных профилей и разработкой на их основе конкретных психотехнологий оптимизации процесса принятия решений.

Цитированная литература

1. *Алексеев, В.Д.* К вопросу об индивидуальных и личностных факторах формирования рискованного поведения / В.Д. Алексеев // Новые психологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 185-212.
2. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 288 с.
3. *Вассерман, Л.И.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля / Л.И. Вассерман, О.Ф. Ерышев, Е.Б. Клубова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2005. – 50 с.
4. *Джонсон, С.* Обними меня крепче. 7 диалогов для любви на всю жизнь / С. Джонсон. – 2-е изд. – Москва : Манн, Иванов и Фарбер, 2019. – 352 с.
5. *Корнилова, Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределённости и риска / Т.В. Корнилова. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – 344 с.
6. *Корнилова, Т.В.* Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределённости / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 1. – С. 74-86.
7. *Корнилова, Т.В.* Психология неопределённости: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 3. – С. 89-100.
8. *Корнилова, Т.В.* Психология риска и принятия решений / Т.В. Корнилова. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 286 с.
9. *Ломов, Б.Ф.* Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. – Москва : Институт практической психологии, 1996. – 384 с.
10. *Михайлова, О.Ю.* Методика исследования копинг-поведения в трудных ситуациях / О.Ю. Михайлова // Психологическая диагностика. – 2000. – № 4. – С. 45-58.
11. *Разваляева, А.Ю.* Адаптация опросника «Тенденции в принятии решений» (DMTI) / А.Ю. Разваляева // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 62. – С. 12-19.
12. *Трубицына, Л.В.* Особенности принятия решений мужчинами и женщинами в условиях риска / Л.В. Трубицына, А.В. Трубицын // Вестник психологии и педагогики. – 2025. – № 1. – С. 45-58.

САМООТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Даренских Светлана Сергеевна¹,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»,
e-mail: svetla-ss@yandex.ru

Белозерова Мария Сергеевна¹,

магистрантка кафедры «Психология»,
e-mail: god.dota17@inbox.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В условиях цифровизации общества интернет становится значимой частью жизни подростков, оказывая влияние на процессы их личностного развития. Особую актуальность приобретает проблема интернет-зависимости, которая может выступать фактором риска формирования негативных личностных характеристик, в том числе нарушений самооотношения. Самоотношение, как система устойчивых оценок и эмоционально-ценностного отношения личности к себе, является важным компонентом психологического благополучия подростка.

Ключевые слова: интернет-зависимость; подростки; самооотношение; самоуважение; аддиктивное поведение; личностное развитие.

SELF-ATTITUDE OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ADDICTION

Darenskih S.S.¹,

candidate of psychological sciences, associate professor, department of psychology,
e-mail: svetla-ss@yandex.ru

Belozerova M.S.¹,

master student of the Department of Psychology,
e-mail: god.dota17@inbox.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

In the context of digitalization, the Internet has become an integral part of adolescents' daily lives, significantly influencing their personal development. Internet addiction is considered one of the most relevant psychological risks, potentially affecting emotional well-being, interpersonal relationships, and self-attitude. Self-attitude, understood as a stable system of emotional and evaluative attitudes toward oneself, plays a crucial role in adolescent personality development.

Keywords: Internet addiction; adolescents; self-attitude; self-respect; addictive behavior; personality development.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема интернет-зависимости подростков приобретает особую актуальность в условиях цифровизации общества. Подростковый возраст является сенситивным периодом формирования самосознания и самооотношения, что делает личность особенно уязвимой к различным формам аддиктивного поведения.

Обсуждение терминологического содержания самооотношения является одним из вопросов современной психологии. Российские и зарубежные исследователи по-разному интерпретируют

природу самоотношения, предлагая различные теоретические модели данного феномена. Так, И.С. Кон рассматривает категории «самоотношение», «самосознание» и «самооценка» как взаимосвязанные проявления единого психологического процесса, отражающего отношение личности к себе [1]. В концепции Б.Д. Парыгина понятие отношения к себе фактически соотносится с феноменами самосознания и самочувствия, подчеркивая их содержательную близость [2]. Д.И. Фельдштейн включает самоотношение в структуру самосознания, выделяя его как эмоциональный компонент наряду с когнитивным и регулятивным аспектами [3].

В зарубежной психологии Р. Бернс и К. Роджерс акцентируют внимание на соотношении «реального» и «идеального» Я, полагая, что степень их согласованности во многом определяет характер и уровень развития самоотношения личности [4, 5]. Гармоничность или, напротив, рассогласованность этих образов выступает показателем зрелости Я-концепции. Согласно позиции М.И. Лисиной, ключевым источником формирования самоотношения является межличностное взаимодействие, в процессе которого ребёнок и подросток усваивает социальные оценки и ожидания [6]. И.И. Чеснокова, в свою очередь, подчёркивает, что представления о себе, формирующиеся в социальной среде, подвергаются внутренней переработке и сопровождаются эмоционально-ценностным осмыслением, что обеспечивает их включение в структуру самосознания [7].

Теоретической основой данного исследования выступает концепция В.В. Столина и С.Р. Пантелеева, рассматривающих самоотношение как целостную систему эмоционально-ценностных и когнитивных компонентов личности, включающую самоуважение, аутосимпатию, самоинтерес и глобальное самоотношение [8].

Исследование самоотношения подростков обусловлено важностью данного возрастного периода в становлении личности. С позиций психосоциальной теории Э. Эриксона подростковый возраст рассматривается как стадия кризиса идентичности, в рамках которой формируется устойчивое представление о себе; нарушения в этой сфере могут способствовать развитию компенсаторных форм поведения [9].

Отечественные исследования самоотношения подчёркивают его регулятивную функцию в структуре личности и связь с адаптационными возможностями субъекта [10].

Феномен интернет-зависимости был впервые систематизирован К. Янг, определившей его как поведенческую аддикцию, характеризующуюся нарушением контроля, ростом толерантности и социально-психологической дезадаптацией [11].

В отечественной психологии проблема интернет-зависимости рассматривается в трудах А.Е. Войскунского, который подчёркивает её связь с личностной незрелостью, дефицитом саморегуляции и особенностями самооценки [12].

Исследования аддиктивного поведения в подростковом возрасте Г.В. Лозовой показывают, что склонность к зависимостям тесно связана с особенностями эмоциональной сферы и самосознания личности [13].

Цель данного исследования – выявить содержательные характеристики самоотношения подростков с интернет-зависимостью. Объект исследования – самоотношение подростков.

В исследовании использовались следующие методики: тест-опросник интернет-зависимости К. Янг; методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г.В. Лозовая); тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Методы математико-статистической обработки данных: U-критерий Манна–Уитни; корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Выборку составил 41 подросток в возрасте от 15 до 17 лет. Исследование проводилось в условиях образовательного учреждения с соблюдением принципов добровольности и конфиденциальности.

Процедура исследования включала этап первичной диагностики уровня интернет-зависимости, распределение испытуемых по группам (низкий, средний, высокий уровень зависимости), последующее исследование структуры самоотношения и склонности к иным видам аддикций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Диагностика интернет-зависимости у подростков позволила разделить выборку на группы с низким и средним уровнем интернет-зависимости. Высокий уровень зависимости в исследуемой выборке выявлен не был.

Группа с низким уровнем интернет-зависимости (m_1) характеризуется эпизодическим или контролируемым использованием интернет-ресурсов без выраженных признаков аддиктивного поведения. Группа со средним уровнем интернет-зависимости (m_2) характеризуется эмоциональной вовлеченностью в интернет-пространство, трудностях ограничения времени пребывания в сети и признаках психологической зависимости.

Анализ структуры самоотношения проводился с применением опросника В.В. Столина и С.Р. Пантелеева. Статистическая обработка данных с использованием U-критерия Манна-Уитни позволила выявить достоверные различия между группами по ряду показателей.

Выявлены различия по шкале самоуважения ($m_1 = 7,72$, $m_2 = 5,11$, при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что подростки с более выраженной интернет-зависимостью характеризуются сниженной уверенностью в собственной значимости, меньшей устойчивостью самооценки и большей подверженностью внутренним сомнениям. Снижение самоуважения может отражать внутреннюю неудовлетворенность собой, ощущение несоответствия социальным ожиданиям, а также переживание собственной неуспешности в реальном взаимодействии. Интернет-пространство в данном случае выступает компенсаторной средой, позволяющей подростку частично восполнять дефицит признания и самоутверждения.

Значимые различия также выявлены по шкале самоинтереса ($m_1 = 6,00$, $m_2 = 3,88$, при $p \leq 0,05$). Самоинтерес отражает степень внимания к собственным переживаниям, потребностям и внутреннему миру. Более низкие значения данного показателя у подростков со средним уровнем зависимости могут свидетельствовать о сниженной рефлексивности, трудностях осознания собственных чувств и мотиваций. Можно предположить, что чрезмерная вовлеченность в интернет-активность сопровождается уходом от внутреннего анализа и переключением внимания на внешние стимулы. Постоянное пребывание в цифровой среде снижает необходимость обращения к собственному внутреннему опыту, что постепенно ослабляет способность к самопониманию и саморегуляции.

По шкале аутосимпатии также обнаружена тенденция к снижению показателей в группе со средним уровнем интернет-зависимости ($m_2 = 6,00$) по сравнению с группой с низким уровнем ($m_1 = 7,18$). Хотя различия не во всех случаях достигли уровня статистической значимости, наблюдаемая динамика указывает на снижение эмоционально-позитивного отношения к себе у подростков с более выраженной зависимостью. Это может проявляться в склонности к самокритике, непринятии собственных особенностей и переживании внутреннего напряжения.

Показатели по шкалам самопринятия и самоуверенности в обеих группах находились в среднем диапазоне, однако у подростков со средним уровнем интернет-зависимости отмечалась тенденция

к снижению данных характеристик. Это может свидетельствовать о неустойчивости Я-концепции и внутренней противоречивости самооценки. Анализ результатов по шкале «ожидаемое отношение других» показал достаточную социальную включенность и ориентацию на межличностные отношения в реальной среде в группах ($m_1 = 7,81$, $m_2 = 7,44$).

В группе подростков с низким уровнем интернет-зависимости выявлены статистически значимые корреляционные связи между показателями самоотношения и склонности к различным видам зависимостей. Компьютерная зависимость положительно связана с интегральной шкалой (глобальным самоотношением) ($r = 0,767$; при $p = 0,006$) и самообвинением ($r = 0,787$; при $p = 0,004$), что указывает на сильные прямые связи: при увеличении выраженности компьютерной зависимости возрастает уровень самообвинения и изменяется общий характер глобального самоотношения. Алкогольная зависимость имеет отрицательную связь с самопоследовательностью ($r = -0,756$; при $p = 0,007$) и положительную – с самопониманием ($r = 0,646$; при $p = 0,032$), что свидетельствует о том, что снижение внутренней согласованности личности повышает риск алкогольной зависимости, тогда как более выраженное самопонимание парадоксально сопряжено с её ростом. Религиозная зависимость отрицательно связана с интегральной шкалой ($r = -0,684$; при $p = 0,020$), а наркотическая зависимость – с самоуверенностью ($r = -0,620$; при $p = 0,042$), что говорит о повышении рисков данных форм аддикции при снижении глобального позитивного самоотношения и уверенности в себе.

В группе со средним уровнем интернет-зависимости структура связей меняется. Зависимость от межполовых отношений положительно коррелирует с глобальным самоотношением ($r = 0,704$; при $p = 0,034$), лекарственная зависимость – с самообвинением ($r = 0,702$; при $p = 0,035$), а зависимость от здорового образа жизни – с самопоследовательностью ($r = 0,804$; при $p = 0,009$), причём последняя демонстрирует очень сильную прямую связь. Наркотическая зависимость в данной группе положительно связана как с самоуважением ($r = 0,810$; при $p = 0,008$), так и с самоуверенностью ($r = 0,722$; при $p = 0,028$), что указывает на сильные и статистически значимые прямые корреляции. В отличие от группы с низким уровнем интернет-зависимости, где рост самоуверенности снижал вероятность наркотической зависимости, при среднем уровне интернет-зависимости повышение самоуважения и самоуверенности сопряжено с увеличением склонности к наркотической зависимости, что отражает различия в механизмах личностной регуляции поведения в зависимости от степени выраженности интернет-аддикции.

Полученные результаты позволяют рассматривать интернет-зависимость не только как поведенческий феномен, но и как индикатор определённых личностных трудностей. Для части подростков интернет становится средством компенсации внутренней неуверенности, социальной тревожности и дефицита самопринятия. Однако такая компенсация носит временный характер и в долгосрочной перспективе может усиливать дисгармонию самоотношения.

Важно отметить, что в исследуемой выборке не выявлено подростков с выраженной (высокой) интернет-зависимостью, что ограничивает возможность анализа более тяжелых форм аддиктивного поведения. Тем не менее уже на уровне средней зависимости наблюдаются статистически значимые изменения структуры самоотношения, что свидетельствует о необходимости ранней профилактической работы.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем интернет-зависимости и особенностями самоотношения подростков. Повышение выраженности интернет-зависимости сопровождается снижением самоуважения,

самоинтереса и эмоционально-позитивного отношения к себе, что может рассматриваться как фактор риска дальнейшей личностной дезадаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить содержательные и структурные особенности самоотношения подростков с интернет-зависимостью.

Установлено, что высокий уровень интернет-зависимости связан со снижением показателей самоуважения, аутосимпатии и глобального самоотношения. Подростки со средним уровнем зависимости демонстрируют повышенную склонность к другим видам аддиктивного поведения.

Полученные результаты подтверждают необходимость ранней профилактики интернет-зависимости и разработки программ психологической поддержки подростков, направленных на формирование позитивного самоотношения, развитие самопринятия и навыков саморегуляции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных школьными психологами и специалистами системы образования для разработки профилактических и коррекционных программ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением гендерного анализа и изучением влияния семейных факторов на формирование самоотношения подростков в условиях цифровой среды.

Цитированная литература

1. Кон И.С. Личность и ее самосознание. Москва, Изд-во политической литературы, 1984. – 335 с.
2. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы: Учебник / Б. Д. Парыгин. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 533 с.
3. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды / Д. И. Фельдштейн. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2004. – 672 с.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. Москва, Изд-во «ПРОГРЕСС», 1986. – 420 с.
5. Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию. Взгляд на психотерапию – Москва : ИОИ, 2017 – 237 с.
6. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка / Под редакцией Рузской А. Г. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 383 с.
7. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – Москва: Наука-ВСЕМ, 2026. – 320 с.
8. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. -- СПб.: Изд-во «Речь», 2000. – 440 стр.
9. Эриксон Э.Г. Идентичность и цикл жизни. - СПб: Питер : Прогресс книга, 2023. - 207 с
10. Григорьева Е.В. Самоотношение личности: теория и практика исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2021.
11. Young K.S. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder // CyberPsychology & Behavior. – 1998.
12. Войскунский А.Е. Психология интернет-зависимости. – М.: Акрополь, 2004.
13. Лозовая Г.В. Диагностика склонности к аддиктивному поведению у подростков. – СПб.: Речь, 2022.

БАЛИНТОВСКАЯ СУПЕРВИЗИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Зинюк Елена Федоровна¹,

старший преподаватель кафедры психологии,

e-mail: e.zinjuk@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается потенциал балинтовой супервизии в формировании профессиональной идентичности начинающих психологов. Анализируются теоретические основания метода и его связь с эмоциональными аспектами профессионального развития. Особое внимание уделяется механизмам контейнирования чувств вины и стыда. Делается вывод о необходимости интеграции балинтового формата в систему подготовки психологов.

Ключевые слова: балинтовская супервизия, профессиональная идентичность, начинающие психологи, эмоциональное выгорание, вина, стыд, супервизия.

BALINT SUPERVISION AS A TOOL FOR FORMING PROFESSIONAL IDENTITY IN NOVICE PSYCHOLOGISTS

Zinyuk E.F.¹,

Senior Lecturer of the Department of Psychology,

e-mail: e.zinjuk@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article examines the potential of Balint supervision as a tool for developing professional identity in novice psychologists. The author analyzes the theoretical foundations of the method, its connection with emotional aspects of professional development and the problem of burnout in the early stages of career. Special attention is paid to the mechanisms of professional identity formation through containment of feelings of guilt and shame that inevitably arise in young professionals. The conclusion is made about the need to integrate the Balint format into the training system for practicing psychologists.

Keywords: Balint supervision, professional identity, novice psychologists, emotional burnout, guilt, shame, supervision.

В профессиональном становлении психолога есть одно трудноуловимое, но критически важное обстоятельство: главным инструментом работы здесь выступает личность самого специалиста. Это накладывает особую ответственность и создает внутреннее напряжение, которое редко обсуждается открыто. С одной стороны, профессия требует развитой эмпатии и искреннего желания помогать, с другой – именно эти качества, будучи гипертрофированными, способны дестабилизировать начинающего практика. Стремление охватить всех нуждающихся и имплицитная установка на собственное профессиональное всемогущество часто выполняют роль защитных механизмов на этапе выбора профессии, но в дальнейшем они же становятся источником болезненных внутриличностных конфликтов. Э.Д. Дряева и И.А. Канаев, анализируя факторы формирования идентичности, указывают, что любой специалист неизбежно сталкивается с разрывом между идеализированным образом себя и реальными возможностями [1, с. 87]. Для психолога это столкновение происходит

особенно остро: первые встречи с клиентами обнажают ограниченность компетенций, порождая вину, стыд и ощущение профессиональной несостоятельности.

Актуальность темы обусловлена статистикой: значительная часть молодых психологов покидают профессию в первые три-пять лет практики, не справляясь с эмоциональной нагрузкой. [1, с. 2]. Традиционные супервизионные форматы, как правило, сфокусированы на разборе техник и стратегий работы с клиентом, оставляя за скобками глубинные аффективные слои, связанные с переживанием собственной неидеальности. В этой связи балинтовский метод, изначально разработанный для врачей общей практики, сегодня всё активнее внедряется в подготовку психологов [2, с. 59; 6, с. 2]. Его принципиальное отличие – смещение фокуса с клиента на чувства специалиста, которые перестают быть помехой и становятся предметом профессиональной рефлексии.

Несмотря на разработанность вопросов супервизии, проблема формирования устойчивой профессиональной идентичности начинающего психолога остаётся недостаточно изученной. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении балинтовской группы не только как формы профессиональной поддержки, но и как механизма идентификационной интеграции специалиста

Научная новизна работы заключается в рассмотрении балинтовской супервизии не только как способа профилактики выгорания, но и как инструмента формирования профессиональной идентичности. Важно показать, что именно через символическую переработку сложно смешанных чувств происходит переход от инфантильной позиции «всемогущего помощника» или «синдрому самозванца» к реалистичной и устойчивой профессиональной позиции.

Объектом исследования выступает процесс профессиональной идентификации начинающих психологов, предметом – возможности балинтовского формата в его оптимизации. Цель данной статьи – теоретически обосновать роль балинтовской супервизии в становлении адекватной профессиональной идентичности у молодых специалистов.

В основе работы лежит интегративный подход, соединяющий психоаналитическую традицию исследования бессознательной динамики в отношениях «помощник-клиент» (работы М. Балинта, Ш. Ференци) и современные концепции профессионального становления. При подготовке статьи использовались методы теоретического анализа, синтеза и систематизации данных научной литературы.

История балинтовских групп берёт начало в 1920-х годах, когда венгерский психоаналитик Михаэль Балинт, развивая идеи своего учителя Шандора Ференци, начал экспериментировать с групповой формой работы, направленной на исследование эмоционального компонента врачебной практики. Позже, уже в лондонской Клинике Тависток, вместе с Энид Балинт он систематизировал метод, который впоследствии распространился далеко за пределы медицины [2, с. 59]. Ключевое открытие М. Балинта заключалось в том, что наиболее трудные пациенты вызывают у врачей столь сильные чувства, что те буквально перестают мыслить рационально. Выход был найден не в подавлении этих чувств, а в их легитимации и совместном исследовании в группе.

В дальнейшем метод получил распространение в практике специалистов помогающих профессий [2, 89]. В центре внимания группы находится эмоциональный отклик специалиста на клиента и динамика профессионального взаимодействия. В отличие от традиционной супервизии, ориентированной на анализ техники работы, балинтовская группа исследует субъективные переживания специалиста, включая контрпереносные реакции, профессиональные сомнения и трудности эмоционального контакта [3].

Суть метода остаётся неизменной и сегодня. Группа собирается вокруг случая, который представляет один из участников. Но в центре внимания – не проблема клиента и даже не профессиональные действия докладчика, а те переживания, которые эта проблема у него вызывает. В одном из недавних обзоров, опубликованном в *The Law Society of Ireland Gazette*, подчеркивается, что балинтовская группа предоставляет специалисту уникальную возможность «практиковать переносимость чрезвычайно трудных и сложных чувств, являющихся неотъемлемой частью профессиональной жизни» [3, с. 4]. Участники постепенно восстанавливают способность ясно мыслить в эмоционально заряженных ситуациях и выдерживать контакт с собственной уязвимостью.

Для начинающего психолога, чья профессиональная идентичность ещё только складывается, эта уязвимость становится главным испытанием. Исследователи указывают на неизбежность столкновения с противоречием между «Я-реальным» и «Я-идеальным-профессиональным» [1, с. 92]. В случае с психологами это противоречие усугубляется спецификой профессии: главным инструментом выступает собственная личность. Поэтому любая профессиональная неудача переживается не как ошибка в применении техники, а как дефект личности. Возникает мучительное чувство стыда («я плохой психолог»), которое вытесняет более конструктивное чувство вины («я допустил ошибку»). Это блокирует профессиональное развитие и, как показывают исследования В.А. Винокура [6, с. 5], напрямую запускает механизмы эмоционального выгорания.

В этой точке балинтовский метод предлагает принципиально иной путь. Группа, работая с кейсом коллеги, не даёт советов и не оценивает правильность его действий. Участники делятся собственными фантазиями, образами и чувствами, возникшими у них в ответ на рассказ. Такая техника создаёт эффект множественного зеркала: докладчик получает возможность увидеть свою ситуацию с разных ракурсов, но главное – он обнаруживает, что его трудные чувства (бессилие, раздражение, страх, отвращение) не уникальны, они знакомы другим и не делают его плохим специалистом. Этот эффект подробно описан в ирландском руководстве по эмоциональной безопасности практики [3, с. 5], а также в качественном исследовании, проведённом среди молодых врачей [5, с. 286].

Таким образом, метод затрагивает не только инструментальный, но и личностно-идентификационный уровень профессиональной деятельности.

Профессиональная идентичность понимается как интегративное образование, включающее осознание принадлежности к профессии, принятие её ценностей, чувство компетентности и устойчивость профессиональной позиции [4, с. 5].

Современные исследования подчёркивают, что на раннем этапе карьеры идентичность носит фрагментарный характер и сопровождается феноменом «самозванца» [5, с. 159]. Отсутствие поддерживающей профессиональной среды усиливает риск эмоционального выгорания и профессиональной дезадаптации [6, с. 36].

Формирование идентичности происходит через интеграцию опыта, рефлексии профессиональных действий и осмысление собственных эмоциональных реакций в контакте с клиентом.

Можно выделить несколько взаимосвязанных психологических механизмов, обеспечивающих влияние балинтовской супервизии на профессиональную идентичность. Опираясь на работы Н.В. Жигинас и Н.И. Сухачевой [2, с. 60], а также на данные лонгитюдных наблюдений [5, с. 287], можно выделить четыре ключевых процесса.

Первый и центральный механизм – контейнирование. Группа, ведомая подготовленным ведущим, выступает в роли «психического контейнера» (по У. Биону): она принимает в себя

невыносимые аффекты докладчика. Пройдя через групповую психическую переработку, эти аффекты возвращаются в символизированной, «переваренной» форме, становясь более усваиваемыми и менее токсичными.

Второй механизм – нормализация. В безопасном пространстве группы начинающий специалист обнаруживает, что его трудности, сомнения и стыдные чувства универсальны. Участники качественного исследования [5, с. 5] неоднократно отмечали, что именно переживание общности снижает остроту нарциссической травмы и позволяет воспринимать свои сложности не как свидетельство профнепригодности, а как закономерный этап профессионализации.

Третий механизм – деидеализация. Речь идёт о постепенном, часто болезненном, но необходимом отказе от инфантильных фантазий о всемогущем целителе. Принятие реалистичной профессиональной идентичности включает в себя право на ошибку, на незнание, на ограниченность собственных компетенций и даже на временное бессилие. Исследование Q. Liu с соавторами (2025), проведённое на выборке китайских медсестёр, показало, что этот процесс может быть существенно ускорен при целенаправленной работе с иррациональными убеждениями в рамках балинтового формата [4, с. 5].

Четвертый механизм – развитие профессиональной рефлексии. Собственные чувства постепенно перестают восприниматься как досадная помеха, которую нужно игнорировать или подавлять. Формируется устойчивый навык отслеживать свои аффективные реакции и использовать их как ценный диагностический материал, сигнализирующий о скрытых процессах в терапевтических отношениях. С. Kiessling и F. Dieterich в своей автоэтнографической работе подчёркивают, что именно эта рефлексивная способность отличает зрелого профессионала от новичка [7, с. 78].

Важно подчеркнуть, что балинтовская супервизия не противопоставляется традиционным формам обучения. Она не заменяет освоение техник и теоретических знаний, но создаёт психологическую почву, на которой только и возможно их подлинное присвоение. В.А. Винокур, анализируя связи психосоматической медицины и балинтовой супервизии, отмечает, что такие группы способствуют смещению фокуса с модели «центрированной на проблеме» на модель «центрированную на пациенте» [6, с. 86]. Для психолога это равнозначно переходу от манипулятивной парадигмы к диалогической, субъект-субъектной.

Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что потенциал балинтовой супервизии в подготовке практикующих психологов реализован не в полной мере. Она способна выступать не только инструментом профилактики выгорания, но и активным средством формирования профессиональной идентичности, помогая начинающему специалисту пройти через неизбежные кризисы компетентности с минимальными нарциссическими потерями.

Ключевым вкладом метода представляется его направленность на проработку глубинных аффективных комплексов, связанных с чувствами вины, стыда, профессиональной тревоги и неуверенности. Именно эти переживания, будучи вытесненными и непроработанными, становятся главными предикторами раннего выхода из профессии. Балинтовский формат, благодаря особой позиции ведущего и групповой динамике, создаёт условия для легитимации уязвимости и превращения её в точку профессионального роста.

В качестве практических рекомендаций можно предложить системное внедрение балинтовских групп в учебные планы психологических факультетов на этапе первой практики, а также создание доступных форматов постдипломного сопровождения для молодых специалистов. Дальнейшие

исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию связи между участием в балинтовских группах и устойчивостью профессиональной идентичности, а также на изучение долгосрочных эффектов такой работы.

Цитированная литература

1. Дряева, Э.Д. Я и Другой : факторы формирования идентичности в информационном обществе / Э.Д. Дряева, И.А. Канаев. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2020. – 261 с. – Текст: непосредственный.
2. Жигинас, Н.В. Профессионализация выпускников педагогического вуза как основа интеграции качественного образования / Н.В. Жигинас, Н.И. Сухачева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6 (159). – С. 56–62. – URL: <https://vestnik.tspu.edu.ru> (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.
3. Safely navigating the emotional hazards of practice // The Law Society of Ireland Gazette. – 2024. – URL: <https://www.lawsociety.ie/gazette> (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.
4. Liu, Q. A study on the professional identity intervention of Chinese new nurses by Balint groups from the perspective of ABC theory of emotion / Q. Liu, L. Su, X. Pan, X. Jin // BMC Nursing. – 2025. – Vol. 24, № 1. – P. 1-9. – DOI: 10.1186/s12912-024-02678-2. – URL: <https://bmcnurs.biomedcentral.com> (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.
5. Becoming the kind of doctor that you want to be. A qualitative study about participation in Balint group work / [anonymous] // International Journal of Psychiatry in Medicine. – 2022. – Vol. 57, № 4. – P. 283-292. – DOI: 10.1177/00912174221102345. – Текст: непосредственный.
6. Винокур, В.А. Relationships of psychosomatic medicine and Balint supervision of physicians / В.А. Винокур // [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49827689> (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.
7. Kiessling, C. Demystifying Balint culture and its impact: An autoethnographic analysis / C. Kiessling, F. Dieterich // International Journal of Psychiatry in Medicine. – 2022. – Vol. 57, № 6. – P. 496-503. – DOI: 10.1177/00912174221102345. – Текст: непосредственный.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИВАЮЩЕЙ ПРОГРАММЫ «УСПЕШНЫЙ ПЕРВОКЛАССНИК» В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Комиссарова Ольга Александровна¹,

кандидат психологических наук, доцент кафедры Психологии и педагогики,

e-mail: o.komissarova@mtu.ru

Воронцова Наталья Анатольевна¹,

магистрантка кафедры Психологии и педагогики,

e-mail: natalivoroncova78@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлены результаты эмпирического исследования эффективности авторской развивающей программы по формированию психологической готовности к школе у детей 6-7 лет. Применение диагностического комплекса и статистических методов (Т-критерий Вилкоксона) доказало наличие статистически значимых положительных сдвигов по всем структурным компонентам готовности после 12-недельного курса занятий. Наиболее выраженная динамика выявлена в интеллектуальной и эмоционально-волевых сферах. Результаты свидетельствуют о практической ценности программы для системной подготовки дошкольников к обучению.

Ключевые слова: готовность к школе, развивающая программа, дошкольник, Т-критерий Вилкоксона, диагностика.

THE EFFECTIVENESS OF THE DEVELOPMENTAL PROGRAM «SUCCESSFUL FIRST-GRADER» IN THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR SCHOOL IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

Komissarova O.A.¹,

candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,

e-mail: o.komissarova@mmu.ru

Vorontsova N.A.¹,

master's student at the Department of Psychology and Pedagogy,

e-mail: natalivoroncova78@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article presents the results of an empirical study of the effectiveness of the author's developmental program in the formation of psychological readiness for school in children aged 6-7 (a year before school, N=30). The use of a diagnostic complex and statistical methods (Wilcoxon's T-test) has proven the presence of statistically significant positive changes in all structural components of readiness after a 12-week course of classes. The most pronounced dynamics were observed in the intellectual and emotional-volitional spheres. The results indicate the practical value of the program for the systematic preparation of preschoolers for learning.

Keywords: readiness for school, developmental program, preschooler, Wilcoxon's T-test, diagnostics.

В современной образовательной системе успешность адаптации и обучения ребенка в начальной школе в большей степени определяется не столько объемом предметных знаний, сколько сформированностью компонентов психологической готовности.

Вопрос о том, что представляет собой психологическая готовность ребенка к школьному обучению в научной литературе трактуется неоднозначно. В отечественной психологии значительный вклад в изучение этой проблемы внесли такие ученые как, Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, а также их последователи - Л.А. Венгер, Е.Е. Кравцова, Н.И. Гуткина, Н.В. Нижегородцева, В.Д. Шадриков и др.

На сегодняшний день в рамках развития педагогической науки сформировался ряд трактовок термина «психологическая готовность к школе». Отечественные исследователи, такие как Я.Л. Коломинский, Е.А. Панько, Н.И. Гуткина, Н.В. Нижегородцева, В.Д. Шадриков, в своих исследованиях характеризуют данное понятие как сложную структуру, состоящую из взаимосвязанных компонентов.

Иной акцент в определении делает В.С. Мухина. Она связывает готовность дошкольника к обучению прежде всего с внутренней позицией ребенка, который включает понимание важности учебы и наличие собственного желания учиться [1, с. 16]. С точки зрения психолога, ключевым аспектом здесь выступает эмоционально-волевая сфера, в которую она включает: положительное и мотивированное ожидание предстоящего школьного обучения; достаточно развитые нравственные, эстетические и интеллектуальные качества; способность к сложным социальным эмоциям (сочувствию, эмпатии и др.)

Л.А. Венгер определял готовность к школе, как комплекс, основу которого образует необходимый минимум знаний и умений. Все прочие качества ребенка, уровень которых может различаться, «надстраиваются» уже над этой основой. В состав данного комплекса, по его мнению, входят следующие взаимосвязанные составляющие: личностная, интеллектуальная, волевая готовность и учебная мотивация, которая воплощается во «внутренней позиции школьника» [2, с.15].

Д.Б. Эльконин связывал психологическую готовность к школе с формированием у детей ряда ключевых умений. Центральное место среди них он отводил следующим: действовать в соответствии с правилами, осознавать систему правил как основу учебной работы, проявлять произвольное внимание к инструкции педагога и действовать в соответствии с ними, а также выполнять задания по предложенному алгоритму или образцу [3, с.56].

Подход Н.Г. Салминой к проблеме психологической готовности к школе отличается акцентом на семиотическую функцию, она рассматривает ее в качестве ключевого критерия интеллектуального развития дошкольника и, соответственно, его подготовленности к школе [4, с.121]. Л.И. Божович сконструировала эту готовность, выделив два главных компонента, от которых зависит успешность школьной деятельности – это интеллектуальный и личностный [5, с.9]. Развивая представления о личностном аспекте, Т.А. Нежнова делает акцент на понятии «внутренняя позиция», то есть новая социальная ситуация и учебная деятельность становятся движущей силой только в том случае, если они осознанно принимаются ребенком, превращаясь в содержание его собственных потребностей и устремлений. [6, с. 50].

Согласно позиции А.Н. Леонтьева, развитие ребенка инициируется и направляется его ведущей в данный момент деятельностью, что находит отражение в качественном преобразовании «внутренней позиции школьника» [7, с. 125].

Значительный вклад в разработку концепции подготовленности к обучению внесла и Н.И. Гуткина. Ею было предложено интегративное определение, согласно которому психологическая готовность к школе представляет собой такой уровень психического развития ребенка, который является необходимым и достаточным для успешного усвоения школьной программы в условиях коллективного обучения [8, с. 88].

Анализ трудов отечественных исследователей позволяет заключить, что успешность школьного обучения напрямую зависит от сформированности у старшего дошкольника базового

комплекса качеств, необходимых на начальном этапе. Эти качества статичны, они развиваются и совершенствуются в процессе получения знаний и навыков, что и обеспечивает достижение высоких образовательных результатов.

В современной научной парадигме наблюдается устойчивый рост интереса к проблеме психологической готовности к школе и среди зарубежных авторов. Значительная часть международных исследований сосредоточена на выявлении взаимосвязей между психофизиологическими показателями ребенка и его успешностью в обучении. Методологической особенностью данного направления является синтез теоретических построений, полученных в ходе практической и экспериментальной работы. Для зарубежных исследований характерен акцент на диагностике интеллектуального развития, что выражается в широком применении тестовых методик, которые призваны оценить сформированность ключевых познавательных функций: мышления, памяти, восприятия. Изучаемый феномен чаще всего обозначается термином «школьная зрелость» и, согласно классической модели, представленной в работах Г. Гетцера, А. Керна, Я. Йирасека и их последователей, включает три базовых компонента: интеллектуальную, эмоциональную и социальную зрелость [10, с.8].

Несмотря на многочисленные исследования данной проблемы, сохраняется запрос на практико-ориентированные работы, доказывающие эффективность конкретных психолого-педагогических средств в условиях реального образовательного процесса дошкольной организации. Особую значимость приобретают программы, направленные не на форсирование интеллектуального развития, а на гармонизацию всех структурных компонентов готовности: мотивационного, эмоционально-волевого, социально-коммуникативного и, безусловно, интеллектуального.

Научная новизна исследования заключается в эмпирической проверке авторской комплексной программы, построенной на принципах системного формирования психологических условий готовности (в отличие от коррекции отдельных дефицитов). В работе не только констатируется динамика, но и с применением современных методов математической статистики, выявляется степень и специфика воздействия программы на разные сферы психического развития старшего дошкольника.

Целью данного исследования являлась оценка эффективности специально разработанной развивающей программы в повышении уровня психологической готовности к школьному обучению у детей 6-7 лет.

Объект исследования: готовность детей старшего дошкольного возраста к обучению в школе.

Предмет исследования: психологические условия формирования готовности к школьному обучению.

Гипотеза исследования: реализация развивающей программы по работе с дошкольниками способствует статистически значимому повышению общего уровня и структуры психологической готовности к школе. При этом наиболее выраженный эффект ожидается в развитии интеллектуальной и эмоционально-волевых сфер.

В исследовании приняли участие 30 воспитанников дошкольной организации, средний возраст которых 6,5 лет. Выборка является репрезентативной для данного возрастного этапа.

Для изучения всех компонентов готовности была разработана диагностическая карта, которая включала в себя следующие типы диагностических методик [11, с.242]:

1. Диагностика мотивационной и личностной сферы. Беседа о школе (модификация беседы Т.А. Нежновой). Выявляет доминирующий мотив (игровой, социальный, познавательный).

2. Диагностика интеллектуальной сферы. Ориентационный тест школьной зрелости Керна-Йирасека. Выявляет общее развитие (рисование фигуры по образцу), развитие тонкой моторики руки (рисование точек), уровень мышления и речи (понимание инструкции).

3. Диагностика произвольной сферы. Графический диктант (Д.Б. Эльконин). Выявляет умение слушать и точно выполнять инструкцию взрослого, работать по образцу, уровень развития произвольности, ориентацию в пространстве.

4. Диагностика социально-коммуникативной сферы. Для диагностики использовалась проективная методика «Рисунок школы». Интерпретация проводилась на основе общепринятых критериев анализов проективных рисунков (Д.Б. Эльконин, А.Л. Венгер) с учетом содержания рисунка, сюжета, расположения фигур, размера, детализации и цветовой гаммы.

Анализ данных, полученных в ходе психодиагностики, позволяет констатировать, что подавляющее большинство будущих первоклассников демонстрируют интеллектуальное развитие, полностью соответствующее возрастным нормам. Дети успешно справляются с заданиями на логику, классификацию, обладают достаточным кругозором и запасом знаний. Этот фундамент, безусловно, является прочной основой для начала обучения.

Однако за внешне благополучной картиной скрывается область, требующая пристального внимания педагогов и родителей. Результаты тестирования выявили тревожный дисбаланс: в то время как когнитивная сфера развита хорошо, ключевые компоненты психологической готовности – мотивационная, личностная, произвольная и социально-коммуникативная сферы – показывают низкий процент сформированности. Это проявляется в следующем:

- преобладает «дошкольная» мотивация, желание идти в школу связано с внешними атрибутами (новый ранец, форма) или игровой деятельностью, а не с искренним интересом к знаниям;
- страдает произвольность поведения, детям сложно подчиняться правилам, длительно удерживать внимание на учебной задаче и доводить начатое до конца;
- наблюдаются трудности в коммуникации, не все умеют эффективно взаимодействовать со сверстниками, работать в паре, адекватно реагировать на замечания взрослого [12, с.140].

Именно здесь кроется главная ценность ранней диагностики. Тот факт, что мы выявили этот «перекосяк» за год до начала систематического обучения, является не поводом для тревоги, а, напротив, уникальным шансом. Этот временной резерв позволяет нам перейти от констатации фактов к эффективной развивающей работе.

Мы получаем четкий маршрут для целенаправленной подготовки, которая будет заключаться не в «натаскивании» на чтение и счет, а в мягком и грамотном формировании внутренней позиции школьника. Через игровые тренинги, проектную деятельность и специальные упражнения мы можем помочь ребенку развить волевые качества и усидчивость; пробудить здоровый познавательный интерес; научиться выстраивать отношения в коллективе; сформировать адекватную самооценку и умение преодолевать трудности [13, с.62].

На основе полученных результатов была разработана авторская комплексная программа «Успешный первоклассник», направленная на создание психологических условий для развития всех компонентов готовности через игровые, коммуникативные и рефлексивные техники. Программа была реализована в течение 12 недель и включала 24 групповых занятия.

Для визуализации динамики изменений, произошедших в результате реализации развивающей программы, был построен сравнительный график средних значений по компонентам психологической готовности, представленный на рис.

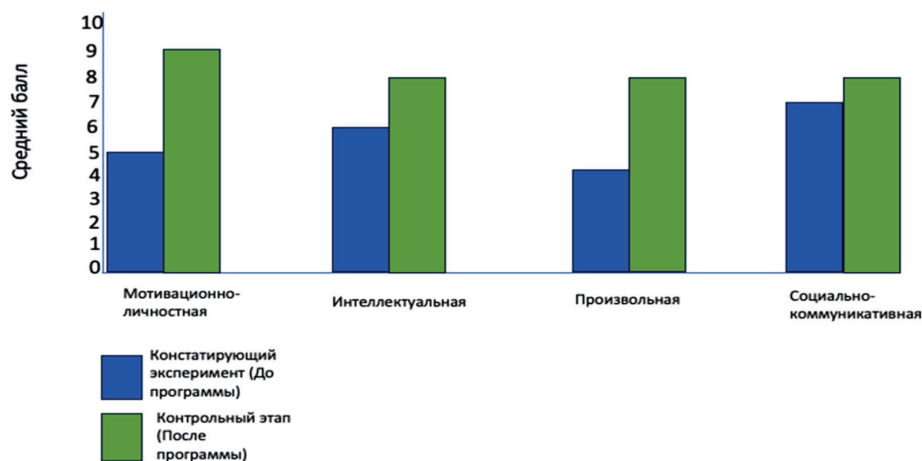

Рис. Динамика средних показателей по компонентам психологической готовности

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования

Как видно из рис., реализация развивающей программы оказала комплексное положительное воздействие на все диагностируемые компоненты психологической готовности детей старшего дошкольного возраста.

Качественный анализ графических данных позволяет выделить следующие ключевые тенденции. Наиболее выраженная положительная динамика зафиксирована в мотивационно-личностной сфере, поскольку, средний групповой показатель вырос с 5 до 9 баллов. Данный факт свидетельствует об эффективности целенаправленной работы по формированию «внутренней позиции школьника» и учебно-познавательных мотивов, что является центральным звеном успешного начала систематического обучения.

Значительный и равномерный рост наблюдается в интеллектуальной (с 6 до 9 баллов) и социально-коммуникативной (с 7 до 9 баллов) сферах. Это означает то, что использованные в программе методы способствовали не только развитию познавательных процессов, но и успешному формированию навыков кооперации и общения, необходимых для жизни в школьном коллективе.

Существенный прогресс, хотя и менее выраженный в сравнении с мотивационной сферой, отмечен в развитии эмоционально-волевого компонента (произвольности) с 4 до 8 баллов. Полученный рост подтверждает качественную трансформацию структуры психологической готовности: если на констатирующем этапе мог наблюдаться «перекося» в развитии отдельных компонентов, то после формирующей работы профиль готовности становится более сбалансированным и гармоничным, с высокими показателями по всем ключевым направлениям. Данная динамика служит наглядным подтверждением эффективности реализованной программы.

Для статистического подтверждения положительной динамики результатов у дошкольников в ходе проведения авторской программы проводился подсчет Т-критерия Вилкоксона, дающий возможность сравнить результаты до и после психологического воздействия.

Так при сравнении результатов по методике Т.А. Нежновой $T = 91,5$ при $p < 0,05$ зафиксирован достоверный положительный сдвиг, однако его величина указывает на большую индивидуальную вариативность отклика детей на формирующие воздействия в этой области.

Сравнивая результаты ориентационного теста школьной зрелости Керна-Йирасека, получили результаты $T = 1$ при $p < 0,05$, это говорит о том, что программа оказала сильнейшее воздействие на интеллектуальную сферу, улучшив показатели у всей группы.

Аналогичный результат показало сравнение по методике Эльконина ($T=1$ при $p < 0,05$), из чего мы делаем вывод, что и на произвольную сферу было оказано сильное и универсальное воздействие.

При сравнении результатов проективной методики «Рисунок школы» также видна высокая эффективность, $T=5$ при $p < 0,05$.

Проведенное эмпирическое исследование, направленное на оценку эффективности разработанной развивающей программы, позволяет сформулировать следующие выводы:

- статистический анализ данных с использованием Т-критерия Вилкоксона выявил наличие статистически значимой положительной динамики у дошкольников по показателям психологической готовности к школе;

- качественный анализ динамики показателей позволяет констатировать направленный характер изменений, у подавляющего большинства испытуемых зафиксирован существенный прогресс по ключевым компонентам психологической готовности. Наиболее выраженная динамика наблюдается в развитии мотивационно-личностного компонента, социально-коммуникативной компетентности, элементов произвольной регуляции. Индивидуальные траектории развития подтверждают эффективность дифференцированного подхода, заложенного в программе.

Таким образом, подтверждается эффективность разработанной развивающей программы «Успешный первоклассник», что проявляется в статистически значимом повышении уровня психологической готовности детей к школьному обучению по всем диагностируемым параметрам. Полученные результаты эмпирически обосновывают возможность широкого внедрения данной программы в практику работы дошкольных образовательных учреждений.

Цитированная литература

1. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип / В.С. Мухина. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 656 с.
2. Венгер, А.Л. Как дошкольник становится школьником? [Текст] / А.Л. Венгер // Дошкольное воспитание. – 2005. – №8. – С. 66-74.
3. Эльконин, Д.Б. Психология развития человека / Д.Б. Эльконин. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 460 с.
4. Салмина, Н.Г., Филимонова О.Г. Психологическая диагностика развития младшего школьника. – М., МГППУ, 2006. – 215 с. – URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=42555>.
5. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. [Текст] / Л.И. Божович. – М.: Наука, 2010. – 346 с.
6. Нежнова, Т.А. Динамика «внутренней позиции» при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту / Т. А. Нежнова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1988. – № 1. – С. 50–61.
7. Леонтьев, А.Н. Психология эмоций: потребности, мотивы и эмоции [Текст]: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Леонтьев. – М., 1984. – 354 с.
8. Гуткина, Н.И. Психологическая готовность к школе в контексте проблемы преемственности образования / Н.И. Гуткина // Психологическая наука и образование. – 2010. – №3. – С. 106-115.
9. Волкова, Е.Т. Готов ли ребенок к школе [Текст] / Е.Т. Волкова // До Веракса А. Н. Практический психолог в детском саду: Пособие для психологов и педагогов / А. Н. Веракса, М. Ф. Гуторова. – 3-е изд. – Москва: Мозаика-
10. Веракса, А.Н. Практический психолог в детском саду: Пособие для психологов и педагогов / А.Н. Веракса, М.Ф. Гуторова. – 3-е изд. – Москва: Мозаика-Синтез, 2019. – 144 с.

11. *Сорокоумова, Е.А.* Специфика психологической готовности современных детей к школьному обучению / Е.А. Сорокоумова, М.Г. Курносова // Педагогика и психология образования. – 2020. – No 1. – С. 238-257.
12. *Черняева, С.А.* Психологическое сопровождение родителей будущих первоклассников: тренинги, консультации, памятки / С.А. Черняева. – Волгоград : Учитель, 2021. – 171 с.
13. *Иванова, О.С.* Психологическая готовность ребенка к обучению в школе / О.С. Иванова // Современная информационно-образовательная среда: психологический и педагогический взгляд: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Калуга, 14 декабря 2020 г. – Sterlitaмак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020. – С. 60-64.

УДК 159.9

РАННЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ У МОЛОДЕЖИ**Поляков Александр Сергеевич¹,***кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,**e-mail: aleksandr-pv@mail.ru***Юсубова Эльзара Элсевар кызы¹,***магистрант,**e-mail: angelok1.00@mail.ru*¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление структурных взаимосвязей между характером ранней эмоциональной привязанности к родителям и стратегиями поведения в межличностных конфликтах у лиц раннего взрослого возраста. Показано, что безопасный тип привязанности, характеризующийся доверием и качественным общением с родителями, связан с использованием конструктивных стратегий (сотрудничество). Небезопасная привязанность и отчужденность коррелируют с деструктивными тактиками (соперничество, избегание). Выявлены гендерные различия в характере исследуемых взаимосвязей.

Ключевые слова: теория привязанности, межличностные отношения, ранний взрослый возраст, стратегии поведения в конфликте, сепарация, рабочие модели.

EARLY ATTACHMENT AND BEHAVIORAL STRATEGIES IN INTERPERSONAL CONFLICTS: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP AMONG YOUTH**Polyakov A.S.¹,***PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology,**e-mail: aleksandr-pv@mail.ru***Yusubova Elzara Elsevar kzy¹,***Master's student,**e-mail: angelok1.00@mail.ru*¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY

The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the structural relationships between the nature of early emotional attachment to parents and strategies for resolving interpersonal conflicts in young people. It is shown that a secure attachment type, characterized by trust and quality communication with parents, is associated with the use of constructive strategies (cooperation). Insecure attachment and alienation correlate with destructive tactics (rivalry, avoidance). Gender differences in the nature of the studied relationships are revealed.

Keywords: attachment theory, interpersonal relationships, youth, conflict resolution strategies, separation, working models.

Проблема генезиса и функционирования близких межличностных отношений, в том числе конфликтного взаимодействия, в раннем взрослом возрасте занимает центральное место в контексте задач развития, связанных с установлением глубоких, зрелых связей со сверстниками и поиском партнера для создания будущей семьи [1]. В современной психологической науке

накоплен значительный объем данных, свидетельствующих о том, что качество межличностных связей, формирующихся в зрелом возрасте, детерминировано характером раннего эмоционального опыта, полученного индивидом в родительской семье [2; 3]. Согласно базовым положениям теории привязанности, потребность в тесных эмоциональных связях является фундаментальной и сохраняет свою актуальность на протяжении всего жизненного цикла человека, претерпевая трансформации от диадических отношений «ребенок-взрослый» к симметричным партнерским связям [2; 4].

Изначально сформулированная в контексте детско-родительского взаимодействия, теория привязанности была успешно экстраполирована на сферу романтических отношений. Было эмпирически подтверждено, что в основе близких взаимоотношений между взрослыми людьми лежат эмоциональные связи, по своей структуре и функциям аналогичные привязанности ребенка к матери [4]. Ключевым элементом данной системы выступают внутренние рабочие модели – устойчивые когнитивно-аффективные репрезентации себя и значимого Другого, которые регулируют поведение в ситуациях, требующих близости и поддержки [2; 5].

С точки зрения теории семейных систем М. Боуэна, качество сепарации определяется уровнем дифференциации Я – способностью быть автономной личностью, сохраняя при этом эмоционально-здоровые связи с окружением [7]. Нарушения сепарационных процессов, выражающиеся в эмоциональной зависимости от родителей, копировании деструктивных паттернов поведения и неумении брать на себя ответственность, создают значительные препятствия для формирования близких и доверительных отношений с другими людьми [6]. Как отмечает А.Я. Варга, «присоединенность к родительской семье не оставляет места для новых эмоционально насыщенных отношений» [8].

Таким образом, стиль построения межличностных отношений в ранней взрослости, в значительной степени, представляет собой сложный психологический феномен, корнящийся в раннем опыте привязанности и качестве сепарации от родительской семьи. Внутренние рабочие модели, сложившиеся в детско-родительских отношениях, определяют не только избирательность в выборе партнера, но и общий характер взаимодействия с другими, включая стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Эмпирические исследования последовательно демонстрируют, что сформированный в детстве тип эмоциональной связи выступает устойчивым предиктором стратегий поведения в межличностных конфликтах во взрослой жизни [2, 4]. Надежный тип привязанности, характеризующийся низкими уровнями тревоги и избегания, коррелирует с предпочтением конструктивных стратегий разрешения противоречий, таких как сотрудничество и компромисс, что является следствием сформированного базового доверия и способности учитывать интересы партнера.

Напротив, ненадежные типы привязанности – тревожный и избегающий – ассоциируются с дезадаптивными и деструктивными паттернами: склонностью к соперничеству, избеганию конфронтации или гиперэмоциональной вовлеченности, что препятствует открытому диалогу и конструктивному решению проблем [5].

Таким образом, ранний детский опыт привязанности не только определяет избирательность в выборе партнера, но и имплицитно детерминирует репертуар поведенческих реакций в ситуациях межличностной конфронтации, создавая основу либо для кооперации, либо для циклической эскалации напряжения.

Основной целью настоящего исследования являлось выявление и анализ структурных взаимосвязей между характером ранней эмоциональной привязанности к фигурам матери и отца

и доминирующими стратегиями поведения в межличностных конфликтах у лиц возраста ранней взрослости.

Исходя из теоретических положений теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, была выдвинута гипотеза о том, что интериоризированные паттерны безопасной или небезопасной привязанности, сформированные в родительской семье, являются устойчивым предиктором выбора стратегий поведения в ситуациях межличностной конфронтации.

Дизайн исследования включал несколько последовательных аналитических этапов для комплексной проверки гипотезы:

1. Корреляционный анализ по всей выборке для выявления линейных взаимосвязей между показателями привязанности к матери и отцу и стратегиями поведения в конфликте;
2. Сравнительный анализ (с использованием U-критерия Манна-Уитни) для выявления различий в использовании конфликтных стратегий между группой респондентов с безопасным и небезопасным профилем привязанности;
3. Стратифицированный корреляционный анализ отдельно для мужской и женской подвыборок с целью выявления гендерной специфики исследуемых взаимосвязей.

В качестве релевантного методического инструментария были применены две стандартизированные психодиагностические методики. Для верификации особенностей переживания привязанности использовалась «Шкала переживания близости с родителями» (ПБР), представляющая собой адаптированную версию опросника IPPA (Inventory of Parent and Peer Attachment). Методика включает 45 утверждений, сгруппированных в три диагностические субшкалы, оценивающие отношения респондента с каждым из родителей: «Доверие» (оценка степени психологической безопасности и надежности родительской фигуры), «Отчужденность» (фиксация на переживаниях непонимания, отвержения и гнева) и «Общение» (уровень открытости и глубины коммуникации). Для диагностики поведенческих паттернов в конфликтных ситуациях в межличностных отношениях применялась русскоязычная адаптация «Опросника стратегий поведения в конфликте» К. Томаса, выявляющая доминирующую тенденцию к использованию пяти базовых тактик: «Соперничество» (конкурентная, доминирующая позиция), «Сотрудничество» (ориентация на поиск интегративного решения), «Компромисс», «Избегание» (уклонение от конфронтации) и «Приспособление» (односторонняя уступка партнеру).

Эмпирическая выборка исследования была сформирована на принципах добровольного информированного согласия и составила 50 человек (28 женщин и 22 мужчины) в возрасте от 20 до 25 лет (средний возраст $M=21,8$, $SD=1,4$). Критерием включения являлось нахождение респондента в гетеросексуальных романтических отношениях продолжительностью не менее шести месяцев на момент проведения опроса, что обеспечивало релевантность вопросов опросника К. Томаса о поведении в диадическом взаимодействии.

Процедурный дизайн исследования включал последовательное прохождение нескольких этапов. На первом, скрининговом этапе, осуществлялся отбор участников, соответствующих заданным критериям, и сбор социально-демографических данных. На основном диагностическом этапе респонденты индивидуально заполняли батарею опросников в стандартизированных условиях, обеспечивающих конфиденциальность. По результатам проведенной «Шкалы переживания близости с родителями» выборка была разделена на подгруппы с надежной и ненадежной привязанностью (рис. 1).

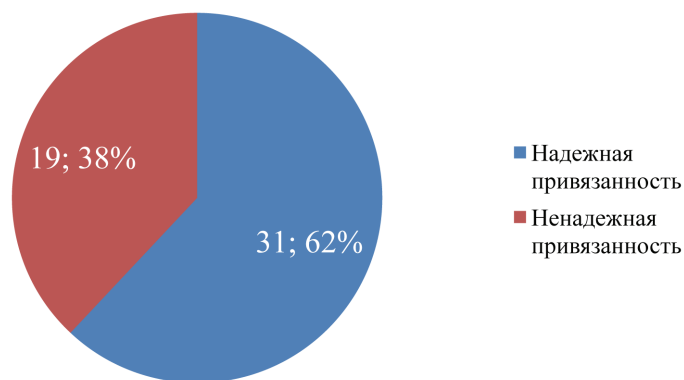

Рис. 1 Распределение участников по типу привязанности

Источник: составлено автором на основе собственных статистических данных

Статистическая обработка эмпирических данных на аналитическом этапе проводилась с применением программного пакета IBM SPSS Statistics 27. Использовались методы описательной статистики (расчет средних значений M и стандартных отклонений SD), корреляционный анализ по критерию Пирсона (r) для установления линейных взаимосвязей, а также непараметрический U -критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок. Уровень статистической значимости был принят за $p < 0,05$.

Результаты проведенного анализа выявили ряд статистически значимых закономерностей. В первую очередь, была подтверждена гипотеза о дифференцирующей роли материнской фигуры в формировании паттернов конфликтного поведения. Установлена сильная отрицательная корреляция между уровнем доверия к матери и склонностью к избегающей стратегии ($r = -0,68$, $p < 0,001$). Аналогичная, хотя и менее выраженная, отрицательная связь зафиксирована между шкалой «Общение с матерью» и показателем «Соперничество» ($r = -0,54$, $p < 0,01$). Это позволяет заключить, что безопасная привязанность, характеризующаяся высоким доверием и качественной коммуникацией, редуцирует деструктивные формы поведения в межличностных конфликтах, связанные с уходом от решения проблемы или агрессивным доминированием.

Напротив, группа респондентов с профилем небезопасной привязанности (низкие баллы по шкалам «Доверие» и «Общение», высокие показатели «Отчужденности» как к матери, так и к отцу) продемонстрировала статистически значимое доминирование непродуктивных стратегий. Сравнение по U -критерию Манна-Уитни выявило, что у таких индивидов достоверно выше показатели по шкалам «Соперничество» ($U = 112,5$, $p < 0,05$) и «Избегание» ($U = 98,0$, $p < 0,01$) (рис. 2). При этом показатели по шкале «Сотрудничество» в данной группе оказались значимо ниже ($U = 105,0$, $p < 0,05$), что свидетельствует о дефиците навыков конструктивного разрешения противоречий.

Что касается стратегий «Компромисс» и «Приспособление», статистически значимых различий между группами с надежным и ненадежным типами привязанности выявлено не было ($p > 0,05$).

Особый интерес представляют выявленные гендерные различия. У мужчин из выборки была обнаружена более тесная корреляция между отчужденностью от отца и стратегией соперничества ($r = 0,61$, $p < 0,01$), в то время как у женщин аналогичная связь была сильнее выражена с фигурой матери ($r = 0,58$, $p < 0,01$).

Это может указывать на специфику гендерной социализации и идентификационных процессов. В традиционной культуре однополый родитель часто выступает ключевой фигурой для усвоения гендерно-ролевых моделей поведения. Для юношей идентификация с отцом связана

с усвоением таких стереотипно «мужских» черт, как доминирование и напористость, что в конфликтной ситуации может проявляться в стратегии «соперничества». Для девушек тесная связь с матерью может способствовать формированию иной модели, где конфликтное поведение также воспроизводит усвоенные паттерны, однако их содержание требует дальнейшего изучения. Таким образом, выявленные различия носят не столько биологический (половой), сколько социально-обусловленный (гендерный) характер, опосредованный процессом усвоения моделей поведения у значимых однополых взрослых.

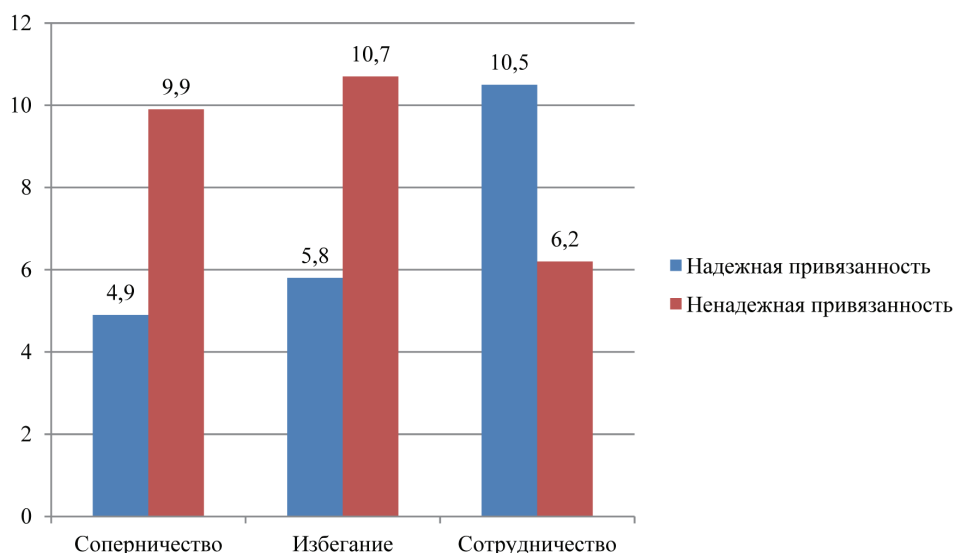

Рис 2. Сравнение стратегий поведения в конфликте между группами с надежной ($n=19$) и ненадежной ($n=31$) привязанностью (приведены средние значения в группах)

Источник: составлено автором на основе собственных статистических данных

Примечание: По шкалам «Соперничество» и «Избегание» по методике К. Томаса статистически значимые различия выше в группе с ненадежной привязанностью ($p < 0,05$ и $p < 0,01$ соответственно). По шкале «Сотрудничество» показатели значимо выше в группе с надежной привязанностью ($p < 0,05$).

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют констатировать, что ранний опыт эмоциональных отношений с родителями выступает системообразующим фактором, имплицитно детерминирующим выбор стратегий поведения в межличностных конфликтах. Интериоризированные рабочие модели безопасной привязанности, характеризующиеся доверием и открытостью, формируют установку на кооперацию и поиск взаимовыгодных решений. В свою очередь, дефицит безопасности и высокий уровень отчужденности в родительских отношениях предрасполагают к ригидному использованию защитных и деструктивных тактик, таких как избегание и конкуренция. Выявленная связь демонстрирует устойчивое влияние стиля родительской привязанности на общий характер социального взаимодействия индивида в ранней взрослости, что в долгосрочной перспективе может оказывать влияние на качество и стабильность не только романтических, но и иных значимых межличностных отношений.

Цитированная литература

1. Гарвард, О.О., Сабельникова, Н.В. Привязанность к романтическому партнеру юношей и девушек с разными особенностями взаимоотношений с родителями // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2017. – №. 1. – С. 27-35.

2. Боулби, Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
3. Галимзянова, М.В. Отношения в родительской семье и выбор партнера //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – №. 2-1. – С. 277-286.
4. Hazan, C., Shaver, P. Romantic love conceptualized as an attachment process. // J. Pers. Soc. Psychol. – 1987. – Т. 52. – С. 511-524.
5. Mikulincer, M., Shaver, P.R. Adult attachment orientations and relationship processes //Journal of family theory & review. – 2012. – Т. 4. – №. 4. – С. 259-274.
6. Петрова, И.А. Роль сепарации от родительской семьи в формировании романтических отношений у молодых людей //Актуальные проблемы современных гуманитарных наук. – 2016. – С. 373-377.
7. Bowen, M. Family therapy in clinical practice. – Jason Aronson, 1993.
8. Варга, А.Я. Сепарация. Что это и зачем она нужна? [Электронный ресурс] URL: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=187> (Дата обращения: 23.10.25.)